

Р.К. МИНЬЯР-БЕЛОРУЧЕВ

Общая теория перевода и устный перевод

Р. К. МИНЬЯР-БЕЛОРУЧЕВ

Общая теория перевода и устный перевод

**Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство
Министерства обороны СССР
Москва — 1980**

ББК81
М62

Автор несет ответственность за аутентичность цитат.

Миньяр-Белоручев Р. К.

М62 **Общая теория перевода и устный перевод.—**
М.: Воениздат, 1980. — 237 с., ил.

В пер. 95 к.

В отличие от большинства имеющихся публикаций в настоящей книге перевод рассматривается как самостоятельная наука, а его основные проблемы исследуются независимо от конкретной пары языков. Читателю предлагаются теории информативности текстов, основные способы перевода, классификация языковых средств в переводе и т. д. Теоретическое исследование проблем завершается практическими выводами и рекомендациями.

Книга предназначена для студентов и преподавателей языковых факультетов и вузов, переводчиков, а также лингвистов и других специалистов, интересующихся проблемами теории и практики перевода.

М 70104-177 88.80.4602020000.
068(02)-80

ББК81
4И(07)

© Воениздат, 1980

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
От автора	4
Глава 1. Наука о переводе — самостоятельная наука?	5
Глава 2. Об объекте науки о переводе	16
Глава 3. От акта речи к коммуникации с переводом	28
Глава 4. Сообщение и типы высказываний	40
Глава 5. Сообщение и информационный запас	48
Глава 6. Информативность текстов	63
Глава 7. Еще раз о единицах перевода	83
Глава 8. Способы и приемы перевода	99
Глава 9. О навыке переключения в переводе	111
Глава 10. Категория соответствий и теория несоответствий в переводе	122
Глава 11. Виды перевода	144
Глава 12. Методы перевода	155
Глава 13. Военный перевод	194
Заключение	215
Краткий словарь переводческих терминов	221
Указатель литературы	233

ОТ АВТОРА

Перевод играет все возрастающую роль во всех областях жизни. Переводят художественные произведения, научно-техническую литературу, газетные материалы, кинофильмы, речи... Профессия переводчика становится все более многогранной и сложной. Увеличивается количество книг о переводе. Но наука о переводе еще сравнительно молода, и вокруг ее статуса продолжают споры.

В настоящей книге автор излагает свою точку зрения о переводе, при этом он исходит из того положения, что перевод уже перерос рамки лингвистики и переживает становление как наука на стыке лингвистики, психологии, семиотики и социологии. И эта книга не о переводе с русского языка на французский или с английского языка на русский, а о проблемах общей теории перевода, о так называемых переводческих универсалиях. В этой книге перевод рассматривается не как искусство межъязыковых трансформаций, а как умение найти при оформлении перевода языковые средства, которые могли бы в данной ситуации предложить адресату информацию, способную продуцировать у него искомый смысл, а если нужно, то и дополнительный эстетический эффект. Теоретическое обоснование этого положения особенно важно для устного перевода, в условиях которого возрастает роль речевой ситуации и усложняется отбор информации. Отсюда специальное рассмотрение проблем, с которыми сталкивается в первую очередь устный переводчик. К этим проблемам относятся: типы высказываний, информационный запас, смысловой анализ текста, знаковый способ перевода.

В настоящей книге освещаются и основные понятия перевода — соответствия, инвариант, сообщение, единица перевода, его способы, приемы и методы. В ней описываются также конкретные методы в основных видах перевода, особенности и трудности военного перевода, раскрывается зависимость способов перевода от специфики языковых средств, намечаются пути определения коэффициента информативности текстов и т. п. В конце книги приводится краткий словарь основных переводческих терминов.

Автор признателен профессору Бархударову Л. С. и доценту Черняховской Л. А. — рецензентам этой книги.

Книга рассчитана на переводчиков, преподавателей языковых факультетов и вузов, студентов, лингвистов и других специалистов, интересующихся проблемами теории и практики перевода.

Все критические замечания и пожелания просим направлять по адресу: 103160, Москва, К-160, Военное издательство.

Глава 1.

НАУКА О ПЕРЕВОДЕ — САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ НАУКА?

Любая наука получает самостоятельность, если она имеет свои объект, предмет и терминологию. Свои объект, предмет и терминологию должна иметь и наука о переводе, если она претендует на самостоятельность. Пока же перевод остается областью лингвистики, а рассматриваемые проблемы перевода обычно не выходят за рамки сопоставительного изучения двух языков. Справедливости ради следует отметить, что лучшие книги о переводе написаны лингвистами. Среди них одно из первых мест занимают работы Л. С. Бархударова, который совершенно справедливо выступает за изучение перевода как процесса, но при этом оговаривается, что термин «процесс» применительно к переводу понимается им «в чисто лингвистическом смысле, то есть как определенного вида языковое, точнее, межъязыковое **преобразование или трансформация текста на одном языке в текст на другом языке**» [9, 6]. И далее он пишет, что «теория перевода должна рассматривать не любые отношения между текстами на языке подлинника и языке перевода, но лишь отношения **закономерные**, то есть типические, регулярно повторяющиеся» [9, 7]. Сведение теории перевода к теории закономерных отношений между текстами действительно не дает ей выйти за рамки лингвистики, объектом которой как науки является язык в обоих его проявлениях (язык и речь по Ф. де Соссюру). Совпадение же объекта изучения у перевода и лингвистики не позволяет говорить о переводе как самостоятельной науке.

Но действительно ли язык, выступающий в своих обоих проявлениях как объект лингвистики, является объектом исследования и у перевода? Марксистско-ленин-

ская философия считает объектом то, что противостоит субъекту в его предметно-практической и познавательной деятельности. Конкретно-практическое изучение объекта, которое называют эмпирическим уровнем познания, сопровождается в науке абстрагированием, теоретическим отражением содержания объекта. Теоретическое отражение содержания объекта, создание его абстрактной модели, накопление систематизированных знаний об объекте и представляет собой предмет науки [45].

Итак, что же в действительности должна изучать наука о переводе, или, как предлагают ее еще называть, переводоведение, переводология и даже транслатология? [34] Большинство исследователей считает, что наука о переводе изучает и должна изучать процесс перевода. При этом, как уже говорилось, под процессом перевода они обычно понимают межъязыковые преобразования, трансформацию текста на одном языке в текст на другом языке. Такие преобразования обязательно ограничены рамками двух конкретных языков (любая книга о переводе содержит большое количество примеров перевода с одного конкретного языка на другой). Тем самым задачи науки о переводе сводятся к сравнительному изучению двух языковых систем, к некоторому комплексу проблем **частной** теории перевода. Между тем процесс перевода не есть простая замена единиц одного языка единицами другого языка. Процесс перевода как специфический компонент коммуникации с использованием двух языков есть всегда деятельность человека, в нем аккумулируются проблемы философии, психологии, физиологии, социологии и других наук, не говоря уже о лингвистике, зависимость перевода от которой нет необходимости доказывать.

Нам могут возразить, что, по словам В. Гумбольдта, уже сам язык является деятельностью. В. Гумбольдт писал: «По своей действительной сущности язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый момент переходящее... Язык есть не продукт деятельности (*ergon*), а деятельность (*energeia*)» [22, 90—91]. Но если даже согласиться, что эта цитата переведена безупречно (*energeia* — деятельность?), то очевидно, что В. Гумбольдт призывал изучать язык в динамике, изучать речь, не ставя знака равенства между языком и деятельностью, для которой язык все же остается средством. Нель-

зя ставить знака равенства и между процессом перевода и языком. Слова В. Гумбольдта можно еще интерпретировать и как указание на то, что изучение языка в процессе речевой деятельности человека, в том числе и в переводе, будет особенно эффективным. Деятельность человека, и особенно речевая, — это и действие, и операция, и восприятие, и понимание, и стандартные ситуации, и волевое поведение, и функционирование умственных механизмов, и «национально-специфичный вариант реализации проявления единой универсальной семантической системы» [33], и закономерность передачи информации, и многое другое.

Однако процесс перевода уже границ объекта науки о переводе. Процесс перевода сам включен в коммуникацию и не в обычную, а в коммуникацию с использованием двух языков. И хотя процесс перевода составляет ее специфику, ее центральное звено, тем не менее науке о переводе приходится изучать и условия порождения исходного текста, и условия восприятия переводного текста, и социальный статус коммуникантов, и речевую ситуацию, и различные сопутствующие явления, что входит в сложное понятие коммуникации с использованием двух языков, которая и представляет собой объект науки о переводе. Всякое же моделирование коммуникации с использованием двух языков, накопленные о ней знания составляют предмет науки о переводе. Чем точнее методы познания коммуникации с использованием двух языков и особенно процесса перевода, тем более достоверной теорией перевода мы располагаем. Вот почему важно исследовать не только лингвистическую часть объекта науки о переводе, а весь объект науки о переводе в целом.

Выделение самостоятельного объекта и соответственно предмета науки о переводе не позволяет считать перевод разделом языкознания. Это положение подтверждается и наличием у перевода своей собственной терминологии (синхронный перевод, буквализмы, соответствия, переводной текст и др.). Итак, есть три условия, позволяющие рассматривать науку о переводе как самостоятельную науку. У науки о переводе есть свой объект, предмет и терминология. И то, что объект науки о переводе выходит за рамки лингвистики, мы еще раз попытаемся доказать содержанием разрабатываемых в настоящей книге проблем теории перевода.

Процесс перевода, составляющий специфику коммуникации с использованием двух языков, имеет свои существенные особенности. Первая особенность заключается в его многообразии. Перевод может осуществляться письменно и устно, с восприятием исходного текста через наушники и зрительно, в спокойной обстановке кабинета и под артиллерийским обстрелом. Для перевода могут быть предложены художественная проза и научный трактат, стихи модного поэта и листовка противника, разговорные клише в бытовой ситуации и диалектизмы в допросе пленного. Перевод может вестись с английского языка на русский, с русского на французский, с итальянского на японский и в любой комбинации двух существующих в мире языков.

Вторая особенность процесса перевода заключается в «неуловимости», «неосвязаемости» его некоторых сторон. Исследователь имеет обычно в своем распоряжении два текста (исходный и переводной), а что происходит в голове переводчика, как переводчик работает, об этом можно только догадываться. Все это и побуждает либо ограничивать себя изучением результатов межъязыковых преобразований, либо прибегать к методу «черного ящика» при исследовании процесса перевода, т. е. к измерению и сопоставлению данных на входе (исходный текст) и данных на выходе (переводной текст). Метод «черного ящика» уже позволил не только выйти за пределы лингвистики на эмпирическом уровне исследования, но и сделать перспективные для теории перевода выводы (например, о тенденции перевода повышать слоговую величину текста, о влиянии прецизионных слов на процесс устного перевода, об организующей роли при оформлении перевода лексических единиц с нулевой и повторной информацией) [50].

Многообразие процесса перевода, неуловимость некоторых его сторон, затрудняющие исследование, приводят к значительному числу абстрактных моделей процесса перевода, к созданию различных теорий перевода. Достаточно назвать теорию закономерных соответствий Я. И. Рецкера, трансформационную теорию перевода Ю. А. Найда, ситуативную теорию В. Г. Гака, семантико-семиотическую модель Л. С. Бархударова, теорию уровней эквивалентности В. Н. Комиссарова. Все эти теории перевода, составляющие предмет науки о переводе, в основном правильно отражают различные стороны объ-

екта, но они не отражают объекта в целом. Кроме того, многие из них, опираясь на интересные, а иногда и бесспорные наблюдения, не имеют экспериментальной основы, не базируются на точных данных, полученных в результате измерения параметров процесса перевода. В настоящее время методы, позволяющие фиксировать динамику процесса перевода и измерять его параметры, используются главным образом в устном и машинном переводах (работы И. А. Зимней, А. К. Жолковского, Г. В. Чернова, А. Ф. Ширяева и др.). О точных методах исследования художественного перевода нам ничего не известно. Это объясняется не только приверженностью одних ученых к точным, а других к умозрительным методам исследования, но и большей доступностью видов устного и машинного перевода для инструментального наблюдения¹.

Несмотря на значительное число известных моделей перевода, вряд ли сегодня какая-либо теория перевода может претендовать на доминирующее положение в науке. Несомненно, однако, что все теории, правильно отражающие ту или иную сторону объекта науки о переводе, вносят в нее свой вклад.

Многообразие процесса перевода приводит не только к пестроте теоретических моделей, оно также ставит вопрос и о необходимости различать **общую теорию перевода**, теории отдельных видов перевода и **частные теории перевода**. Все то, что характеризует коммуникацию и процесс перевода вообще, независимо от условий их реализации, жанрового характера текстов, контактирующих языков, и будет релевантно для общей теории перевода. Можно сказать, что общая теория перевода занимается переводческими универсалиями. В этом смысле наука о переводе следует за лингвистикой, в которой вопрос об изучении универсалий выдвинулся за последнее время на первый план. Если лингвистика относит к универсалиям все то, что прослеживается во всех

¹ Так, например, возможность вести наблюдение за функционированием умственных механизмов переводчика представляют записи в последовательном переводе, которые фактически раскрывают внутренний смысловой код в переводе и являются результатом смыслового анализа поступающего текста и выделения опорных пунктов для последующего развертывания «смыслов» во внешнюю речь.

языках мира, то наука о переводе считает универсалиями явления и категории, свойственные всем видам перевода.

Переводческие универсалии, которыми надлежит заниматься общей теории перевода, достаточно хорошо известны. Немало писалось об инварианте перевода, соответствиях, единице перевода, буквализмах. До сих пор незаслуженно обходят молчанием способы перевода (не путать с приемами перевода), информационный запас, компоненты акта коммуникации. Все это обязательно вычленяется в любом виде коммуникации с использованием двух языков. Переводческие универсалии дополняются явлениями, типичными для некоторых процессов перевода (например, передача стиля автора в художественном переводе, прецизионные слова в устном переводе), они оказываются определяющими при выделении самостоятельных теорий в науке о переводе, порожденных спецификой онтологии объекта.

Общая теория перевода основывается на данных, полученных при наблюдении объекта в различных его проявлениях. Эти проявления могут быть случайными, нетипичными, и тогда они не учитываются. Эти проявления могут быть повторяющимися, типичными, и тогда теория считает их закономерными вообще или для того или иного вида перевода в частности. Долгое время не вызывала сомнения аксиома: межъязыковые преобразования осуществляет человек. Научно-технический прогресс в XX веке внес в это положение существенное уточнение: межъязыковые преобразования может осуществлять человек или машина. Так появилась первая основа для классификации перевода: механизмы межъязыковых преобразований. Эта основа положила начало теории машинного перевода.

Теория машинного перевода прошла бурный период развития. За свой короткий век она внесла в общую теорию перевода не меньший вклад, чем существующие теории перевода, осуществляемого человеком. Не следует, конечно, забывать, что машинный перевод вобрал в себя все достижения в теории перевода «домашинного» периода. Решающее значение в успехах теории машинного перевода имело то, что его авторы (в СССР это прежде всего А. К. Жолковский, И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг) вынуждены были моделировать деятельность переводчика и обеспечить функционирование механизмов

перевода. Именно в машинном переводе была выявлена необходимость отдельно рассматривать анализ исходного текста и синтез переводного текста. На наш взгляд, модель перевода с языком-посредником [58], несмотря на свои недостатки, ближе всего подходит к копированию деятельности переводчика. К сожалению, в отличие от перевода, осуществляемого человеком, машинный перевод практическими результатами похвастаться не может. Но это уже скорее результат ограниченных технических возможностей.

Теория машинного перевода пока существует как нечто единое целое. Это связано со стабильностью условий процесса машинного перевода и невысокой компетентностью машины (ей бесполезно давать переводить художественную литературу). Другое дело человек. Ему не только приходится работать в различных условиях, ему приходится в зависимости от ситуации переводить письменно или устно, воспринимать оригинал зрительно или на слух. Трудно не заметить разницу, существующую между письменным переводом, не ограниченным по времени, позволяющим прибегать к помощи словарей и различных справочников, и устным переводом, осуществляемым в экстремальных условиях функционирования умственных механизмов переводчика. Разница, существующая между письменным и устным переводами, вытекает из условий функционирования умственных механизмов, которые, таким образом, представляют собой основу для классификации перевода, осуществляемого человеком.

Конечно, нельзя сказать, что в любом виде устного перевода условия функционирования умственных механизмов совпадают. В последовательном переводе особенно велика нагрузка на память, а в синхронном переводе надо уметь одновременно слушать и говорить. Однако в любом виде устного перевода умственные механизмы переводчика работают в ситуации, приближенной к стрессовой, когда появляется необходимость в очень сжатые сроки перерабатывать огромное количество поступающей информации и постоянно принимать решения. Сложные условия работы выдвигают на первый план доведенные до совершенства навыки и умения, знание эквивалентов, вспомогательной системы записи и т. п., но делают простительными погрешности в стилистическом оформлении перевода. Особые условия

функционирования умственных механизмов концентрируют внимание исследователей на особых проблемах, которые и составляют самостоятельную теорию — теорию устного перевода.

Теория устного перевода охватывает общие для всех видов устного перевода вопросы. Специфические проблемы последовательного, синхронного перевода или перевода с листа, рассматриваемые в соответствующих теориях, неизменно сводятся к функционированию умственных механизмов, знаковому способу перевода и другим вопросам, не выходящим за рамки теории устного перевода. Перед устным переводом, так же как (пока) и перед машинным, не стоит проблема жанрового характера текста, проблема передачи стилистических тонкостей оригинала. Устно переводить художественные произведения нет никакого смысла: даже опытные переводчики не способны сохранить инвариант, а потому перевод перестает быть переводом. В устном переводе на первое место выдвигается проблема функционирования навыков и умений и вспомогательных средств перевода (система записей, технические установки). Дальнейшее дробление теории устного перевода связано по-прежнему с условиями работы переводчика.

Несколько иначе обстоит дело с письменным переводом. Функционирование умственных механизмов переводчика происходит в сравнительно спокойных условиях. В письменном переводе на первый план выдвигается творческий аспект работы переводчика, умение правильно оценивать и выбирать языковые средства, сохранять стиль оригинала. Так, письменный перевод художественной литературы резко контрастирует с переводом других текстов. Язык художественных произведений характеризуется образными средствами, ритмикой речи, индивидуальным стилем автора. Передача образных средств языка, стилистических особенностей писателя больше зависит от литературного таланта переводчика, от его языкового чутья, чем от выработанных у него автоматизмов.

Иначе следует работать переводчику с научными материалами. Научные тексты содержат много терминов, фактов, в которых можно разобраться только имея соответствующую подготовку. Чаще успех работы переводчика в научной сфере определяется его знаниями, умением оперировать терминологией, чем переводческими на-

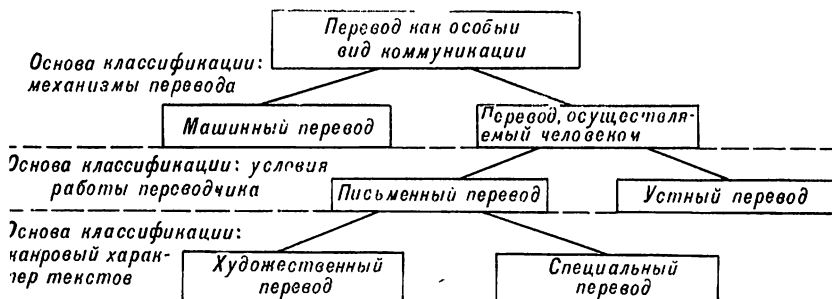
выками. Все это и говорит о том, что письменный перевод обретает свою специфику лишь в связи с особенностями исходных текстов, с особенностями использованных в них языковых средств.

Языковые средства и определяют жанровый характер текстов, который служит основой для классификации письменного перевода и определяет правомерность выделения теории художественного перевода и теории специального перевода.

Теория художественного перевода — наиболее «древняя» из теорий перевода. И сегодня многие авторы свои теоретические положения о переводе разрабатывают в сфере художественной литературы (Гачечиладзе Г. Р., Кари Е., Иржи Левый, Мумэн Ж., Соболев Л. Н., Федоров А. В. и др.), т. е. в понятиях и терминах литературоведения. Это обстоятельство вполне закономерно и его следствием является широкое использование методов сравнительного стилистического анализа оригинала произведения и его перевода. Книги о теории перевода художественной литературы не только внесли свой вклад в общую теорию перевода, но и положили начало разработке общетеоретических проблем перевода.

Теории специального перевода посвящено немного научных работ, хотя и в этой области есть интересные публикации (например, Бирюкова Д. В., Пумпянского А. Л., Стрелковского Г. М., Швейцера А. Д.). В центре внимания теории специального перевода находятся термины и клише. Как известно, термины группируются по терминологическим номенклатурам, обслуживающим различные отрасли знаний. Термины вместе с обозначаемыми ими понятиями образуют замкнутые системы, которые следует изучить, чтобы успешно работать в военном, экономическом, техническом, общественно-политическом и других видах перевода. Независимо от области знаний перевод текстов, насыщенных терминологией и клише, связан с единым кругом проблем, совокупность которых и представляет собой теорию специального перевода. Так одна и та же теория специального перевода обслуживает диаметрально противоположные области знаний: космос и сельское хозяйство, юриспруденцию и биотехнику. Специальный перевод аккумулирует различные виды перевода, среди которых на первое место выступают общественно-политический, военный и технический.

Итак, науке о переводе необходимо иметь общую теорию перевода, охватывающую все то, что типично для любого вида коммуникации с использованием двух языков. Науке о переводе важно также иметь теории перевода, построенные на специфике машинного, устного, художественного и специального переводов. Последовательное деление перевода, учитывающее наиболее существенные различия в самом процессе перевода, представлено на следующей схеме:

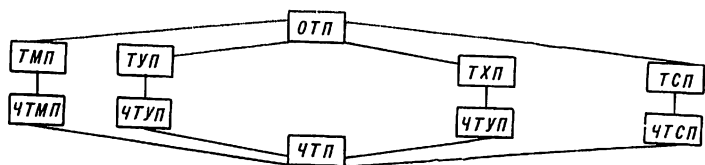

До сих пор говорилось об общей теории перевода и ее разделах (письменный перевод, устный перевод, художественный перевод и т. д.), т. е. об абстрактной модели перевода, включающей все то, что повторяется в каждом конкретном процессе перевода. Процесс перевода всегда связан с двумя данными языками. Перевод, конкретизированный двумя языками, описывается уже не общей, а частной теорией перевода, в рамках которой особенно много приходится заниматься сопоставлением двух языков.

Сопоставление двух языков, с одной стороны, знаменует возвращение в лингвистику, с другой стороны, оно поставяет обширный материал для общей теории перевода. По своей же сути сопоставительное изучение двух языков не есть еще теория перевода, и оно сводится к сопоставительным грамматике, лексикологии, стилистике. Сопоставительное изучение двух языков получает переводческую специфику, если оно имеет место в процессе перевода и если сравнение текстов в переводе становится не самоцелью, а средством познания процесса перевода. Выводы, полученные в результате сопоставления двух языков с позиций задач и целей науки о переводе, имеют значение главным образом для

частной теории перевода. Сопоставление двух языков в переводе не вообще, а в конкретном виде перевода, т. е. в машинном, устном, письменном, художественном или специальном, и представляет собой основу частной теории машинного перевода, частной теории письменного перевода, частной теории художественного перевода и т. п.

Соотношение общей и частной теорий перевода, их взаимопроникновение и взаимообогащение лучше представить на схеме, используя следующие сокращения (ОТП — общая теория перевода; ТМП — теория машинного перевода; ТУП — теория устного перевода; ТХП — теория художественного перевода; ТСП — теория специального перевода; ЧТП — частная теория перевода; ЧТМП — частная теория машинного перевода).

По схеме нетрудно проследить пути становления теории перевода. Ее истоки связаны с лингвистическими исследованиями текстов (сопоставительная грамматика, лексикология, стилистика). В процессе дальнейшего развития теории перевода у нее появились присущие только ей объекты, что и привело к общей теории перевода с ее абстрактными моделями коммуникации с переводом, которые и составляют предмет науки о переводе. Теоретические исследования породили необходимые для этого термины. Круг замкнулся. Перевод обрел свой объект, предмет и терминологию. Наука о переводе получила самостоятельность.

ВЫВОДЫ

Наука о переводе является самостоятельной наукой. Ее объектом выступает коммуникация с использованием двух языков. Все, что характерно для любого вида коммуникации с переводом, независимо от контактирующих языков, составляет круг проблем общей теории перевода. Проблемам общей теории перевода и посвящена основная часть этой книги. Эти проблемы окажутся более

рельефными, если к ним подойти, идя от целого к частному, от объекта исследования в целом к его компонентам. Следуя этому пути, мы начнем с рассмотрения коммуникации с использованием двух языков, которая и составляет объект науки о переводе.

Глава 2.

ОБ ОБЪЕКТЕ НАУКИ О ПЕРЕВОДЕ

Коммуникация с использованием двух языков — слишком обширное и многообразное понятие для того, чтобы служить отправной точкой наших рассуждений. Ее наименьшей единицей, сохраняющей все особенности целого, является акт коммуникации, т. е. одно направленное речевое действие. Конечно, перевод как объект исследования только условно можно ограничить единичной направленной речевой коммуникацией: источник — переводчик — получатель. Перевод книги, например, предполагает и предварительное ознакомление с ее содержанием, и изучение особенностей стиля автора, и работу с соответствующими справочниками и словарями, и множество не обязательно совпадающих в деталях переходов от текста оригинала к переводному тексту. Перевод ораторской речи включает и записи переводчика, и расшифровку этих записей, и непрерывный или чередующийся с ораторской речью перевод множества высказываний. Вполне очевидно, что во всех этих случаях речь идет не об одном направленном действии, а о деятельности.

Но перевод как объект исследования нельзя сводить и к деятельности переводчика. Деятельность переводчика включена в определенную речевую ситуацию и коррелирует с ней, поэтому науке о переводе важно изучать и действие, и мотивы и цели источника, и порожденное им речевое произведение, и особенности приема сообщения адресатом, и поведение адресата, и многое другое, из чего состоит коммуникация с использованием двух языков.

Итак, есть сложное понятие коммуникации с использованием двух языков, представляющей собой объект науки о переводе. Есть более простое понятие акта коммуникации с использованием двух языков как еди-

ничный акт направленного действия. Есть, наконец, элементарная единица любого вида коммуникации, сохраняющая все ее особенности, — акт речи.

Центральным компонентом коммуникации с использованием двух языков является, естественно, деятельность переводчика. Именно она представляет собой перевод с одного языка на другой в собственном смысле этого слова. Именно она порождает специфику коммуникации с использованием двух языков. В то же время деятельность переводчика находится в непосредственной зависимости от деятельности источника и получателя. Все они коррелируют между собой.

Итак, если, с одной стороны, объектом науки о переводе является коммуникация и изучать перевод следует начинать с ее элементарной единицы — акта речи, то с другой, сам перевод определяется всеми особенностями деятельности, которые не может не учитывать теория перевода.

Как известно, деятельностью психологи школы Л. С. Выготского называют любую систему целенаправленных действий. В деятельности различают три стороны: мотивационную, целевую и исполнительную [41]. «Мотив — это объект, который отвечает той или иной потребности и который, в той или иной форме отражаясь субъектом, ведет его деятельность» [40, 5]. Другими словами, мотив — это то, ради чего человек стремится к определенной цели. К одной и той же цели человек чаще всего стремится вследствие разных мотивов. Мотивы определяются не только физиологическими потребностями (когда человек испытывает жажду, то для удовлетворения этой потребности он совершает деятельность, мотивом которой является вода), но и духовными интересами человека. Чаще всего в деятельности следует иметь в виду иерархию мотивов¹.

Деятельность имеет и цель. Цель представляется обычно как результат деятельности, воплощающийся в определенной предметной форме. Если человеку хочется пить, то цель соответствующей деятельности может пред-

¹ «Известно, что мыслительные задачи непременно распадаются на ряд частных все более конкретных, решение каждой из которых является условием достижения последующей. При этом каждая предыдущая задача-цель выступает как мотивация решения последующей. Эта иерархия мотивов-целей, соподчинения задач характерна для любой деятельности» [1, 67].

ставляться в виде ведра, извлеченного из колодца, родника в лесу, бутылки минеральной воды и т. д. Каждый раз обстановка диктует условия, в которых будет протекать деятельность. Речь идет о средствах реализации действий, знаниях, умениях и навыках человека, реально существующих обстоятельствах. Цель вместе с условиями деятельности образует то, что называется задачей деятельности. Планировать свою деятельность можно только исходя из ее условий. Так обстоят дела с мотивационной и целевой сторонами деятельности; что касается ее исполнительской стороны, то она заключается в реализации намеченного плана для достижения поставленной цели.

К поставленной цели приходят через осуществление большего или меньшего числа действий, которые в совокупности обязательно составляют систему и которые в свою очередь имеют каждое свою, осознаваемую человеком цель. В наличии своей, осознаваемой цели и заключается отличие действия от операции. В повторяющейся деятельности целый ряд действий постепенно автоматизируется, промежуточные цели более не осознаются, и такие действия становятся операциями.

К действиям следует отнести и те речевые поступки, с которыми мы сталкиваемся на каждом шагу. Когда мы говорим или слушаем, пишем или читаем, мы осуществляем деятельность, так как мы это делаем для того, чтобы удовлетворить ту или иную потребность, и для того, чтобы достигнуть определенной цели. Как правило, свою речь мы планируем в пределах одного высказывания, что условно и может быть принято за границу одного речевого действия. Поскольку в жизни приходится встречаться не с одним, а с большим количеством речевых действий, часто связанных друг с другом, принято говорить о речевой деятельности человека.

Термин «речевая деятельность» требует уточнения. Чаще всего сумма речевых действий не образует независимой системы, т. е. речевые действия входят в какую-либо деятельность наряду с другими, например, практическими действиями, не связанными с речью. А. А. Леонтьев прав, когда говорит о речи, что «...она не самоцель, а средство, оружие, хотя и может по-разному использоваться в разных видах деятельности» [77, 31].

Только условно можно назвать речевой деятельностью совокупность всех действий, связанных с языком.

Использование языка при тех или иных обстоятельствах в жизни человека трудно представить в виде системы целенаправленных действий. Однако в тех случаях, когда язык является основным средством для достижения какой-либо цели, когда сумма речевых действий характеризуется определенной независимостью и составляет систему, использование термина «речевая деятельность» становится более уместным. Речь оратора, лекция, переговоры, статьи, книги — все это требует реализации системы целенаправленных речевых действий; в этих случаях и появляется возможность говорить о речевой деятельности человека.

Переводу, как правило, подлежат именно продукты речевой деятельности человека: книги, статьи, документы, речи, переговоры, кинофильмы. Перевод сам по себе складывается из целенаправленных речевых действий: слушания и говорения, чтения и письма. Работа переводчика рождается из потребности, она всегда планируется в соответствии с условиями и конечной целью — передачей сообщения, ее результат достигается через динамическую систему действий и операций, осуществляемых с помощью речи. К переводу тогда и прибегают, когда обычные речевые действия не достигают своей главной цели — коммуникации. Все это и дает достаточно оснований для того, чтобы рассматривать деятельность переводчика как один из видов речевой деятельности. Но поскольку именно работу (деятельность) переводчика над преобразованием текста называют переводом, постольку сам перевод является одним из видов речевой деятельности.

Итак, есть все основания различать объект науки о переводе, или коммуникацию с использованием двух языков, и перевод как один из видов речевой деятельности наряду с чтением, слушанием, говорением и письмом. (Не мешает напомнить, что переводом называют и продукт деятельности переводчика, т. е. переводной текст).

Поскольку объектом науки о переводе является один из видов коммуникации, возникает необходимость уяснить особенности коммуникации вообще и вскрыть то своеобразное, что включает в себе коммуникация с использованием двух языков. Лучше всего это сделать на элементарной единице коммуникации, сохраняющей все ее особенности, т. е. анализируя акт речи.

Коммуникацией принято называть передачу сообще-

ния от одного коммуниканта к другому. Коммуниканта, передающего сообщение, называют источником, коммуниканта, принимающего сообщение, — получателем, или адресатом. Для передачи сообщения источник использует какой-либо код, чаще всего естественный язык. Поэтому действия источника по передаче сообщения материализуются в виде речевого произведения. Итак, в акте речи следует различать коммуникантов (не менее двух: источника и получателя) и речевое произведение.

Общение коммуникантов не изолировано от внешнего мира. Оно всегда происходит в реальной действительности, и сами коммуниканты составляют часть этой реальной действительности. Реальную действительность, в которой протекает коммуникация, принято называть ситуацией. На термине «ситуация» следовало бы остановиться специально. Дело в том, что под ситуацией понимается не только реальная действительность, в которой коммуниканты действуют. Ситуацией называют и тот элемент действительности, который коммуниканты могут непосредственно не воспринимать, но который обозначается языковыми средствами. Так, у В. Г. Гака мы находим: «В акте речи мы имеем дело не с отдельным словом, а с целым высказыванием (план выражения), которое описывает не отдельный предмет, а ситуацию, причем понятия, передаваемые словами и грамматическими формами, образуют план содержания» [18, 12].

Как известно, отдельные предметы, признаки, действия, обозначаемые словом, словосочетанием, называют денотатом, или референтом. Когда же речь идет о высказывании, то говорят, что оно обозначает ситуацию. Для того чтобы ситуацию-денотат не путать с ситуацией, в которой осуществляется речевая деятельность, ситуацию-денотат принято называть предметной ситуацией, а ситуацию, в которой происходит коммуникация, речевой ситуацией.

Речевая ситуация, как правило, благоприятствует передаче и приему сообщения. Однако некоторые элементы речевой ситуации [38] создают помехи коммуникации в виде посторонних звуков, отвлекающих действий, особенностей произношения и т. п. Поэтому имеет смысл различать положительную и отрицательную речевую ситуацию, причем в схеме коммуникации положительную речевую ситуацию мы будем обозначать просто ситуацией, а отрицательную — помехами.

Итак, в акте речи следует различать источник, получатель, речевое произведение и речевую ситуацию (речевую ситуацию отделить от источника, получателя и речевого произведения можно только условно, так как она включает все перечисленные элементы, и тем не менее мы это делаем, чтобы облегчить моделирование акта речи). Источник порождает речевое произведение, направляя его получателю. Получатель, принимая речевое произведение, извлекает заключенную в нем информацию. Под термином «информация» подразумеваются сведения, которые получает адресат из внешнего мира. Без наличия адресата, хотя бы воображаемого, нельзя говорить об информации [79]. К адресату, как и к каждому человеку, ежесекундно поступает огромное количество информации из внешнего мира [12].

В коммуникации важно различать информацию, которую можно извлечь из речевого произведения, от всей прочей информации, воспринимаемой адресатом. Информация, которую несет речевое произведение, непосредственно или косвенно (так как речевое произведение направлено на получателя) предназначена адресату (получателю). Вся остальная информация носит ненаправленный характер, она никому специально не предназначена и поступает к адресату так же, как и ко всем действующим лицам из окружающей действительности.

Ненаправленная информация, поступающая из окружающей действительности, может помогать получателю принимать сообщение, но она может и мешать ему. Информация, поступающая от положительной речевой ситуации, а потому способствующая приему сообщения, именуется ситуационной информацией. Информация, порожденная помехами, будет называться фоновой информацией.

Очевидно, что коммуникация будет иметь место только при наличии в речевом произведении направленной на получателя информации. Направленная информация неоднородна, как неоднородно речевое произведение в своей двусторонней сущности. Речевое произведение имеет свое содержание и форму. Принято считать, что содержание речевого произведения совпадает с семантической информацией, которую оно несет. Семантическая информация в акте речи включает всю информацию, переданную через значение языковых средств, в том числе

и через дополнительное значение слов (коннотация). К семантической информации относится и интеллектуальная информация, и информация об эмоциональном состоянии источника сообщения, об его отношении к собственным действиям и к окружающей его среде, к получателю, если такая информация выражается через значение языковых средств. Некоторые авторы (см., например, работы З. И. Клычниковой, В. Л. Скалкина) различают и волевою информацию, т. е. информацию, имеющую целью побудить получателя к действию. Если волевая информация выражена через значения языковых средств, то она также может рассматриваться как семантическая информация.

Форму речевого произведения обычно называют «способом выражения», или «планом выражения». Единицы языка или речи и рассматриваются, как правило, в «плане содержания» и в «плане выражения». Так, например, Ю. С. Степанов пишет: «Слова — двусторонние единицы, имеющие с одной стороны смысл — план содержания, с другой стороны — план выражения» [74, 9]. Однако сравнительный анализ некоторых высказываний с точки зрения вышеупомянутых «планов» показывает, что не всегда имеется возможность провести четкие границы между содержанием и формой. Сравните такие высказывания:

1. Избитые фразы не украшали речь оратора.

Избитые предложения не украшали речь оратора.

2. Мы атаковали врага на рассвете.

Мы атаковали противника на рассвете.

3. Вокруг нас выросли дома.

Со всех сторон поднялись дома.

Следуя традиционным методам анализа, можно сказать, что в первом примере имеет место изменение «плана выражения» (замена слова «фраза» словом «предложение»). Если под содержанием речевого произведения понимать всю семантическую информацию, заключенную в нем, то очевидно, что вместе с изменением формы («план выражения») в первом примере произошло и изменение части содержания в связи со специфической «грамматической» окраской нового слова. Во втором примере явного изменения семантической информации не наблюдается, несмотря на использование различных слов: враг — противник. Нет изменения семантической информации и в третьем примере, хотя способ выражения претерпевает значительно большие изменения.

Итак, изменение плана выражения при использовании слов «фраза — предложение» приводит к изменению плана содержания, а при использовании слов «враг — противник» оставляет содержание без изменения.

Рассмотрим примеры, включающие те же слова.

А. Прочтите еще раз последнее предложение текста.

Прочтите еще раз последнюю фразу текста.

Б. Он узнал слабые стороны своего противника за шахматной доской.

Он узнал слабые стороны своего врага за шахматной доской.

В этих примерах наблюдается обратное явление. Изменение слов «предложение — фраза» [13, 18—21] не приводит к изменению семантической информации, а замена слова «противник» на «враг» изменяет содержание речевого произведения.

Напрашивается вывод о довольно сложных связях между формой и содержанием, не позволяющих рассматривать семантическую информацию независимо от формы речевого произведения. Отношение «слово как элемент речевого произведения — форма речевого произведения», по-видимому, значительно сложнее, чем это кажется на первый взгляд. Остановимся на этом вопросе несколько подробнее.

Начнем с того, что любое речевое произведение, текст можно рассматривать как некую систему, т. е. как целостный объект, состоящий из взаимосвязанных элементов. Элемент любой системы независимо от того, идет ли речь о сложном или простом объекте, обладает свойством неразложимости с точки зрения системы, в которую он входит. Элементом речевого произведения как системы может быть только слово, неразложимая с точки зрения речевого произведения как системы единица (слово можно заменить, убрать, добавить, с морфемой эти операции возможны только в пределах слова).

Речевое произведение есть материальная система, так как ее элементы (слова) материальны. Речевое произведение есть вторичная материальная система, так как ее элементы незаменимы сами по себе, они означают нечто отделенное от их субстанции (звуковой материи), они наделены (человеком) свойством представлять элементы идеальной системы (идеи) [72]. Каждая система отличается устройством, организацией. Устройство, орга-

низация системы в философском понимании являются ее структурой. Структура представляет собой совокупность связей, взаимоотношений между элементами системы. Но структура никогда не включает сами элементы системы, иначе она не отличалась бы от системы. Это последнее положение для нас чрезвычайно важно. Оно не всегда разделяется в работах, посвященных языковым проблемам¹. Но такое понимание структуры соответствует общенаучному пониманию, более того, с точки зрения философских категорий, понятия структуры и формы весьма близки друг другу. Категория формы, читаем мы в «Философском словаре» (изд. 1968 г.), «...выражает внутреннюю связь и способ организации, взаимодействия элементов и процессов как между собой, так и с внешними условиями».

Итак, система есть целостный объект, включающий его элементы и их взаимосвязи, структура — это только связи, взаимоотношения между элементами, или структура есть система минус ее элементы. И далее, речевое произведение есть система, включающая слова (элементы) и их взаимосвязи, а структурой речевого произведения являются все связи и взаимоотношения элементов (слов) системы без них самих. В структуру речевого произведения слова, его составляющие, не входят. Структура речевого произведения превращается в форму речевого произведения, если в совокупность связей и взаимоотношений включить связь и взаимодействие элементов (слов) речевого произведения с внешними условиями (ситуация, источник, адресат). Наличие внешних связей для речевого произведения естественно, так как иначе оно перестает быть речевым, т. е. включенным в деятельность человека.

Среди внешних связей слова как элемента речевого произведения особое место занимают связи с идеей (семасиологические связи), так как изменение этих связей ведет к изменению части семантической информации речевого произведения. Именно это явление мы наблюдали в примерах «1» и «Б», где при изменении формы были нарушены семасиологические связи (связи слова с идеей). В примерах «2» и «А» при изменении формы

¹ Ю. С. Степанов пишет: «Структура языка это его фонемы, морфемы и конструкции и отношения между ними» [74, 6].

речевого произведения семасиологические связи не нарушались, что и не приводило к изменению части семантической информации. Интересно подчеркнуть, что во всех перечисленных примерах структура речевого произведения не изменялась.

Особое место занимает третий пример. В нем изменение формы речевого произведения происходит не только за счет изменения внешних связей, но и за счет изменения структуры речевого произведения. Причем совокупность семасиологических связей остается неизменной, что и обуславливает сохранение объема информации инициального речевого произведения.

Рассмотренные примеры показывают, что без изменения семасиологических связей элементов речевого произведения изменения семантической информации, содержащейся в нем, не происходит. Изменения в структуре речевого произведения сами по себе к изменению семантической информации речевого произведения не приводят. По-видимому, появляется возможность констатировать, что гораздо проще отграничивать от содержания речевого произведения не форму, а структуру как составную часть его формы, поскольку в информации о форме речевого произведения может содержаться и семантическая информация. Информация о структуре речевого произведения никогда семантическую информацию не включает.

Подведем итог. Речевое произведение имеет свои содержание и форму. Содержание речевого произведения составляет вся семантическая информация, заключенная в нем. Форма речевого произведения есть совокупность внутренних и внешних связей его элементов (слов) без самих элементов. Структура речевого произведения составляет часть его формы, включая только внутренние связи и взаимоотношения его элементов. Информация о структуре речевого произведения никогда семантическую информацию не несет и может выделяться более просто, чем информация о форме речевого произведения.

Остается ответить на вопрос, насколько важно учитывать информацию о структуре речевого произведения в процессе коммуникации и каков результат ее воздействия на получателя. Рассмотрим следующие примеры.

1. У меня есть карандаш.
Я имею карандаш.
2. Из-под таинственной, холодной полумаски
Звучал мне голос твой отрадный, как мечта,
Светили мне твои пленительные глазки
И улыбались лукавые уста.

(М. Ю. Лермонтов. Из стихотворений
неизвестных годов)

Мне очень нравилось, как ты говорила, когда твое лицо было закрыто полумаской. Полумаска выглядела таинственно и строго. Твои красивые и приятные глаза смотрели на меня, а губы хитро улыбались.

3. Вокруг нас выросли дома.
Со всех сторон поднялись дома.

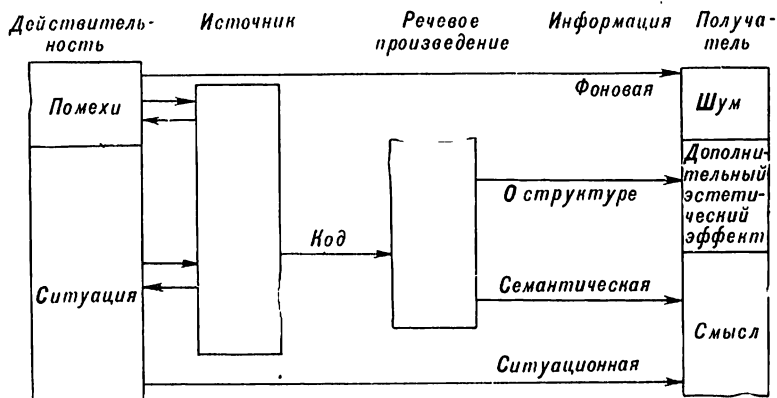
Во всех трех примерах изменяется структура высказывания, но если в третьем примере это изменение обращает на себя внимание только при специальном анализе, то в первом примере оно «режет ухо», вызывает некоторую эстетическую неудовлетворенность, сигнализируя о нерусской структуре высказывания. Во втором примере изменение структуры текста ломает замысел автора, сводит на нет тот эстетический эффект, на который он рассчитывал.

Приведенные примеры показывают, что в некоторых случаях структура способна вызывать дополнительный эстетический эффект у получателя, т. е. такой эстетический эффект, который не достигается через значения языковых средств.

Итак, при рассмотрении в схеме коммуникации взаимодействия речевое произведение — получатель у нас есть все основания различать не только семантическую информацию, но и информацию о структуре, которая способна вызывать дополнительный эстетический эффект у получателя.

Все сказанное об акте речи можно показать на схеме, где динамика процесса передачи сообщения вынуждает условно придать всей информации направленный на получателя характер.

На схеме показано, что порождение речевого произведения при помощи кода есть результат отражения ис-

точником окружающей его действительности. Для получателя речевого произведения источник является также компонентом реальной действительности, с одной стороны, помогающим осознать содержание речевого произведения (элемент ситуации), а с другой — мешающим (например, заикание) процессу коммуникации (элемент помех).

На схеме представлены все элементы коммуникации, которые можно обнаружить в любом виде коммуникации, в том числе и в коммуникации с использованием двух языков.

ВЫВОДЫ

Объектом науки о переводе является не просто коммуникация с использованием двух языков, а коммуникация с использованием двух языков, включающая коррелирующую между собой деятельность источника, переводчика и получателя. Центральным звеном этой коммуникации является деятельность переводчика или перевод в собственном смысле этого слова, который представляет собой один из видов деятельности наряду с чтением, письмом, слушанием и говорением.

Исследование объекта науки о переводе не может не исходить из той предпосылки, что речь идет об исследовании вида коммуникации, а не только деятельности самого переводчика. Исследование любого вида комму-

никации необходимо начинать с ее элементарной единицы, сохраняющей все основные компоненты любого вида коммуникации. Такой элементарной единицей является акт речи. Изучение структуры и особенностей акта речи позволяет уяснить особенности объекта науки о переводе, а тем самым и сущность перевода.

Глава 3.

ОТ АКТА РЕЧИ К КОММУНИКАЦИИ С ПЕРЕВОДОМ

Мы рассмотрели основные компоненты и структуру акта речи. Все сказанное относится к любому виду коммуникации, в том числе и к коммуникации с использованием двух языков. Не менее полезными могут быть и сведения о динамике акта речи: замысел у источника появляется как результат отражения действительности, замысел при помощи кода воплощается в речевое произведение, которое и содержит направленную на получателя информацию. На схеме коммуникации показано, что к адресату поступает как направленная, так и ненаправленная информация, что оба эти вида информации преобразуются в шум, дополнительный эстетический эффект и смысл. Если шум можно отнести к технической проблеме коммуникации, который сопутствует переводу, но не изменяет его сущности, то дополнительный эстетический эффект и смысл имеют непосредственное отношение к теории перевода.

Уже говорилось, что дополнительный эстетический эффект достигается структурой речевого произведения и представляет собой особую проблему в теории художественного перевода. Что касается смысла, то это понятие более сложное и на нем следует остановиться особо.

Эмпирически, что такое смысл, понимают почти все. Но его научные определения либо слишком сложны, либо не отличаются достаточной четкостью. Вот определение Н. А. Слюсаревой: «Смысл рассматривается нами как особое экстралингвистическое явление, которое представляет собой совокупность всех связей какого-либо понятия как категории мышления с другими понятиями и представлениями; смысл связан с содержанием по-

нения» [65, 282]. Еще одно определение. Смысл «...представляет собой определенную мысль о предметах, специфическую форму отражения предметов» [14, 122]. На наш взгляд, эти определения труднодоступны для понимания, и, кроме того, они имеют в виду смысл вообще, а не смысл высказывания. Нас же интересует смысл в коммуникации, смысл, связанный с речевым произведением, с процессом передачи сообщения с помощью языка.

Обратимся к одному из таких определений: «...смысл есть то общее, что имеется у всех различных высказываний, признаваемых и используемых носителями языка в качестве равнозначных, или, короче, смысл есть инвариант синонимических преобразований (перифраз)» [27, 7]. В этом определении как будто все ясно, и смысл в нем связан с высказываниями, однако определяется он через другое высказывание, т. е. через интралингвистический перевод. Для нас это неприемлемое обстоятельство, так как мы ищем определения смысла высказывания для перевода и на основе составляющих акта речи.

Более удачное определение смысла при передаче сообщения дает В. А. Звегинцев: «Согласование значимого содержания предложения с ситуативными потребностями акта общения и образует смысл» [28, 193]. Это определение коррелирует с тем, что представлено на схеме (см. с. 27): смысл образуется в результате согласования семантической и ситуационной информации. Как же можно объяснить этот феномен рождения смысла из взаимодействия двух видов информации? Объяснение придется начать с порождения речевого произведения в акте речи его источником.

Прежде чем произнести высказывание, источник отражает окружающую действительность, аккумулирует информацию в виде представлений, чувств, переживаний. Необходимость передать возникшее смысловое образование обуславливает появление замысла высказывания, или, как его еще называют, плана, или программы речевого высказывания [48; 39]. План или программа речевого высказывания могут полностью соответствовать предваряющему их смысловому образованию, и тогда речевое произведение становится его непосредственной манифестацией, если только кодовые ограничения (правила грамматики, фразеология,

словарный запас) не вносят некоторых изменений. План или программа речевого высказывания могут соответствовать тем или иным мыслительным процессам, сопутствующим основному (т. е. обусловившему необходимость акта коммуникации) смысловому образованию, и тогда смысл высказывания остается неясным без соотнесения содержания речевого произведения с ситуацией.

Так, в речевой ситуации, предполагающей необходимость перенести некоторый груз (например, чемодан), может быть сказано: «У меня здоровый фурункул на руке». Информация, содержащаяся в этом высказывании, не совпадает с информацией, которую источник хочет передать второму коммуниканту и которая может быть выражена словами: «Эту тяжесть придется нести тебе самому». Информация, содержащаяся в речевом произведении, соответствует сопутствующему каузативному ходу мышления: «Эту тяжесть придется нести тебе самому» (следствие) — «У меня здоровый фурункул на руке» (причина). Очевидно, что в подобных случаях информацию, предназначенную для передачи, нельзя вычленишь, не зная ситуации.

Итак, одной содержательной информации речевого произведения (и как это было оговорено, вся содержательная информация речевого произведения составляет семантическую информацию в коммуникации) недостаточно для того, чтобы понять его смысл. Для этого адресату необходимо получить еще ситуационную информацию. Вот почему в речевой коммуникации смысл определяется как содержание речевого произведения в данной конкретной ситуации. На схеме (см. с. 27) это определение показано как соотнесение семантической и ситуационной информации.

Если представить себе акт коммуникации как абстрактную динамическую систему, смоделированную на схеме, то среди понятий, обозначенных на ней, нетрудно выделить основополагающие, устойчивые и понятия вспомогательные, неустойчивые. К основополагающим, устойчивым понятиям относятся действительность, представленная ситуацией и помехами, источник, речевое произведение и получатель, на котором замыкается акт коммуникации. Каждый из этих элементов может быть зафиксирован, выделен и изучен при любом срезе процесса коммуникации. Каждый из этих элементов имеет материальное воплощение. Вспомогательные или неус-

тойчивые элементы, к которым относятся код и различные виды информации, эксплицитно в коммуникации не представлены, об их существовании сигнализируют их производные — продукты коммуникации. Другими словами, они служат своего рода преобразователями. Код преобразует интенции источника в речевое произведение, материализуя смысловое образование, фоновая информация преобразует помехи в шум. Ситуация и речевое произведение преобразуются через ситуационную и семантическую информацию в смысл. А информация о структуре преобразует структуру речевого произведения в дополнительный эстетический эффект.

Таким образом, речевое произведение, шум, смысл и дополнительный эстетический эффект являются продуктами происходящих в акте коммуникации преобразований — продуктами акта коммуникации. Причем речевое произведение выступает как промежуточное образование, исходное для семантической информации и информации о структуре.

Необходимость в переводе как речевой деятельности появляется тогда, когда семантическая информация и информация о структуре не выполняют своих преобразующих функций в связи с тем, что получателю неизвестен инициальный преобразователь — код, которым пользовался источник при порождении речевого произведения. В этом случае получателем сообщения, переданного при помощи кода № 1 (исходный текст), становится переводчик, для того чтобы в дальнейшем стать источником сообщения, передаваемого при помощи кода № 2 (переводной или выходной текст), известного получателю. Таким образом, перевод как бы удваивает компоненты коммуникации, появляются два источника, каждый со своими мотивами и целями высказывания, две ситуации (включая положительную и отрицательную ситуации), два речевых произведения и два получателя. Удвоение компонентов коммуникации и является основной отличительной чертой перевода как вида речевой деятельности.

Удвоение компонентов коммуникации создает свои проблемы. Двумя важнейшими из них являются проблема переводимости и проблема инварианта в переводе.

Проблема переводимости представляет собой одну из старейших теоретических проблем перевода. Еще в эпоху Возрождения великий Данте утверждал: «Пусть

каждый знает, что ничто, заключенное в целях гармонии в музыкальные основы стиха, не может быть переведено с одного языка на другой без нарушения всей его гармонии и прелести» [81, 37].

Проблема переводимости не снята с повестки дня и сегодня. Она возникает всякий раз, когда делаются попытки сформулировать требования к переводу. Жизненность этой проблемы подтверждает и только что описанный признак перевода, заключающийся в удвоении компонентов коммуникации. Удвоенные в коммуникации источник, ситуация и получатель не могут совпадать. Совершенно ясно, что чаще всего у переводчика мотивы и цели в момент порождения речевого произведения отличаются от мотивов и целей источника. Ситуация, которая представляется получателю сообщения, также не во всем совпадает с ситуацией в момент приема исходного сообщения переводчиком. Само собой разумеется, что в таких условиях, да еще и при ограничениях, налагаемых кодом № 2 (языком перевода), выходное речевое произведение не может быть всегда адекватным исходному речевому произведению.

А ведь именно адекватность, верность и полнота передачи и выдвигается некоторыми исследователями в качестве доминирующего признака перевода. Вот что говорит по этому поводу А. В. Федоров: «...перевести — значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка. (В верности и полноте передачи — отличие собственно перевода от переделки, от пересказа или сокращенного изложения, от всякого рода так называемых «адаптаций»)» [81, 15].

Примерно того же мнения придерживается и В. Г. Гак: «В задачу перевода... входит не только точное изложение содержания мыслей, сообщенных на языке оригинала, но и воссоздание средствами языка перевода всех особенностей стиля и формы сообщения. Именно эта задача — воссоздание единства содержания и формы — отличает перевод от иных способов передачи содержания, изложенного на другом языке: пересказа, реферирования и т. п.» [21, 9].

В этих определениях, во-первых, все сводится только к литературному переводу. Об этом говорит требование воссоздать средствами языка перевода все особенности стиля и формы оригинала. Ясно, что это требование

нельзя предъявить к синхронному переводу и что перевод художественной литературы отнюдь не исчерпывает многообразия переводческой деятельности.

Во-вторых, эти определения фактически перечеркивают возможность перевода вообще. Именно требование верно и полно (адекватно) выразить то, что уже выражено ранее средствами другого языка, породило проблему переводимости и побудило В. Гумбольдта написать следующие слова: «Всякий перевод представляется мне безусловно попыткой разрешить невыполнимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо своего подлинника за счет вкуса и языка собственного народа, либо своеобразие собственного народа за счет своего подлинника. Нечто среднее между тем и другим не только трудно достижимо, но и просто невозможно» [22, 43].

Между тем проблема переводимости, сведенная к требованиям адекватности, действительно решается отрицательно во многих случаях, так как абсолютная переводимость предполагает совпадение большинства удвоенных компонентов (источники, ситуации, помехи, речевые произведения и т. д.) коммуникации. Это, кстати, признают и И. И. Ревзин и В. Ю. Розенцвейг, когда пишут: «Вообще говоря, если определять перевод как преобразование, при котором не происходит никакая потеря, а передается все своеобразие содержания и формы оригинала, то придется признать, что такое преобразование принципиально неосуществимо...» [58, 75].

Другое дело, если перевод рассматривать как деятельность, необходимую для коммуникации, т. е. для передачи и приема сообщений. В этом случае проблема переводимости решается положительно, и это доказывает современная жизнь, в которой перевод с успехом выполняет свои задачи. И в этом плане совершенно прав Ч. Рэбин, который пишет в журнале «Бабель» — органе Международной организации переводчиков, что перевод инструкции по обслуживанию машины будет хорошим, если, прочтя его, техник сможет правильно работать на этой машине [100]. Именно объективно существующая обстановка подсказывает, в чем заключается информационная ценность речевого произведения, т. е. то, что должно быть обязательно передано адресату.

В художественном переводе, например, необходимо донести до читателя особенности стиля автора, в синхронном же переводе иногда можно ограничиться передачей смысла.

Необходимость дифференцированного подхода к требованиям, предъявляемым к оформлению перевода, подчеркивает и В. Н. Комиссаров, когда пишет: «В отличие от художественного перевода (т. е. перевода произведений художественной литературы), информативный перевод имеет дело с материалами, где особенности индивидуально-авторского стиля, как правило, мало существенны» [34, 6].

Эти рассуждения между тем порождают новые вопросы: что же тогда отличает перевод от пересказа, аннотации, реферирования материала, изложенного на другом языке, что должно оставаться неизменным при всевозможных трансформациях текста, переводимого с одного языка на другой?

Так мы подошли еще к одной проблеме перевода, проблеме инварианта, сложность которой обуславливается кроме всего прочего наличием в коммуникации с переводом компонентов-дублеров.

Вопросу о том, что является инвариантом в переводе, посвящено немало работ. Напомним, что термин «инвариант» широко распространен в математике, откуда он и заимствован в лингвистику. Поскольку теорией перевода до сих пор занимались главным образом лингвисты, можно считать, что термин «инвариант» используется в теории перевода как лингвистическое понятие. Вот как определяет термин «инвариант» О. С. Ахманова: «Эта как элемент абстрактной системы языка в отвлечении от ее конкретных реализаций (алло-)» [4, 176]. Известно, что инвариантами в лингвистике считают фонему, морфему, лексему и др. понятия, входящие в абстрактные системы языка. Различные типы фонем входят как инварианты в фонетическую систему языка: 39 фонем в русском языке, 40 в английском, 35 во французском [60, 182].

Даже такая абстракция, как семантема, с точки зрения системности удовлетворяет требованиям понятия инвариант, так как является единицей содержания в языке и входит в его семантическую систему. Нетрудно заметить, что то, что хотят выделить в переводе как инвариант, в абстрактную систему языка войти не может,

так как не представляет собой единицу и основой какой-либо языковой подсистемы не служит. Это первое возражение, которое ставит под сомнение правомерность употребления термина «инвариант» в переводе в том понимании, которое он имеет в лингвистике.

Кроме того, любой лингвистический инвариант имеет свои признаки, и понятие о нем создается как дедуктивным путем, так и через его многочисленные реализации (например, фонема «а»). Именно имея представление о том, как организован инвариант, мы узнаем его реализацию. В переводе же только через подлинник и исходную ситуацию можно составить себе понятие об инварианте. Через остальные реализации (варианты перевода) можно судить только о подлиннике, который сам является одной (правда, первой) из реализаций инварианта. Остальные реализации (варианты перевода) связаны с инвариантом опосредственно через первую реализацию (подлинник), фактически они являются реализациями первой реализации. И говорить о том, что вариант перевода представляет собой реализацию того или иного инварианта, можно только познакомившись с его первой реализацией, т. е. с подлинником. В этом противоречии между так называемым инвариантом в переводе и лингвистическим понятием инварианта и заключается наше второе возражение.

Обратимся к математическому понятию «инвариант», которое определяется как «...выражение, остающееся неизменным при определенном преобразовании переменных, связанных с этим выражением...» [64]. Это понятие ближе к тому, что подразумевается под инвариантом в переводе. Мы уже отмечали, что в результате перевода что-то должно сохраняться и наличествовать как при первом предъявлении сообщения, так и в вариантах перевода. Если это «постоянное», «неизменное», сохраняющееся независимо от употребляемого кода, назвать «инвариантом», заимствуя этот термин в том понимании, в каком он принят в математике, то в этом случае проблема инварианта становится более реальной.

Итак, что же является инвариантом в переводе? Напомним некоторые определения, которые выдвигались в свое время различными авторами. Л. С. Бархударов считает, что инвариантом в переводе является общность семантического содержания исходного и переводного текстов [7, 11]. Другими словами, Л. С. Бархударов стре-

мится перенести лингвистическое понимание термина «инвариант» на перевод и в этом смысле ставит знак равенства между исходным и переводным текстами. Но поскольку переводные тексты создаются на базе исходных, а не на основе инварианта, то вряд ли логично находить инвариант путем сравнения исходного и переводного текстов. Кроме того, нельзя ограничиваться семантическим содержанием, так как, а это мы показали на схеме (см. с. 27), коммуникация может достичь своей цели лишь при соотнесении семантической и ситуационной информации.

Для И. И. Ревзина и В. Ю. Розенцвейга инвариант есть тождество «элементарных смысловых единиц языка-посредника, поставленных в соответствие с данным выражением» [58, 68]. Эти авторы также основываются на лингвистическом понимании термина «инвариант», поставят знак равенства не между исходным и переводным текстами, а между исходным текстом и языком-посредником, связь которого с инвариантом опосредствована исходным текстом. В этом определении не учитываются экстралингвистические компоненты коммуникации.

А. А. Леонтьев дает следующее определение: «...инвариантом является как раз внутренняя программа речевого высказывания — система функционально «нагруженных» смыслами элементов предметно-изобразительного кода или действий над подобными элементами» [39, 72].

А. А. Леонтьев ограничивает инвариант смысловой структурой речевого произведения и не принимает во внимание ни его «художественную модель» [30, 570] (информация о структуре текста), ни ситуацию. Впрочем, А. А. Леонтьев хорошо видит жесткие рамки, в которых оказался таким образом инвариант, а потому в художественном переводе он инвариантом называет «доминанту художественной структуры произведения» [39, 171].

Ю. Г. Кузьмин отождествляет инвариант «...с ситуацией в действительности, как она воспринимается автором сообщения». Для Ю. Г. Кузьмина, так же как и для А. А. Леонтьева, инвариантом [37, 11—12] в переводе является то, что остается неизменным (математическое понятие). Но Ю. Г. Кузьмин, уделяя заслуженное внимание ситуации, упускает из виду семантическую информацию высказывания, в которой ситуация находит

свое выражение не обязательно так, как ее воспринимает автор сообщения. Кроме того, непонятно, как искать инвариант в этом случае в высказываниях типа «Здравствуйте!», «С Новым годом!».

Одно из наиболее развернутых определений инварианта дает А. Д. Швейцер: «...в процессе перевода неизменным всегда остается содержание исходного сообщения (не только семантическое, но и прагматическое), детерминируемое и модифицируемое функциональными характеристиками данного коммуникативного акта и соотношением между ними» [87, 39]. А. Д. Швейцер учитывает и семантическую, и прагматическую (включающую и ситуационную) информацию, и особенности данного коммуникативного акта. Однако неясно, что является для него содержанием исходного сообщения и не отождествляет ли А. Д. Швейцер сообщение с речевым произведением, с текстом? В этом случае определение инварианта не подходит к художественному переводу, при котором передача информации о структуре текста чаще всего представляется обязательной.

Итак, ни одно из цитированных определений нас полностью не удовлетворяет. При определении инварианта в переводе необходимо иметь в виду не только речевое произведение, которое остается главным средством вычленения инварианта, но и цель, мотивы и интенции источника, потому что в переводе важно сохранить не просто содержание или форму исходного текста, но и ту информацию, которая предназначена источником для передачи и которую мы называем сообщением.

Термин «сообщение» требует более подробного объяснения. Термин «сообщение» получил широкое распространение в лингвистике и психологии в связи с использованием положений теории информации. Имеется в виду второе значение этого слова по Толковому словарю русского языка под редакцией профессора Д. Н. Ушакова, а именно: «то, что сообщается, известие, новость». К сожалению, авторы многих работ стали использовать его как синоним речевого произведения или даже означающего. Вот несколько примеров:

«Сообщение представляет собой речевую цепь, оно разворачивается во времени, измеримо во времени и, говоря фигурально, ...имеет линейный характер. Сообщение есть синтагматический аспект языка, в отличие от парадигматического...» [75, 179].

«На первом этапе устанавливается, действительно ли слушатель получает выделенный набор сведений в сообщении, содержащем анализируемое слово...» [77, 150].

«Необходимо различать сообщение, референт сообщения и смысл сообщения» [58, 65].

Недостаточно точно определяется значение этого слова и в Словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой, в котором говорится, что сообщение есть «коммуникативная сторона высказывания, содержащаяся в нем информация».

Но если в лингвистике свободное обращение со словом «сообщение» не вызывает как будто беспокойства, в теории перевода термин «сообщение» требует точного употребления.

В речевой коммуникации источник имеет своей целью познакомить адресата с возникшими у него идеями, мыслями. Намерение источника реализуется через передачу сообщения. Для передачи сообщения он может использовать ситуацию и должен, как правило, породить речевое произведение, способ организации которого ему не безразличен: ему необходимо произвести определенное воздействие (коммуникативный эффект) на получателя. В зависимости от цели своей деятельности, речевой ситуации и других факторов источник отбирает для материализации в речи ту информацию и тот способ организации речевого произведения, которые, по его мнению, могут в данных условиях произвести необходимый коммуникативный эффект. Причем отобранная им для материализации в речи информация не обязательно совпадает с информацией, предназначенной для передачи, как это было в приведенном выше примере (говорится о больной руке, вместо того чтобы сказать: «Эту тяжесть придется нести тебе самому»), где сообщение вычленилось после сопоставления семантической и ситуационной информации и где сообщение как-будто совпадало со смыслом. О совпадении смысла с сообщением можно говорить только условно, поскольку смысл есть производное от взаимодействия двух основных видов информации: семантической и ситуационной, продукт их преобразования в мозговых механизмах адресата, а сообщение есть сама информация — информация, предназначенная для передачи. Если сообщение в каком-либо конкретном случае коммуникации состоит из семантической и ситуационной информации, то это значит,

что оно имеет все основания быть преобразованным в смысл. Отсюда видимое совпадение сообщения со смыслом. Сообщение есть всегда информация, предназначенная для передачи, а набор и удельный вес различных видов информации, составляющих сообщение, могут меняться в каждом акте речи, в том числе и в процессе перевода. Сообщение может включать в свой состав и информацию о структуре речевого произведения (например, в художественном переводе), и тогда сообщение будет восприниматься адресатом не только как смысл, но и как дополнительный эстетический эффект.

Таким образом, инвариантом в переводе является сообщение, или информация, предназначенная для передачи. Это может быть только семантическая или ситуационная информация, или информация о структуре, или сочетание семантической и ситуационной информации, или все информации вместе взятые. Во всех случаях все виды информации, предназначенные для передачи, и составляют сообщение, структура которого таким образом переменна и зависит от цели деятельности.

Итак, создание модели объекта науки о переводе на основе анализа его элементарной единицы — акта речи позволило вычленить существенные признаки перевода. Было показано, что перевод есть центральное звено коммуникации с использованием двух языков, что перевод есть вид речевой деятельности, что перевод удваивает компоненты коммуникации, что перевод есть процесс передачи сообщения, которое является его инвариантом. Суммируя перечисленные признаки, можно сформулировать следующее определение: перевод есть вид речевой деятельности, удваивающий компоненты коммуникации, целью которого является передача сообщения в тех случаях, когда коды, которыми пользуются источник и получатель, не совпадают.

В этом определении, и мы это специально подчеркиваем, проведено разграничение между переводом и «всякого рода так называемых адаптаций», так как отличие между ними заключается не в «полноте передачи», а в том, что при переводе происходит именно передача сообщения, а всякого рода адаптации передают не сообщение, а общее содержание речевого произведения, т. е. сокращенно излагают, переделывают, пересказывают сообщение.

ВЫВОДЫ

Изучение элементарной единицы коммуникации — акта речи показало, что основополагающими устойчивыми компонентами любой коммуникации являются ситуация, источник, речевое произведение и получатель. Код и различные виды информации служат в коммуникации преобразователями, целенаправленное использование которых приводит к получению продукта коммуникации в виде смысла, дополнительного эстетического эффекта и шума. Соответствующий набор преобразователей в коммуникации составляет сообщение, которое следует отождествлять не с речевым произведением, а с информацией, предназначенной для передачи. Появление в коммуникации сложного вида речевой деятельности (перевода) объясняется нарушением связи «источник — адресат». Традиционные преобразователи уже не могут обеспечивать связь между источником и адресатом, и в коммуникацию вводится новый преобразователь — переводчик (человек или машина). Появление перевода создает качественно новый вид коммуникации — коммуникации с удвоенными компонентами, целью которой, как и любого другого вида коммуникации, является передача сообщения. Передача сообщения (т. е. информации, предназначенной источником для передачи) и есть обязательный признак перевода, отличающий его от разного рода адаптаций. Таким образом, именно сообщение является инвариантом в переводе.

Глава 4.

СООБЩЕНИЕ И ТИПЫ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Сделанный в предыдущей главе вывод о том, что инвариантом в переводе является сообщение, обуславливает необходимость рассмотреть это понятие в связи с теми компонентами коммуникации, которые позволяют находить адресату (а потому и переводчику) инвариант в каждом конкретном случае. Таким компонентом является в первую очередь речевое произведение, несущее большую часть информации из того набора, который конструирует сообщение.

Определить виды информации, составляющие сообщение, легче в письменном переводе, в процессе которого у переводчика больше времени для анализа речевого произведения и экстралингвистических факторов. Очевидно, что именно в письменном переводе есть возможность выделить информацию о структуре, которая становится обязательным компонентом сообщения в художественном переводе, а иногда и единственным видом информации, предназначенной для передачи, как, например, в стихотворении Бальмонта «Челн томленья».

Вечер. Взморье. Вздохи ветра.
Величавый возглас волн.
Близко буря, в берег бьется
Чуждый чарам черный челн...
Чуждый чистым чарам счастья,
Челн томленья, челн тревог
Бросил берег, бьется с бурей,
Ищет светлых снов чертог.

Проблема вычленения сообщения в устном переводе выглядит несколько сложнее. Трудности появляются прежде всего потому, что мотивы и цель истинного источника (в качестве источника-дублера в коммуникации с использованием двух языков выступает переводчик) непосредственно в речевой ситуации не представлены. Дипломат произносит речь на конференции или ведет переговоры, тщательно скрывая поставленную перед ним цель добиться включения в документ важной для его правительства формулировки или заключить выгодное соглашение. Мотивами его деятельности могут быть идейная убежденность, соображения престижа, изменения своего социального статуса и др. Очевидно, наилучший результат в передаче сообщения будет достигнут при совпадении мотивов и целей инициального источника и источника-дублера (переводчика). Именно поэтому крупные государственные и общественные деятели предпочитают иметь своих переводчиков, хорошо знающих суть дела и соответствующие директивы.

Задачи переводчика по определению информации, предназначенной для передачи, облегчаются в стандартных ситуациях, в которых ролевое поведение коммуникантов нетрудно предсказать. Ролевое поведение определяется социальным статусом личностей. Можно заранее предположить, что будут делать и говорить коммуникан-

ты в стандартных или нормативных ситуациях типа пассажир — шофер такси, продавец — покупатель, стюардесса — пассажир самолета, официант — клиент и т. п.

Меньше возможностей у переводчика предсказать ролевое поведение коммуникантов в ситуациях, где сталкиваются личности одного статуса: министр — министр, общественный деятель — общественный деятель. В этих ситуациях цель, которую преследует каждый из ее участников, предсказать бывает трудно.

Изучение ролевого поведения коммуникантов в различных нормативных ситуациях, их социального статуса, отдельных личностей, их взглядов и намерений — все это хотя и облегчает задачу переводчика, но не снимает всех трудностей, возникающих в связи с многообразием речевых ситуаций. В результате в реальных условиях работы переводчик имеет в своем распоряжении для анализа лишь речевое произведение, которое ему предстоит трансформировать средствами другого языка, сохраняя набор информации, способный вызвать у конечного адресата заданный коммуникативный эффект. Напомним, что соответствующий коммуникативный эффект достигается не одной семантической информацией речевого произведения, а взаимодействием всех видов информации и что смысл продуцируется в результате соотношения семантической и ситуационной информации. При этом доля той или иной информации в образовании смысла есть величина непостоянная; смысл может порождаться только информацией, которую несет речевое произведение, а может обуславливаться и сложившейся речевой ситуацией, как это видно на следующем примере.

Я живу на первом этаже.

Я не еду.

Нас слишком много.

Я подожду приятеля.

Не ждите меня.

Можете ехать.

Я не пользуюсь лифтом.

Я предпочитаю ходить пешком.

Семантическая информация в этих высказываниях ¹

¹ Здесь и далее термин «высказывание» употребляется в значении единицы коммуникации, совпадающей с предложением, но в отличие от последнего обязательно связанной с ситуацией. Высказывание всегда является речевым произведением, однако речевое произведение может содержать несколько высказываний.

Не совпадает, однако все речевые произведения могут быть сказаны в идентичной ситуации общения: вы обращаетесь к человеку, ожидающему вас в лифте, с целью побудить его подниматься без вас. С точки зрения человека в лифте безразлично, какие причины мешают вам воспользоваться лифтом, ему важно получить информацию о том, следует ли ему вас ждать. Ситуация в данном случае уже на 50% определила смысл, она поставила коммуниканта с его речевыми средствами (семантическая информация) перед элементарным выбором: да — нет (поеду — не поеду). Исходная вероятность смыслового решения в этом случае равна $1/2$, а это значит, что для определения смысла подобных высказываний ситуационная и семантическая информация имеет одинаковую ценность.

Особенность этих высказываний состоит не только в том, что ситуация подготавливает на 50% ответ, но и в том, что само содержание речевого произведения (семантическая информация) далеко не всегда составляет искомый ответ. Семантическая информация высказываний «Я живу на первом этаже» или «Я подожду приятеля» отражает каузальный ход мышления коммуниканта («Я живу на первом этаже, а потому мне лифт не нужен») и сама по себе с сообщением имеет мало общего. Конечно, число таких высказываний в каждой данной ситуации ограничено. В них должна содержаться такая информация, которая даст возможность реципиенту принять решение.

Приведем еще один пример, показывающий взаимозависимость семантической и ситуационной информации при определении смысла высказываний. Что могут означать, например, следующие высказывания, сказанные в одной ситуации:

Вам не повезло.

Он ушел.

Примите мои сожаления.

У Вас слишком много нерастроченной силы.

Площадка слишком мала.

Вы мне подыгрываете.

Целых полметра.

Извините, но это бесспорный аут.

Только последнее речевое произведение раскрывает нам смысл этих высказываний: мяч партнера ушел за

пределы площадки. Но все высказывания приобретают ясность в определенной ситуации: на теннисном корте, на волейбольной площадке.

Если в примере с лифтом смысл может быть выражен словами «можете ехать в лифте без меня», а в приведенном только что примере «ваш мяч ушел за пределы площадки», то нетрудно заметить, что смысл высказываний в обоих примерах совпадает с целью речевых действий. Эта особенность приведенных высказываний и дала нам основание назвать их целевыми. Итак, высказывания, смысл которых совпадает с целью речевого действия, мы будем называть целевыми высказываниями. Ценность ситуационной и семантической информации для определения сообщения в коммуникации с использованием целевых высказываний выражается отношением 1 : 1.

Целевые высказывания чаще всего встречаются в диалогической речи разговорного стиля. Они легко понимаются собеседниками, хорошо знакомыми с ситуацией, и обычно не понимаются лицами, не знающими ситуации, их можно услышать (и не понять!) в магазинах, кинотеатрах, автобусах или метро.

Другой тип высказываний характерен для следующего текста.

«Дружески обнимаем Вас в день Вашего юбилея. Вы прошли большой трудовой и ратный путь. В непосредственной связи с жизнью народа креп и мужал Ваш талант. Из глубин народных идет Ваше творчество, в народной мудрости секрет Ваших успехов. Мы любим Вас за Ваш неумный и неутомимый темперамент борца и создателя, страстного агитатора и пропагандиста всего нового, передового... Желаем Вам, дорогой друг, дальнейших творческих успехов, нового активного вмешательства в жизнь с той страстностью, которая отмечала и отмечает Ваш талант на всем Вашем славном творческом пути».

Нетрудно заметить, что любое высказывание в этом тексте как по своей цели, так и по набору речевых средств подчинено теме «юбилейное поздравление». Любое высказывание может быть использовано на юбилее любого творческого работника. Набор высказываний, подчиненных той или иной теме, — характерная особенность большого числа ситуаций официальной жизни. Достаточно назвать из их числа вручение верительных

грамот, встречѹ высокихъ гѹстей, открытие конгрессовъ, сѹездовъ, конференцѹй, выступления съ приветствіями на различныхъ церемоніяхъ и др.

Высказыванія, подчиненныя какой-либо темѣ, варьируются въ зависимости отъ социального статуса и официальныхъ взаимоотношеній коммуникантовъ. Ихъ число въ каждой ситуациѹ, порождающей тематическіе тексты, ограничено. Семантическая информация подобныхъ высказываній фактически лишена самостоятельности, она предопределяется ситуациѹ, которая какъ бы не оставляетъ альтернативы. Въ высказываніяхъ этого типа ситуационная информация выходитъ на первый планъ, сводитъ значеніе семантической информации въ сообщеніи до незначительныхъ величинъ. Высказыванія, содержаніе которыхъ определяется темой текста (заданной ситуациѹ), мы будемъ называть тематическими высказываніями. Ихъ главная особенность заключается въ низкомъ уровнѣ информативности речевого произведенія.

Другая особенность тематическихъ высказываній состоитъ въ томъ, что при ихъ порожденіи на первое мѣсто выходятъ стереотипныя речевыя средства, наборъ которыхъ ограниченъ и которые хорошо известны опытному оратору или соответствующимъ официальнымъ лицамъ. Они должны быть известны и опытному переводчику, въ распоряженіи котораго всегда имеется наборъ выраженій и клише, типичныхъ для данной темы. Къ стереотипнымъ речевымъ средствамъ, используемымъ въ тематическихъ высказываніяхъ, можно, напримеръ, отнести: «горячо поздравлять и приветствовать», «встрѣчать съ чувствомъ большой радости», «выражать надежду», «заверять въ глубокомъ уваженіи», «играть большую роль», «наполнять наши сердца радостію», «придавать особое значеніе».

Использованіе ограниченного числа высказываній, подчиненныхъ какой-либо темѣ, а также стереотипныхъ речевыхъ средствъ изучается въ процессѣ подготовки устного переводчика.

Особое мѣсто среди тематическихъ высказываній занимаютъ ситуационныя клише. Въ отличіе отъ другихъ тематическихъ высказываній ихъ появленіе въ данной ситуациѹ не просто возможно, а обязательно. Некоторые ситуационныя клише специально записываются въ инструкціяхъ, памяткахъ, уставахъ. Въ строю для каждой ситуациѹ предусматриваются команды, языковая форма кото-

рых остается неизменной: «Становись!», «Разойдись!», «Равнение направо!», «К торжественному маршу!».

Судья на соревнованиях по теннису в зависимости от ситуации объявляет: «По нулю!», «Пятнадцать — ноль!», «Ровно!», «Три один в первой партии!».

Другие ситуационные клише, не предусмотренные инструкциями и уставами, определяются узусом и тем не менее тоже обязательны в той или иной ситуации. Например, надписи: «Вход воспрещен!», «Свободных мест нет!», «Учет», «Премьера».

Или ритуальные фразы: «Здравствуйте!», «Горько!», «Приятного аппетита!», «С Новым годом!».

Семантическая информация ситуационных клише лишь сигнализирует о той или иной ситуации. Это значит, что если известна ситуация, то можно предугадать и высказывание. И наоборот, если слышишь ситуационное клише, то нетрудно определить, о какой ситуации идет речь. Подчиненность семантической информации ситуационной хорошо проявляется при переводе: в одной и той же ситуации ситуационные клише двух языков имеют в большинстве случаев различное семантическое наполнение:

«Говорит Москва!» — «Ici Moscou!»

«К ногам!» — «Reposez vous!»

Зависимость семантической информации от ситуационной позволяет и ситуационное клише относить к тематическим высказываниям.

Тематические высказывания (высказывания, лишенные самостоятельной семантической информации) встречаются в большинстве текстов, подлежащих устному переводу, в том числе в ораторских выступлениях. Тематические высказывания необходимы оратору и слушателям как обязательный признак соответствующего ролевого поведения, они необходимы и для надежности коммуникации, достигающейся в технике дублированием средств связи, а в языке избыточностью речевых средств. Ценность ситуационной и семантической информации для определения сообщения в коммуникации с использованием тематических высказываний выражается отношением 1 : 0.

Роль речевого произведения как компонента коммуникации особенно велика в случаях, когда семантическая информация, заключенная в нем, обретает самостоятельность, как это наблюдается в большинстве

высказываний, содержащихся в информационных материалах, в художественной литературе, в научных работах. Приведем несколько примеров:

«В Москве 30 апреля состоялось подписание плана культурного и научного сотрудничества между двумя странами».

«Я возвратился в Кисловодск в пять часов утра, бросился на постель и заснул сном Наполеона после Ватерлоо» (М. Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени»).

«Благодаря способности рецепторов-анализаторов разлагать мир на отдельные и осознавать их как ощущения становится возможным различение отдельных качеств предмета» («Общее языкознание» под ред. Б. А. Серебренникова, М., 1970).

Смысл приведенных высказываний определяется прежде всего семантической информацией. Их появление не обуславливается окружающей в момент предъявления высказываний действительностью. Предметная ситуация создается семантической информацией самих высказываний. Пониманию высказываний способствует не речевая ситуация, а знание контекста. Смысл речевая ситуация не определяет. С этой точки зрения ценность ситуационной информации равна 0.

Итак, главная особенность подобных высказываний заключается в решающей роли их семантической информации, которая и определяет состав сообщения, если не принимать во внимание информацию о структуре.

Как известно, смысл высказывания складывается из соотношения семантической и ситуационной информации. Однако поскольку ситуационная информация при определении смысла в рассматриваемых высказываниях в расчет может не приниматься, напрашивается вывод о том, что в данном случае наблюдается совпадение семантической информации и смысла. Другими словами, эти высказывания информативны сами по себе, вся информация, подлежащая передаче, заключена в них самих, поэтому эти высказывания можно назвать информативными высказываниями.

И, наконец, еще одна особенность информативных высказываний, которую необходимо учитывать переводчику: информативные высказывания всегда включают такую информацию, которую ситуация подсказать не может.

Смысл информативных высказываний не может быть подсказан, так как вероятность появления той или иной информации в них определяется фактически бесконечным числом исходов. Если и для информативных высказываний выразить ценность ситуационной и семантической информации через цифровые величины, то их отношение будет 0 : 1. Следует иметь в виду, что подавляющее большинство текстов содержит различные типы высказываний, чаще всего информативные и тематические.

ВЫВОДЫ

При определении сообщения в переводе полезно учитывать тип предъявленного высказывания. В зависимости от места семантической информации в составе сообщения различают целевые, тематические и информативные высказывания.

Если в целевых высказываниях сообщение образуется путем соотнесения семантической и ситуационной информации, то в тематических оно угадывается на основе ситуации, а в информативных вычленяется благодаря семантической информации.

Глава 5.

СООБЩЕНИЕ И ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЗАПАС

До сих пор мы рассматривали сообщение исходя из его структуры, из соотношения видов информации, его составляющих. Не менее важно оценить сообщение и с позиции получателя. Напомним, что в коммуникации с переводом следует иметь в виду двух получателей: переводчика и финального адресата, которому, собственно говоря, сообщение и предназначено. Успешная передача сообщения предполагает не только достаточный уровень подготовки переводчика для того, чтобы он сумел «найти» сообщение, но и умение переводчика оценить семиотический уровень [24] финального адресата для того, чтобы полученная им информация произвела на него ожидаемый коммуникативный эффект.

Финальным адресатом в коммуникации с переводом может быть и отдельный человек и аудитория. Уровень

информационного запаса отдельного человека в той или иной области знаний определить легче, чем аудитории. Предстоящий финальный адресат переводчику может быть известен:

- как заранее обусловленное лицо, встреча с которым предполагается (в этом случае переводчик обязан собрать о финальном адресате возможно больше сведений);

- как участник стандартной социальной ситуации, ролевое поведение и уровень информационного запаса которого можно предвидеть;

- как представитель той или иной семиотической группы, т. е. группы людей, располагающей относительно общим тезаурусом и определенным комплексом речевых умений [67, 201].

Если предстоящий финальный адресат переводчику и неизвестен, то уже после первых реплик нетрудно сделать вывод о социальном статусе отдельного реципиента (собеседники обычно представляются друг другу), его культурном уровне (на основании его речи) и внести некоторые коррективы (например, банкира из Парижа нельзя называть товарищем, докеру из Ливерпуля следует объяснить, чем знаменита Третьяковская галерея, хлопкороб из Узбекистана может не знать названия итальянских денег).

Значительно труднее оценить адресат, если в его лице выступает не отдельный человек, а аудитория. Следует иметь в виду, что аудитория может быть открытой, контактной и закрытой, рассредоточенной. Закрытая, рассредоточенная аудитория наблюдается у средств массовой коммуникации: прессы, радио, телевидения. Выступающий по радио или телевидению аудиторию не видит, она для него «закрыта». Кроме того, радиотелевизионная аудитория не собрана в одном месте, она «рассредоточена». Особенность закрытой аудитории состоит в отсутствии немедленной обратной связи. Переводчику нужна обратная связь (т. е. реакция финального адресата) для того, чтобы видеть или слышать, как воспринимается передаваемая им информация.

Коммуникация с переводом на закрытую, рассредоточенную аудиторию — сравнительно редкое явление. Однако переводчику приходится сталкиваться с полужакрытой аудиторией. Это происходит в синхронном переводе, где нередко кабины переводчиков изолированы от зала

заседания. Реакцию адресата переводчик получает через наушники, что позволяет ему корректировать свою работу.

Чаще всего переводчик имеет дело с открытой, контактной аудиторией, которая отличается от закрытой не только наличием немедленной обратной связи, но и определенной организацией: это группа людей, имеющая общие мотивы, установки. Большинство лиц, составляющих открытую аудиторию в коммуникации с переводом, относится к одной семиотической группе. На примерный информационный запас такой семиотической группы переводчику и следует ориентироваться.

Итак, при преобразовании речевого произведения № 1 (порожденного инициальным источником) переводчик должен учитывать информационный запас получателя, чтобы информация, предназначенная для передачи (сообщение), дошла до него в полном объеме. Роль, которую играет информационный запас в уяснении сообщения адресатом, требует более тщательного рассмотрения.

Информационный запас по своей сути близок к таким понятиям, как ситуация и контекст. Но если ситуация и контекст существуют независимо от коммуниканта, то информационный запас неотделим от коммуниканта и может определяться в связи с конкретным коммуникантом. И вообще понятия «ситуация», «контекст» и «информационный запас» отождествлять нельзя.

В главе 3 мы уже рассматривали термин «ситуация» и необходимость различать речевую и предметную ситуацию. Контекстом обычно принято называть лингвистическое окружение языковой единицы [4]. Однако многие исследователи контекстом называют и экстралингвистические связи элементов текста. И. С. Нарский, описывая структуру поля функционирования знака, выделяет четыре контекста: «предметный контекст», «знаковый контекст», «контекст деятельности первого интерпретатора» и «контекст деятельности второго интерпретатора» [52, 139]. Предметный контекст И. С. Нарского, который он определяет как «...систему предметов, в различных связях с которыми находится данный предмет», ближе всего подходит к понятию информационного запаса. Информационным запасом мы называем объем информации, ассоциируемый коммуникантами с некоторым языковым знаком или обозначенным им объектом

действительности (денотатом). Такой объем информации у различных коммуникантов чаще всего не совпадает. Так, единица речи «газета "Юманите"» в зависимости от количества и характера сведений у различных коммуникантов может означать:

— одну из существующих газет с названием «Юманите»;

— французскую газету «Юманите»;

— газету французских коммунистов «Юманите».

Кроме того, коммуникант может располагать и другими сведениями о данном денотате, например: ежедневная газета, выходящая в Париже, основанная Жан Жоресом в 1904 г., тираж около 200 000 экземпляров и т. п.

То, что языковой знак несет набор сведений и вызывает «комплекс мыслей», отмечали многие исследователи. Так, у О. Н. Селиверстовой предметное «...значение лингвистического знака отождествляется с тем набором сведений, который обязательно получит человек, владеющий данным языком, при восприятии означающего знака, представленного в звуковой или графической цепочке» [77, 130]. Развернутым значением некоторого знака называет Е. Гродзинский комплекс мыслей о предмете или явлении реальной действительности [95, 103]. Для нас особенно важно подчеркнуть субъективный характер этого явления, так как в коммуникации с переводом источник и адресат являются носителями различных языков, различных культур. Одни и те же языковые знаки могут вызывать у них противоположные ассоциации, у истоков которых лежат национальные традиции, образование, интересы, социальные ограничения и др. Изучение этого вопроса показывает, что даже носители одного языка ассоциируют с той или иной единицей речи различное количество информации. Это отмечал еще А. А. Потебня, который писал, что содержание воспринимаемого текста пропускается читателем через «его язык», вследствие чего исходное содержание текста изменяется [56, 6]. Более того, проведенные нами эксперименты, о которых речь пойдет ниже, со всей очевидностью показывают, что некоторые лексические единицы вообще мы плохо понимаем, хотя и регулярно употребляем их в речи. Об этом же писал и Ш. Балли: «...было бы глубоким заблуждением полагать, что при повседневном употреблении родного языка люди осознают все, что они говорят или пишут, говоря, мы сплошь и

рядом произносим слова, не имеющие для нас никакого смысла и, сами того не зная, сохраняем в своей речи множество языковых пережитков, значения которых мы не понимаем даже приблизительно» [6, 101].

Неидентичное понимание одних и тех же речевых единиц коммуникантами происходит потому, что, как утверждают философы, общим понятиям соответствуют абстрактные объекты, а эти объекты «лишь приблизительно соответствуют реальным ансамблям связей и отношений между вещами...», причем «...приблизительность соответствия абстракций конкретной действительности не только неизбежна, но и необходима... потому, что необходимы сами абстракции, а абстракции не могут не быть приблизительными в отношении реальности; от которой они абстрагируются» [52, 88].

Объяснение философов тем не менее не снимает проблемы информационного запаса в переводе, поскольку остается цель перевода: передача сообщения в коммуникации. И реализация этой цели в значительной степени зависит от объема информации, ассоциируемого у адресата соответствующими речевыми единицами. Это хорошо знают опытные переводчики. Приведем лишь одно высказывание: «Если имеется слишком большой разрыв между поступающей информацией и накопленными знаниями, связь между ними не устанавливается, понимание не достигается... Наступившее понимание связывает информацию с соответствующими знаниями, если таковых не имеется, информация остается незамеченной» [103, 93].

Итак, какой объем информации ассоциируется с языковыми знаками и насколько он равноценен у лиц одной национальной и социальной группы, одного образовательного ценза (учащиеся языкового вуза)? Такие вопросы были поставлены в организованном нами эксперименте, в котором участвовало 40 испытуемых. Предварительно все они успешно выполнили письменный перевод текстов, содержащих предъявленные в ходе эксперимента лексические единицы. Сам эксперимент заключался в том, что испытуемые должны были письменно объяснить значение 20 одинаковых лексических единиц. Время для ответов не ограничивалось. Как и предполагалось, содержание ответов было весьма различным. Вот некоторые из них по четырем лексическим единицам.

I. Государственный секретарь США

1. Помощник президента.
2. Лицо, подчиняющееся президенту США.
3. Чиновник в госаппарате США.
4. Секретарь, занимающийся государственными делами.
5. Второе лицо в правительстве США.
6. Министр иностранных дел США.

II. Коммюнике

1. Вид принятого в ходе переговоров послания.
2. Выработка решений по интересующим вопросам.
3. Документ, выработанный двумя договаривающимися сторонами.
4. Краткое сообщение в газетах после визита делегации.
5. Политический документ, принимаемый в результате совещаний.
6. Политический документ о двустороннем соглашении.

III. Оппортунизм в рабочем движении

1. Категория исторического материализма. Иные взгляды.
2. Крайне левое течение в международном рабочем движении.
3. Политический термин для обозначения оппозиции.
4. Производное и составляющее идеализма.
5. Политическое направление, характеризующееся нападками на марксизм-ленинизм.
6. Соглашательство, политика приспособления классовых интересов пролетариата интересам мелкобуржуазных слоев общества. Ярким примером оппортунизма являются действия социал-шовинистов в первую мировую войну.

IV. Килиманджаро

1. Горная вершина.
2. Географический термин.
3. Самая высокая гора Африки.
4. Потухший вулкан.

5. Не знаю.

6. Высшая точка Африки вулканического происхождения с вечными снегами.

Анализ всех ответов испытуемых (здесь приведены наиболее характерные) позволил сделать следующие выводы.

1. Объем информации, ассоциируемый у коммуникантов с языковыми знаками, варьируется от нуля («Килиманджаро» — ответ № 5) до хорошей осведомленности о денотате («Оппортунизм в рабочем движении» — ответ № 6).

2. В ряде случаев информация, связанная с лексическими единицами, носит неконкретный характер («Чиновник в госаппарате США» — ответ № 3 к лексической единице II, «Географический термин» — ответ № 2 к лексической единице IV, «Политический термин для обозначения оппозиции» — ответ № 3 к лексической единице III и др.).

3. Информация, ассоциируемая с языковыми знаками, порождается чаще всего привычным для испытуемого употреблением данной лексической единицы, а не ее основным «значением» (например, коммюнике — «краткое сообщение в газетах после визита делегации», а не «официальное сообщение»).

4. Включение знака в речь обуславливается не столько знанием его содержания, сколько знанием способов его употребления.

В связи с этими выводами возникают вопросы, весьма существенные для теории перевода. Во-первых, нельзя ли классифицировать информацию, которая ассоциируется у коммуникантов с языковыми знаками? Во-вторых, что же является значением лексической единицы в переводе? В-третьих, насколько эффективность перевода зависит от объема информации, ассоциируемой с языковыми знаками?

С целью ответа на первый вопрос мы рассмотрели все полученные ответы в проведенных нами экспериментах и сгруппировали их в зависимости от содержащейся в них информации. При этом во внимание не принималась элементарная грамматическая информация, которую получатель извлекает даже из незнакомого слова, подчиняющегося правилам известного ему языка (например, «кавтолог» — существительное, единственного

числа, мужского рода, именительного падежа). Информационный запас, т. е. сведения, которые получает коммуникант, связывая языковой знак с действительностью, был классифицирован по следующим степеням.

Информационный запас 1-й степени. Это самый небольшой объем знаний, связанный с лексической единицей. Информационный запас 1-й степени можно определить как такое количество информации, которое позволяет соотнести предъявленную лексическую единицу с той или иной областью жизни (например, Килиманджаро — географический термин, коммюнике — политический термин). Информационный запас 1-й степени — это тот минимальный объем информации, который дает возможность коммуниканту считать данную лексическую единицу знакомой. Если с единицей речи не ассоциируется даже информационный запас 1-й степени, т. е. если ее не удастся отнести к той или иной области знаний, ее следует рассматривать как незнакомую лексическую единицу.

Чаще всего «малый контекст», т. е. лингвистическое окружение, позволяет получателю соотносить незнакомую лексическую единицу с той или иной областью знаний. Так, непосвященный читатель без труда свяжет с лингвистикой единицу речи «неологизм» из следующей фразы: «Корней Чуковский тщательно отобрал и описал неологизмы в речи детей». Однако соотнесение языкового знака с той или иной областью знаний не означает еще его правильного понимания. Отсюда значительные потери в коммуникации и несостоявшаяся передача сообщения.

Информационный запас 2-й степени. В ответах испытуемых на предъявленные лексические единицы чаще встречаются попытки связать их не с целой областью знаний, а с ее частью. Так, коммюнике есть не просто политический термин, а политический документ, Килиманджаро — не географический термин, а название горы. Нетрудно заметить, что во всех примерах наблюдается увеличение количества информации, связанной с языковыми знаками, т. е. накопление информационного запаса. В отличие от информационного запаса 1-й степени происходит как бы распределение обозначаемых не по классам предметов, явлений, а по родам.

Информационным запасом 2-й степени можно считать и ответы, где наблюдаются неудачные попытки

конкретизировать значение языкового знака. Так, коммюнике определяется как «документ, выработанный двумя договаривающимися сторонами», но известно, что основное значение этого слова «официальное сообщение». Кстати, две договаривающиеся стороны вырабатывают и другие документы. Короче говоря, в данном случае испытуемый неудачной попыткой конкретизировать обозначаемое показал, что имеющаяся у него информация о лексической единице «коммюнике» правильна только до уровня, идентифицирующего обозначаемый предмет как политический документ (родовая отнесенность). Попытки определить видовую отнесенность языкового знака оказались неудачными. По-видимому, информационный запас 2-й степени далеко не всегда способствует эффективности коммуникации.

Информационный запас 3-й степени. Если при информационном запасе 2-й степени отмечалась «родовая отнесенность» предметов, явлений, обозначаемых единицами речи, то информационный запас 3-й степени можно охарактеризовать «видовой отнесенностью». В этом случае наиболее существенные признаки денотата четко осознаются коммуникантом, он его способен выделить из группы однородных предметов, явлений. Так, Килиманджаро из неопределенной горы становится «высшей точкой Африки», коммюнике — определенным политическим документом: «официальным сообщением».

Информационный запас 3-й степени — это тот уровень знания лексической единицы, который позволяет свободно владеть ею и правильно понимать и употреблять ее в речи.

Информационный запас 4-й степени. Сведения, которые можно иметь о предмете, явлении, действии, практически беспредельны. Гору Килиманджаро нетрудно отличать от других гор, но о ней можно иметь и более значительное количество информации: и то, что ее высота достигает 6010 м, и то, что она расположена в Танзании несколько южнее экватора, и то, что это потухший вулкан, и то, что он легко доступен для альпинистов, и еще много другое. Именно на этом уровне складываются так называемые «научные» понятия. Наличие некоторого объема систематизированных сведений о денотате можно классифицировать как информационный запас 4-й степени. Информационный запас 4-й степени, связанный с целой номенклатурой лексических единиц

(например, военная терминология), обязательен для соответствующего специалиста.

Информационный запас 5-й степени. По-видимому, следует иметь в виду и 5-ю степень информационного запаса. Речь идет о проникновении в сущность предмета, явления, действия, об отчетливом понимании границ, несущественных признаков, возможных изменений денотата. Такую глубину понимания можно встретить в научных исследованиях и то лишь в отношении отдельных лексических единиц.

Итак, можно дать ответ на первый, поставленный нами после эксперимента вопрос: информационный запас, связанный у коммуникантов с лексическими единицами, может быть классифицирован на 5 категорий, каждая из которых способна существенно повлиять на процесс передачи сообщения.

Второй вопрос касался определения значения лексической единицы в переводе.

В теории перевода проблема значения (и в первую очередь лексического значения), находящаяся в центре внимания семасиологии, является таким же объектом изучения, как и в философии, кибернетике, лингвистике, логике. В понимании значения языкового знака нет единства среди исследователей. Значение знака определяется, например, как его отношение к действительности: «Каждое значащее слово относится к определенному обозначаемому (в реальной действительности: объективной, субъективной). Это отношение и есть значение...» [85, 217]. Оно определяется также как действие интерпретатора: «Значение слова есть его употребления в языке» [106, 20]. Близки к этому и следующие положения: «Единственный способ „определить“ значение слова *charge* — это описать (обычно иллюстрируя словосочетаниями и предложениями) его дистрибуцию» [99, 82]. Или «...лексическое значение находит свое лингвистическое бытие не в изолированном слове, а в слове плюс его способность сочетаться определенным образом с другими словами» [28, 191]. Значение знака рассматривается и как инвариант информации: «...значение представляет собой инвариант информации, переносимый словесным или несловесным знаком или сочетаниями таковых» [53, 39]. Значение языкового знака приравнивают иногда к понятию или так называемому «упрощенному понятию»: «Различие между понятием и значением состоит

в том, что значение есть „упрощенное понятие“, есть стабильное в понятии, есть тот минимум признаков понятия, который закрепляется за знаком языка и который необходим, чтобы данный знак приобрел общественную значимость» [72, 107]. Значение понимается и как отражение действительности, например, в определении А. И. Смирницкого, который писал, что значение слова есть «...известное отображение предмета, явления или отношения в сознании..., входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка, необходимая не только для выражения значения и для сообщения его другим людям, но и для самого его возникновения, формирования, существования и развития» [66, 89].

Различный подход к проблеме значения языкового знака позволяет под новым углом зрения прочесть ответы испытуемых, классифицированные на 5 степеней информационного запаса. Их анализ должен показать, какое из определений значения предпочтительнее, на уровне какого информационного запаса появляется возможность говорить о полноценном значении. В ответах на уровне информационного запаса 1-й или 2-й степени нельзя обнаружить какого-либо отношения знака к обозначаемому, поскольку обозначаемое остается неизвестной величиной для коммуникантов с таким объемом информации. Не видно в этих ответах и отображения предмета, явления. Нельзя их приравнять и к понятию, даже «упрощенному». Информационный запас 1-й и 2-й степени можно рассматривать не иначе как уровень владения некоторыми способами употребления языковых знаков. Информационный запас 3-й степени к языковому знаку — это уже уровень свободного использования лексической единицы в речи. Именно информационный запас 3-й степени отвечает тем требованиям, которые предъявляются к значению знака: отношение к определенному обозначаемому, инвариант информации, отображение предмета, явления.

Информационный запас 4-й степени — это осознанная система предметов, с которыми так или иначе связаны обозначенные предмет, явление, признак, другими словами, на этом уровне осведомленности интерпретатора о денотате появляется возможность говорить о явно выраженном предметном контексте. Было бы неверным

считать, что предметный контекст полностью отсутствует на уровне информационного запаса 3-й степени. Именно осознанное выделение денотата из группы предметов, явлений свидетельствует о понимании интерпретатором ряда связей, которые существуют у обозначаемого с внешним миром. Однако на уровне информационного запаса 4-й степени предметный контекст как бы становится самостоятельной проблемой — проблемой специального изучения возможных способов интерпретации знака. Ближе всего к своему полному разрешению эта проблема находится на уровне информационного запаса 5-й степени, оставаясь, впрочем, неисчерпаемой, как и любое другое познание.

Изучение объема информации, связанной с языковыми знаками, показывает, что в речевой деятельности знак способен выполнять свои функции, если известен хотя бы один из способов его употребления. Но такой единственный способ не есть полноценная, социально осознанная интерпретатором способность знака обозначить денотат, как это наблюдается, например, на уровне информационного запаса 3-й степени. Употребление знака на уровне информационного запаса 1-й или 2-й степени есть интуитивное угадывание способности знака выделять денотат, основанное на ограниченном речевом опыте коммуниканта.

Итак, в таком виде речевой деятельности, как перевод, звуковой (графический) комплекс приобретает права языкового знака или единицы речи с того момента, когда в сознании коммуниканта четко выделяется из окружающей действительности тот или иной предмет, явление. Вот почему можно сказать, что с точки зрения перевода значение языкового знака (лексической единицы) есть социально обусловленная способность его материального выражения выделить предмет, явление, признак (денотат) из окружающего объективного или субъективного мира.

Нам остается ответить на третий вопрос, насколько эффективность перевода зависит от объема информации, ассоциируемой с языковыми знаками. То, что тематическая осведомленность (значительный информационный запас, связанный с определённой терминологией) способствует речевой деятельности, известно давно. Еще в 1947 году А. Н. Соколов поставил эксперимент, в котором испытуемые, разделенные на три группы в зависи-

мости от их языковой и профессиональной подготовки, переводили научный текст. Наилучшие результаты независимо от степени владения языком показали испытуемые, подготовленные в той научной области, к которой принадлежал текст [69].

От переводчика нельзя требовать, чтобы он был специалистом (владел информационным запасом 4-й степени) во всех областях знаний. Для получения хороших результатов в переводе, по-видимому, достаточно ассоциировать информационный запас 3-й степени с основными лексическими единицами текста, так как едва ли коммуниканты ассоциируют этот объем информации со всеми используемыми в речи языковыми знаками.

Проведенные исследования среди группы учащихся языкового вуза показали, что в политической области только 40% лексических единиц ассоциируется у них с информационным запасом 3-й степени. Остальные же лексические единицы связываются со значительно более скудной информацией. В технической области этот запас оказался еще меньше. Информационный запас 3-й степени зарегистрирован в среднем только для 25% лексических единиц. Примерно такое же положение в области географии.

Недостаточный уровень информационного запаса не помешал, однако, испытуемым осуществлять речевую деятельность в политической области и даже использовать географические термины или единицы речи, обозначающие национальные реалии. Под речевой деятельностью в данном случае подразумевается пересказ и перевод текста с помощью двуязычных словарей. Конечно, следует иметь в виду, что любой политический текст (впрочем, как и технический) содержит наряду с политической терминологией значительное количество и ординарных лексических единиц.

Очевидно также, что наличие в тексте известного количества единиц речи, способных вызвать у коммуникантов ассоциации на уровне информационного запаса 1-й или 2-й степени, замедляет понимание речевого произведения, а следовательно, и речевое действие. Слова, смысл которых недостаточно ясен, останавливают аудирование, переключают внимание коммуниканта с содержания на форму выражения. III. Балли по этому поводу писал: «...чем лучше известен смысл слова, тем ассоциации, основывающиеся на фактах мысли, интенсивнее

стремятся вытеснить ассоциации, вызываемые формой слова; и наоборот, чем менее прочны ассоциации, основывающиеся на фактах мысли, тем ассоциации, вызываемые формой слова или даже его материальным звуковым обликом, интенсивнее стремятся выйти на первый план в сознании говорящего» [6, 52—53].

Торможение речевого действия наблюдалось нами в небольшом эксперименте, проведенном с 30 студентами языкового вуза. Студентам было дано задание записать с помощью переводческой скорописи и письменно перевести пять газетных текстов различной тематики. Время работы каждого учащегося фиксировалось. После эксперимента в результате устной беседы определялся информационный запас испытуемых в отношении как неординарных единиц речи¹, так и единиц речи, неправильно или неполно отраженных в записях. В каждом тексте оказалось несколько единиц речи с информационным запасом 1-й или 2-й степени (от единицы в политическом тексте до 14 единиц в музыковедческом тексте). Эксперимент показал прямую зависимость времени работы испытуемых от количества таких единиц (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Текст	Кол-во печатных знаков	Время работы испытуемых, мин			Кол-во неординарных единиц в тексте (в среднем)	
		наименьшее	среднее	наибольшее	с информационным запасом 1-й степени	с информационным запасом 2-й степени
Политический	1210	3' 50"	3' 55"	4'	—	1
Экономический	1190	4' 50"	4' 55"	5' 10"	3	2
Спортивный . .	1410	7' 10"	7' 20"	7' 25"	2	8
Информационный (о юбилее)	1290	4' 33"	4' 35"	4' 38"	—	4
Музыковедческий	1300	8' 40"	9' 00"	9' 15"	6	8

На основании этого эксперимента еще нельзя сделать окончательного вывода о том, какую роль играет ин-

¹ Под «неординарными единицами речи» подразумеваются лексические единицы, относящиеся к отраслевой номенклатуре (например, спортивная терминология).

формационный запас в речевой деятельности. Однако несомненно одно, что увеличение в тексте количества единиц речи с информационным запасом 1-й или 2-й степени значительно увеличивает время работы с текстом. Специальное исследование могло бы указать критические границы насыщения текста единицами с ограниченным информационным запасом (1-я и 2-я степень), за пределами которых возможность реализации коммуникации фактически сводилась бы к 0.

Это исследование представляет особый интерес для практической работы в области перевода, поскольку переводчику приходится использовать неродной язык, в котором количество лексических единиц с ограниченным информационным запасом возрастает.

Неодинаковый информационный запас, ассоциируемый с различными лексическими единицами даже в родном языке, объясняет то положение, что степень владения языком в различных областях жизни — величина непостоянная. Действительно, свободное владение языком может наблюдаться только в относительно ограниченных сферах общения, как правило, в постоянно повторяющихся ситуациях, а главное в рамках строго определенного набора единиц речи. √Расширение набора языковых знаков, ассоциируемых с информационным запасом по крайней мере 3-й степени, представляется проблемой, связанной с культурой человека. С ней неминуемо сталкивается каждый, кто работает с языком. Проблема информационного запаса входит в круг профессиональных обязанностей переводчика, так как он должен осуществлять выбор при оформлении речевого произведения таких лексических единиц, которые вызвали бы у адресата ассоциации на уровне информационного запаса 3-й степени.

ВЫВОДЫ

Различные адресаты извлекают из речевого произведения различное количество информации. Сумма информации, которую дает речевое произведение, является величиной непостоянной и зависит от информационного запаса каждого отдельного адресата, которым он располагает в связи с лексическими единицами, составляющими речевое произведение. Количество информации, ассоциируемой адресатами с лексическими едини-

цами, может быть классифицировано на 5 степеней информационного запаса. Исследование показало, что знание одного способа употребления языкового знака достаточно для того, чтобы лексическая единица вошла в тезаурус коммуниканта. Свободное владение лексической единицей возможно лишь на уровне информационного запаса 3-й степени, когда полностью реализуется ее социально обусловленная способность выделить предмет, явление, признак из окружающей действительности, способность, которую и есть основание называть значением лексической единицы.

Глава 6.

ИНФОРМАТИВНОСТЬ ТЕКСТОВ

В любом виде перевода речевое произведение поступает к переводчику и финальному адресату в виде текста. Речевое произведение, поступающее к переводчику, принято называть исходным текстом. Речевое произведение, поступающее к финальному адресату, называют переводным, или выходным текстом. Объем текста может включать одно или несколько предложений, но он может доходить и до нескольких печатных листов.

Будучи объектом деятельности переводчика, текст, его сущность и особенности входят в круг проблем, интересующих науку о переводе. Понятие «текст» нередко сводят к произведению речи, зафиксированному на письме [4]. Произведением речи можно назвать и простой набор слов, если это соответствует авторскому замыслу. Впрочем, такое мнение противоречит другим взглядам на сущность текста. Вот, например, точка зрения известного советского психолога Н. И. Жинкина: «Если в одном из предложений нет ответа на вопрос, поставленный в другом предложении, следует признать, что оба предложения не связаны друг с другом, т. е. они не составляют единого текста» [26, 216].

В существующих определениях подчеркиваются разные признаки текста: его принадлежность к продуктам речевой деятельности, а иногда и к письменной речи, его цельность. Продуктами речевой деятельности являются и книга, и ораторская речь. Причем книга может быть

прочитана по радио или со сцены, а ораторская речь может быть напечатана, т. е. один и тот же продукт речевой деятельности может принять как письменную, так и устную форму. Поэтому вряд ли есть основания связывать понятие «текст» только с письменным произведением речи.

Другой признак текста, его цельность, можно также понимать по-разному. Цельность текста выражается и в том, что одно предложение как бы отвечает на вопрос, поставленный в другом, что все элементы текста логически взаимосвязаны и в смысловом отношении как бы дополняют друг друга. Эту точку зрения разделяет, например, Т. М. Дридзе, в понимании которой текст — «...это некоторая система элементов разной степени сложности и комплексности, несущая определенную смысловую концепцию» [24, 39]. Текст будет называться цельным и в том случае, если не связанные друг с другом предложения объединяются одним общим назначением, как, например, в упражнениях. Не вызывает сомнения правильность принятых в речи выражений: «текст книги» (даже если книга включает рассказы разных авторов), «текст роли» (хотя он и может составлять в смысловом отношении разрозненные куски пьесы), «текст речи», «текст упражнения», «текст словаря». Так можно говорить потому, что каждый раз цельность речевого продукта определяется его единым назначением, например, служить средством ознакомления с творчеством писателя или писателей, объединенных по национальному, литературоведческому, возрастному или другому признаку, служить объектом работы, средством воздействия или просто учебным материалом и т. д. Кстати, текст, цельность которого определяется логической взаимосвязью предложений, некоторые ученые, как, например, В. А. Звегинцев, называют в отличие от всякого другого текста дискурсом [28].

Итак, текст есть продукт речи, характеризующийся своей цельностью, но так как текст может включать несколько продуктов речи (например, текст диалога), а цельность определяется несколькими факторами, то точнее будет рассматривать текст как любую последовательность графических или звуковых языковых знаков, ограниченную единым назначением.

Текст — понятие емкое. Помимо своего назначения он характеризуется и своим лексическим составом, специ-

фикой использованных речевых средств, синтаксической и логической структурами, стилистическими и другими особенностями. Все перечисленные особенности весьма конкретны по своему содержанию, т. е. о них можно говорить только в связи с конкретными текстами или в лучшем случае в связи с текстами, типичными для того или иного вида перевода, для того или иного языка. Но для общей теории перевода существенны универсальные характеристики текста и в первую очередь характеристика, связанная с содержанием текста, с той информацией, которая в нем заключена. Эту характеристику можно назвать информативностью текста.

Уже подчеркивалось, что текст есть продукт речевой деятельности. То, что в мысли представляется цельным, при материализации речи принимает дискретную форму. Это в свое время хорошо выразил Л. С. Выготский: «Мысль не состоит из отдельных слов так, как речь. Мысль всегда представляет собой нечто целое, значительно большее по своему протяжению и объему, чем отдельное слово. Оратор часто в течение нескольких минут развивает одну и ту же мысль. Эта мысль содержится в его уме как целое, а отнюдь не возникает постепенно, отдельными единицами, как развивается его речь. То, что в мысли содержится симультанно, то в речи развертывается сукцессивно» [16, 378].

Линейное развертывание мысли в речи неизбежно приводит к тому, что информативность различных отрезков речи, различных слов представляет собой не равнозначную величину. Одни из них содержат чрезвычайно ценную информацию, другие повторяют уже известное.

Ценность информации не следует путать с ценностью сообщения. Если ценность информации измеряется ее уникальностью, тем, насколько возможно ее предугадать, прогнозировать, то ценность сообщения определяется его важностью, теми последствиями, к которым может привести непередача сообщения. Именно поэтому наиболее ценными являются сообщения, от которых зависит безопасность человека (например, сообщения, которыми обмениваются пилот самолета и оператор). При передаче ценных сообщений требуется особая надежность, которая в технике обеспечивается дублированием средств связи. В языковой коммуникации надежность передачи сообщения в значительной степени обеспечивается языковой избыточностью.

Языковая избыточность — явление для перевода примечательное и на нем следует остановиться особо. Только что было сказано, что для выражения мысли требуется значительное число слов. Количество слов, необходимое для выражения мысли, зависит, например:

- от коммуникативного задания;
- от существующих в данном языке правил грамматики;
- от владения источником соответствующей лексикой;
- от речевого опыта источника;
- от уровня информированности адресата;
- от ценности сообщения.

Чем ценнее сообщение, тем больше слов используется для его передачи, тем больше языковая избыточность текста. Языковую избыточность следует отличать от избыточности речи. Языковая избыточность текста свидетельствует не только об использовании лексических единиц, повторяющих уже выраженную семантическую информацию, что может рассматриваться и как избыточность речи, но и об избыточности графического или звукового оформления речи. Языковую избыточность в одном из ее аспектов (буквенное написание) можно проиллюстрировать на следующем примере: «Млджь Свт стрны успшно звршла трдв смстр». Записанную без некоторых букв фразу можно прочесть без особого труда. Ее полное написание потребовало бы увеличения количества букв более чем на 50%. Несложные расчеты показывают, что с точки зрения буквенного написания языковая избыточность этой фразы составляет 35%.

Языковую избыточность, выразившуюся в избыточности речи, покажем на другом примере. «Население столицы радостно приветствовало дорогого гостя». Ту же информацию можно передать словами «Столица приветствовала гостя». В приведенном примере количество слов, необходимых для передачи сообщения, удвоено.

Положение об избыточности кодов впервые сформулировал К. Шеннон [89]. Избыточность языка не только позволяет сокращать текст в случае необходимости, она позволяет также осуществлять передачу сообщения в условиях помех. Американские ученые Фрик и Самби, изучавшие язык переговоров по радио между пилотами самолетов, находящихся в воздухе, и дежурным по аэро-

дному, получили для избыточности значение, близкое к 96% [94]. Такая избыточность обусловлена особыми обстоятельствами. В обычных условиях избыточность языка несколько ниже, хотя и заметно превышает 50%. «Уровень избыточности в различных языках, по-видимому, колеблется в каких-то очень небольших пределах, так что можно говорить об уровне избыточности в 60—70% как универсальном свойстве языка вообще (правда, имеющиеся данные ограничиваются европейскими языками)» [5, 134].

Избыточность языка, а следовательно, и слов в тексте объясняется, кроме того, и тем, что органы чувств воспринимают речь, и соответствующие центры мозга ее перерабатывают не непрерывно, а путем накопления порций информации. Периодическое накопление порций информации мозговыми механизмами неизбежно ведет к неравномерному распределению информации в тексте. Это доказывают исследования, которые проводились на целом ряде европейских языков. Вот что пишет по этому поводу Р. Г. Пиотровский: «...Как показывают данные русского, английского и отчасти французского, испанского и румынского языков, распределение информации в тексте имеет квантовый характер. Начала слов несут максимумы информации, в то время как последние буквы слов, и особенно следующие за ними пробелы, оказываются либо мало информативными, либо вообще избыточными. Квантовый характер распределения статистической информации связан, очевидно, с теми особенностями, которые характеризуют работу головного мозга человека в ходе переработки им лингвистического текста» [55, 73].

Избыточность языка лежит в основе функционирования такого механизма речи, как вероятностное прогнозирование. Г. В. Чернов, автор прекрасного исследования механизма вероятностного прогнозирования в синхронном переводе, пишет: «Прогнозирование вероятностей появления следующих друг за другом речевых единиц, очевидно, возможно только в том случае, если речевой поток состоит из взаимозависимых единиц, что, в свою очередь, означало бы, что „источник сообщения повторяется“. Поскольку повторяющиеся элементы любой взаимосвязанной цепи событий не несут новой информации, а лишь повторяют уже известную информацию, их принято называть избыточными...» [84, 56].

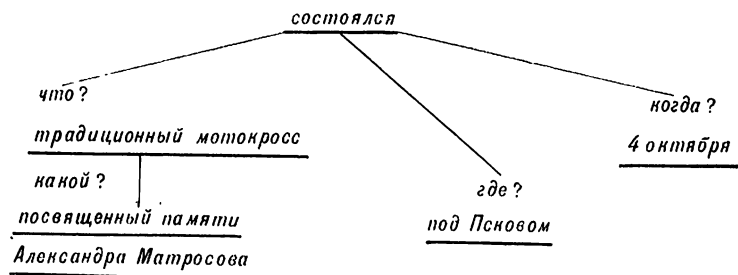
Определенный уровень избыточности необходим, оказывается, для того, чтобы синхронный перевод стал возможным: «Так, было бы нетрудно экспериментально показать невозможность осуществления синхронного перевода поэтического произведения даже на уровне „реферативного“ изложения смысла такого сообщения, в силу того, что уровень избыточности в поэтическом произведении тем ниже, а количество информации на каждый символ тем выше, чем больше самобытность и оригинальность автора поэтического произведения.» [84, 63].

Нетрудно заметить, что функции избыточности многообразны, она является неперенным условием эффективности коммуникации и в значительной степени определяет информативность текста, которая выражается, как это показал Р. Г. Пиотровский, в неравномерном распределении информации в речевом произведении за счет ее периодического накопления, чередующегося с малоинформативными речевыми отрезками.

Отсюда вытекает вывод, что для определения информативности текста его необходимо разбить по тому или иному смысловому признаку на речевые отрезки и оценить информацию, содержащуюся в них.

Любой текст, естественно, распадается на смысловые отрезки. Квантовая структура текста как бы отражает мышление человека, последовательно выделяющего отрезки окружающей его действительности. Наименьшие смысловые отрезки текста логически объединяются в предложения, которые таким образом показывают взаимодействие (процессы, действия, отношения) предметов, явлений, признаков между собой или друг с другом. Каждый взаимодействующий предмет, явление и признак обозначаются в речи, а каждое обозначение есть то или иное количество информации для получателя текста. Поэтому предложение как бы распадается на речевые отрезки в виде островков информации, которые мы будем называть квантами информации. Квантами информации в предложении обычно становятся развернутые обозначения (номинации), связанные между собой глаголом-сказуемым, т. е. слова, обозначающие субъект и объект действия, обстоятельства места, времени, образа действия, в которых протекает этот процесс, т. е. то, что Л. Теньер называет актантами и сирконстантами [104]. При этом связующим звеном предложения будет, естественно, глагольный узел. Вот как

можно представить, например, следующее предложение: «Под Псковом 4 октября состоялся традиционный мотокросс, посвященный памяти Александра Матросова».

В предложении четыре кванта информации, каждый из которых составляет самостоятельный речевой сегмент. В тексте сегментация этого предложения выглядела бы так: «Под Псковом || 4 октября || состоялся традиционный мотокросс, || посвященный памяти Александра Матросова».

Во избежание произвольных решений при делении на речевые отрезки необходимо речевую сегментацию, основанную в некоторой степени на интуитивном критерии, формализовать.

Основное правило сегментации можно сформулировать следующим образом. Речевая сегментация происходит по принципу сохранения непрерывности речевой цепочки при условии непосредственного следования управляемого слова за управляющим.

В рассматриваемом предложении «Под Псковом» и «4 октября», подчиненные глаголу «состоялся», расположены перед управляющим словом, поэтому они составляют отдельные сегменты. Лексическая единица же «традиционный мотокросс» находится после слова, которому она подчиняется (глагол «состоялся»), поэтому и входит в один речевой отрезок со сказуемым. Сегмент «посвященный памяти Александра Матросова» составляет отдельный речевой отрезок, как и все причастные обороты и подчиненные предложения, самостоятельность которых определяется их коммуникативными функциями.

Следует отметить, однако, что принцип сохранения непрерывности речевой цепочки нарушается в случаях,

когда определение не стоит за определяемым словом, что вполне естественно, так как определение всегда составляет с определяемым словом неделимое целое независимо от позиции определения. Например (определения выделены полужирным шрифтом):

«Политика мира и мирного сосуществования || укрепляет доверие к Советскому Союзу || — могучему бастиону мира и дружбы между народами.

В примере три смысловых отрезка; в них есть слова, не следующие непосредственно за управляющим словом («мирного сосуществования» не следует непосредственно за словом «политика», «дружбы между народами» — за словом «бастиону») или даже предшествующие ему («мирного», «могучему»), однако они не составляют отдельных речевых сегментов, так как являются определениями к управляющим ими словам.

Этот принцип нарушается также, если устойчивое словосочетание разрывается введением той или иной языковой единицы, что, кстати, встречается довольно-таки часто, особенно в разговорной речи. Например:

«Он принимал в организации собрания активное участие».

Речевой отрезок «он принимал в организации собрания» лишен смысла, а потому не может быть сегментом. Еще пример:

«Целый день Петруша бил, как говорится, баклуши».

Здесь вводные слова разбивают смысловое целое «бил баклуши». Поскольку предложение «как говорится» самостоятельно и никакому слову не подчинено, оно рассматривается как отдельный речевой сегмент. В этом примере четыре речевых сегмента: (1) Целый день, (2) как говорится, (3) Петруша (4) бил баклуши.

При соблюдении принципа сохранения непрерывности речевой цепочки необходимо исходить из того, что в речевом произведении управляющим или управляемым компонентом может быть только самостоятельное слово, т. е. такой элемент высказывания, который включает некоторую сумму значений и способен выполнять коммуникативные функции. А это значит, что все несамостоятельные составные части высказывания рассматриваются как часть управляемого или управляющего компонента. В следующем примере такие несамостоятельные элементы выделены полужирным шрифтом:

«После какой-либо забастовки || или демонстрации || принимавшие. в них участие «разгневанные молодые люди» || берутся на заметку».

При сегментации предложения подлежащее или группа подлежащего рассматривается как речевой отрезок, подчиненный глагольному узлу, т. е. глагольному сказуемому. Поэтому, когда подлежащее стоит непосредственно за глагольным сказуемым, оно составляет с ним одно целое («...состоялся традиционный мотокросс»). Такая же группа подлежащего рассматривается как отдельный речевой отрезок, если он предшествует глагольному сказуемому.

При сегментации предложения необходимо учитывать так называемые вводящие конструкции, которые как бы предваряют само сообщение, указывая на его источник или выделяя его по тому или иному признаку¹. Вот несколько примеров (вводящие конструкции выделены полужирным шрифтом):

«**Очень приятно**, || что в последнее время || отношения между нашими странами || развиваются в духе добрососедства».

«**Наша делегация надеется**, || что во время визита || удастся заключить новые торговые соглашения».

Вводящая конструкция, если только она не представлена самостоятельным распространенным предложением (например, «Наша делегация, || несмотря на ее неоднородный состав, || считает, || что...»), рассматривается как один речевой сегмент, так как она, как правило, не содержит компонентов сообщения и выполняет одну коммуникативную функцию.

По той же причине отдельный речевой сегмент составляют причастные и деепричастные обороты и обособления.

Предложенная речевая сегментация представляет собой формализованное членение поверхностных структур, которое, однако, имеет глубинное психологическое обоснование. Каждый речевой сегмент может рассматриваться как материализованное и развернутое в речи обозначение, характерное для субъективно-зрительного кода человека. Гипотезу о субъективно-зрительном коде выдвинул Н. И. Жинкин, который описывает его следу-

¹ Вводящие конструкции были выделены при разработке системы записи в последовательном переводе [51, 37—39].

ющим образом: «...язык внутренней речи свободен от избыточности, свойственной всем натуральным языкам. Формы натурального языка определены строгими правилами, вследствие чего соотносящиеся элементы конкретны, т. е. наличие одних элементов предполагает появление других, — в этом и заключена избыточность. Во внутренней же речи связи предметны, т. е. содержательны, а не формальны, и конвенциональное право составляет лишь на время, необходимое для данной мыслительной операции» [25, 37].

Гипотезу Н. И. Жинкина подтверждают фундаментальные исследования А. Н. Соколова, который пишет: «с психофизиологической точки зрения внутренняя речь может рассматриваться как проявление скрытых речедвигательных (кинестетических) реакций, к которым в качестве дополнительных компонентов могут присоединяться слуховые и зрительные представления слов...» [70, 176].

О внутренней речи как субъективно-зрительном коде говорит и практика с переводческой скорописью [51], которая основывается на зрительных представлениях (символы, буквенное изображение слов) человека.

Итак, каждый полученный речевой сегмент может рассматриваться как развернутая номинация отрезка окружающей нас действительности, коррелирующая со свернутым обозначением из внутреннего кода коммуниканта. Анализ речевых сегментов показывает, что большинство из них содержит информацию об одном объекте или процессе окружающей нас действительности. Если в отдельных речевых сегментах содержится информация одновременно о двух фактах, то всегда один из них оказывается более существенным, а другой как бы прогнозируется получателем. Другими словами, в любом сегменте может быть только один квант информации, который либо включает в себе что-то новое для получателя, либо повторяет уже сказанное. Некоторая часть речевых сегментов избыточна, и чем больше их количество, тем менее информативен текст. Имеются речевые сегменты, в которых вообще нет информации, способной продуцировать смысл, как например («пустой» сегмент выделен полужирным шрифтом):

«Делегат Аргентины || был единственным представителем Южной Америки || в собственном смысле этого слова».

Сегментация текста — это не просто мнемический прием, облегчающий работу памяти переводчика. Значение речевой сегментации текста заключается в том, что она позволяет условно подсчитывать информативность текста.

Мы уже показали, что границы речевых отрезков связаны с распределением информации в тексте и примерно совпадают с субъективным симультанным внутренним обозначением выделенного коммуникантом отрезка действительности и что каждый речевой сегмент включает, как правило, один квант информации (ею можно условно считать и информацию об отсутствии смысловой информации), которая может быть существенна или несущественна с точки зрения коммуникативности текста. Следовательно, необходимо научиться оценивать информацию речевых отрезков, или, что означает то же самое, информацию, которую несут слова в тексте.

О разной смысловой нагрузке слов писали многие исследователи. Н. И. Жинкин писал об этом еще в 1956 г.: «Совершенно очевидно, что разные слова в предложении имеют разный смысловой вес. Слова различны не только тем, что принадлежат к разным категориям служебных или знаменательных слов, частей или членов предложения, но и тем, что любое слово из любой категории в конкретном предложении именно потому, что оно конкретно, приобретает свой особый в данном тексте смысловой вес» [26, 197].

В процессе общения друг с другом мы обычно без труда оцениваем слова с точки зрения их смысловой нагрузки. В устном переводе как при ведении записей, так и при запоминании переводчик специально выбирает лексические единицы с наибольшим смысловым весом. Потери информации при этом представляют собой обычное явление. Они, однако, не мешают тому, чтобы была достигнута цель перевода — передача сообщения. Человеку вообще присуще неосознанно выделять в речевом произведении компоненты сообщения, переводчик же это делает осознанно, профессионально. Это обстоятельство было использовано в эксперименте. При этом мы исходили из того, что анализ работы устного переводчика является наилучшей возможностью классифицировать информацию, содержащуюся в лексических единицах текста.

Для проведения эксперимента были привлечены 22 учащихся выпускного курса переводческого факультета, способных профессионально осуществлять последовательный перевод. Все учащиеся овладели умением выделять в воспринимаемом на слух тексте главные смысловые члены, работая над «Упражнениями в микрореферировании» [50]. Испытуемым для письменного перевода на слух (учащиеся письменно переводят прочитанный для них текст) был предложен следующий отрывок:

«В результате успешно закончившихся переговоров между правительственными делегациями СССР и Афганистана, протекавших в обстановке дружбы и взаимопонимания, 24 февраля в Кабуле подписано советско-афганское соглашение об установлении регулярного сообщения между СССР и Афганистаном».

Текст читался один раз одновременно для всех испытуемых, которые после прослушивания имели в своем распоряжении одну минуту для перевода его на французский язык. Вполне естественно, что большинство испытуемых, даже с хорошо натренированной памятью, не могли удержать в голове свыше 30 слов исходного текста. Однако будучи специально подготовленными, они стремились сохранить для перевода главные смысловые члены, т. е. все то, что предназначено для передачи. Другими словами, работа испытуемых в условиях ограниченного времени как для восприятия исходного текста, так и для оформления перевода имела целью и передачу сообщения. Конечно, эту работу не могли выполнить безукоризненно все испытуемые. Но, очевидно, что в тех работах, которые были оценены компетентными судьями как удовлетворительные, наряду с другими были представлены и лексические единицы, обязательные для передачи сообщения. Лексические единицы, представленные в работах всех испытуемых (имеются в виду только удовлетворительные работы), и несли ключевую информацию, составляющую сообщение.

После проверки удовлетворительными были признаны 20 переводных текстов. Эти тексты не были идентичными, но они и не соответствовали исходному тексту. Их анализ удобнее вести, если разбить исходный текст на смысловые сегменты, следуя изложенной выше методике сегментации текста. Всего в рассматриваемом тексте вычленяются 5 речевых сегментов:

1. «в результате успешно закончившихся переговоров

между правительственными делегациями СССР и Афганистана»;

2. «протекавших в обстановке дружбы и взаимопонимания»;

3. «24 февраля»;

4. «в Кабуле»;

5. «подписано советско-афганское соглашение об установлении регулярного сообщения между СССР и Афганистаном».

Сравнение работ испытуемых по этим речевым сегментам дало следующие результаты: первый сегмент представлен в шести переводных текстах (30% от общего числа испытуемых), второй сегмент — в четырех переводах (20%), а остальные три — во всех переводах (100%). Поэлементный анализ переведенных всеми испытуемыми сегментов (3, 4, 5) показал, что и последний из них представлен в переводе неполностью. 100%-ное воспроизведение получили единицы «подписано», «соглашение о сообщении», «СССР и Афганистан». Причем последние две единицы во всех переводах воспроизводились один раз, а не дважды, как в подлиннике. Другие единицы последнего отрезка фразы были воспроизведены: «установление» — в восьми переводах (40%); «регулярного» — в шести переводах (30%).

Исходя из выдвинутой выше гипотезы, к обязательным смысловым компонентам исходного текста, т. е. компонентам, передающим сообщение, можно отнести лексические единицы, получившие 100%-ное воспроизведение. К таким лексическим единицам относятся: «24 февраля в Кабуле подписано советско-афганское соглашение о сообщении».

Эти единицы, хотя и были почти во всех переводах дополнены другими, составляют как бы смысловую квинтэссенцию, так как без них не смог обойтись ни один переводчик.

Итак, во всех случаях переведенными оказались сегменты 3, 4, 5. Сегменты 3 и 4 представляют собой прецизионные слова, т. е. однозначные слова, несущие точную уникальную информацию, которая в сегменте 3 («24 февраля») контекстом не подсказывается и потому имеет очень большую энтропию (наряду с «24 февраля» существует по крайней мере еще 365 ответов: 25 февраля, 1 марта, 10 апреля и т. п.). Сегмент 4 содержит информацию о месте подписания соглашения, по-

этому в нем, исходя из контекста («СССР и Афганистаном»), можно искать по крайней мере два ответа. Другими словами, информация, содержащаяся в смысловых сегментах 3 и 4, контекстом подсказана быть не может.

Рассмотрим сегмент 5. Его информация может быть выражена следующим образом: «подписание советско-афганского соглашения о сообщении». Все другие слова этого сегмента либо повторяют уже известную информацию («между СССР и Афганистаном»), либо сообщают подразумеваемую информацию («регулярного»).

Интересно, что информация, содержащаяся в речевом сегменте 5, делает само собой разумеющейся информацию сегментов 1 и 2. Действительно, любому соглашению предшествуют переговоры, причем соглашение о сообщении между двумя странами может быть подготовлено и подписано только правительственными представителями. (В речевом сегменте 1 не менее избыточно и понятие «успешно», так как оно целиком вытекает из информации сегмента 5). Что касается речевого сегмента 2, то его информация, представляющая собой дополнительную характеристику понятия «переговоры», подсказывается указанием стран, ведущих переговоры, и их результатами.

Итак, 100%-ное воспроизведение в переводных текстах получили лексические единицы, несущие информацию, которая ни ситуацией, ни контекстом подсказана быть не может. А это значит, что для передачи сообщения (и это верно не только для устного перевода) учет лексических единиц, несущих уникальную информацию, обязателен. По-видимому, именно уникальность информации и является одной из главных характеристик сообщения. Лексические единицы, несущие уникальную, ключевую информацию, можно назвать инвариантными лексическими единицами.

Однако в текстах, как показывают исследования, кроме инвариантных, имеются и другие лексические единицы, внимательное рассмотрение которых дает возможность провести дальнейшую дифференциацию информации, содержащейся в тексте.

Прежде всего следует различать лексические единицы, несущие дополнительную информацию, которая, хотя эксплицитно в тексте и не дана, тем не менее может

быть подсказана ситуацией, контекстом, логикой высказывания, информационным запасом получателя. Примером речения, несущего дополнительную информацию в экспериментальном тексте, является речевой сегмент 2 («протекавших в обстановке дружбы и взаимопонимания»).

Дополнительную информацию важно отличать от уточняющей информации, которая очевидна, которая составляет часть информации, содержащейся в других единицах текста, и которая, наконец, ее уточняет. Если лексические единицы с дополнительной информацией вносят что-то новое по крайней мере для некомпетентного получателя, т. е. для реципиента, который плохо знаком с обстановкой, ситуацией или просто недостаточно догадлив, то лексические единицы с уточняющей информацией ничего нового для такого получателя не несут. Такие единицы текста нельзя назвать дисфункциональными, т. е. лишенными всякой информации, они заключают в себе информацию, но такую, которая в данном тексте лишь уточняет очевидное, уже высказанное. Например, в приводимом уже предложении «Население столицы радостно приветствовало дорогого гостя» нетрудно обнаружить уточняющую информацию в лексической единице «население», так как в слове «столица» уже содержится понятие «ее население».

В экспериментальном тексте характерной лексической единицей с уточняющей информацией является слово «установлении» из речевого сегмента 5. Этот элемент текста необязателен, так как выражение «соглашение о регулярном сообщении» его подразумевает.

Кроме дополнительной и уточняющей информации, лексические единицы текста могут содержать и совершенно одинаковую информацию (имеется в виду обычное повторение информации). Повторение информации — прием, широко используемый в ораторской речи. Например (лексические единицы, повторяющие информацию, выделены):

«Процесс фашизации этой латиноамериканской страны достиг сегодня такой степени, что нет человека, который чувствовал бы себя в безопасности, не испытывал опасения за свою судьбу».

«И мы будем продолжать непримиримую борьбу до тех пор, пока кипрский народ не станет полностью суверенным и сможет сам распоряжаться своей судьбой».

В тексте, который был использован в эксперименте, единицей, несущей повторную информацию, было прилагательное «советско-афганское» из речевого сегмента 5, поскольку еще в речевом сегменте 1 содержалась информация о договаривающихся сторонах.

Наконец, в любом тексте можно встретить слова или отрезки речевой цепи, лишенные семантической информации. Во-первых, это различного рода оговорки и исправления. Во-вторых, это так называемые «пустые» слова и нейтральные предложения. Например: «**Как бы там не было**, но позиция вашего кандидата не столь уж неуклеима». К «пустым» словам относятся и слова-паразиты: «так сказать», «вот», «понимаете» и т. д.

Интересно, что далеко не все элементы текста с нулевой информацией свидетельствуют о низкой культуре речи коммуниканта. Некоторые «пустые» слова, и особенно нейтральные предложения, выполняют в речи конструктивную роль. Их используют для выигрыша времени, чтобы найти нужное выражение, собраться с мыслями, осознать требуемое грамматическое согласование и т. п.

Итак, текст — это не просто последовательность графических или звуковых языковых знаков, ограниченная единым назначением, это еще и система языковых единиц, несущих далеко не равнозначную информацию. С точки зрения коммуникативной ценности информации, содержащейся в тексте, необходимо различать:

- уникальную, или ключевую информацию;
- дополнительную информацию;
- уточняющую информацию;
- повторную информацию;
- нулевую информацию.

Информацию каждого речевого сегмента также можно отнести к одному из этих видов информации. И тогда по отношению количества речевых сегментов с ключевой информацией к общему числу сегментов появляется возможность судить об информативности текста.

Для примерной оценки информативности текста можно предложить методику, включающую последовательно следующие операции.

а) Деление текста на речевые сегменты на основе рассмотренного выше) принципа сохранения непрерывности речевой цепочки при следовании управляемого компонента за управляющим словом. Для иллюстрации приведем следующий пример:

«Станция «Восток», || расположенная на вершине ледникового купола Антарктиды, || представляет исключительный интерес для науки. || В этом районе || находится полюс холода нашей планеты. || Термометр || зафиксировал минус 88,3 градуса. || Жизнь на самой суровой точке Земли || не могла не заинтересовать медиков. || Станция «Восток» || стала местом изучения жизнедеятельности человека в сложных условиях, || психологических наблюдений. || Небольшой коллектив, || надолго изолированный от общения с внешним миром, || ведет напряженные исследования. || Здесь можно исследовать взаимоотношения людей: || психологический климат микроколлектива, || совместимость. || Сходные вопросы || интересуют исследователей космоса. || В этом отношении || у полярников с космонавтами || имеется немало общих проблем. || Ведутся на «Востоке» || и буровые работы. || Поставлена задача — || пройти, || отбирая образцы, || всю толщу ледникового покрова до коренного ложа: || около четырех тысяч метров».

б) Определение количества смысловых сегментов в анализируемом тексте.) В приведенном тексте насчитывается 11 предложений и 30 речевых сегментов. Напомним, что в последнем предложении сегмент «пройти всю толщу ледникового покрова до коренного ложа» разорван деепричастным оборотом, и слово «пройти» составить отдельного речевого сегмента не может, так как оно вместе со словом «толщу» представляет собой устойчивое словосочетание.

в) Определение коммуникативной ценности информации поочередно в каждом речевом сегменте. Как правило, один речевой сегмент содержит одну доминирующую информацию, если исходить из того, что в одной номинации информация более высокой коммуникативной ценности и большей сложности поглощает низшие уровни информации.

Проиллюстрируем определение коммуникативной ценности информации на первом предложении приведенного текста.

Всего в первом предложении 3 сегмента, из которых первые 2 несут информацию не только о месторасположении станции «Восток», но и о теме всего сообщения. Таким образом, для такого получателя, как автор данной книги, оба сегмента несут ключевую информацию. (Известно, что ценность любой информации определяет-

ся только с точки зрения конкретного или потенциального получателя. Без получателя не может быть и информации). Сегмент 3 несет дополнительную информацию.

г) Подсчет количества сегментов, содержащих ключевую и другие виды информации. В анализируемом тексте насчитывается 18 сегментов, несущих ключевую информацию, и 12 сегментов с другими видами информации.

д) Выведение (условно) коэффициента информативности текста. С этой целью количество сегментов с ключевой информацией делится на общее количество речевых сегментов: $18 : 30 = 0,6$.

Дальнейшее сравнение речевых сегментов с ключевой информацией и речевых сегментов с прочей информацией дает возможность построить график распределения информации в анализируемом тексте.

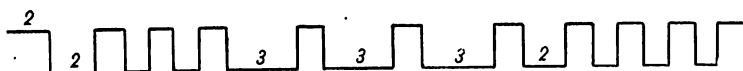

График показывает чередование единиц ключевой информации с единицами прочей информации, причем каждая единица информации соответствует речевому сегменту. Единицы ключевой информации откладываются в верхней части графика, а единицы прочей информации — в нижней. Цифры, проставленные над отрезком, соответствуют количеству следующих друг за другом единиц однотипной информации. Отрезки без цифр представляют один речевой сегмент.

Каковы потенциальные возможности анализа текста по только что описанной методике?

Во-первых, выведение коэффициента информативности текста того или иного назначения позволяет заранее определять его информативную ценность. Величина коэффициента информативности текста не может не влиять на степень его трудности, особенно в некоторых видах устного перевода.

Во-вторых, изучение речевых сегментов, несущих уникальную информацию, дает возможность определить категории наиболее информативных речевых единиц.

В-третьих, анализ графиков распределения информации в текстах позволяет создать типичные схемы различ-

ных видов текстов, что представляет значительный интерес для устного перевода; возможно и выявление некоторых закономерностей порождения текстов.

В-четвертых, сравнительное изучение однотипных текстов различных языков как с точки зрения деления их на речевые сегменты, так и с точки зрения информативности представляется также перспективным по крайней мере для теории перевода.

Описанная выше методика была нами использована для анализа информационных сообщений советской (русской) и французской прессы. Всего было проанализировано 120 русских и 80 французских текстов. Результаты этого анализа приведены в табл. 2.

Таблица 2

Параметры	Показатели					
	русских текстов			французских текстов		
	максимальный	минимальный	средний	максимальный	минимальный	средний
Количество предложений	16	7	11,3	12	9	11
Количество сегментов . .	64	28	45,9	56	40	50
Из них:						
с уникальной информацией	30	12	20,8	32	19	25
с прочей информацией . .	51	15	25,1	34	17	25
Среднее количество сегментов на предложение . .	5,3	2,7	4,11	5,3	3,6	4,56
Коэффициент информативности	0,6	0,2	0,46	0,6	0,4	0,52

Табл. 2 показывает, что в среднем русские тексты, содержащие информативные сообщения, имеют несколько меньший коэффициент информативности (0,46), чем аналогичные французские тексты (0,52). Вообще же коэффициент информативности 0,4—0,6 как коэффициент информативности текстов информационных сообщений прессы свидетельствует об оптимальной информационной насыщенности текстов. Тексты с меньшим коэффициентом информативности могут казаться недостаточно интересными, а с большим — слишком сложными для восприятия.

Из табл. 2 также видно, что в среднем рассматриваемые тексты имеют в русском варианте несколько меньше сегментов на предложение (4,11), чем во французском варианте (4,56).

Изучение графиков распределения информации в информационных текстах русской и французской прессы дало следующие результаты.

1. Все исследованные тексты содержали как уникальную, так и другие виды информации.

2. Сегменты уникальной информации чередуются с сегментами прочей информации. Ни в одном исследованном тексте не содержалось подряд больше семи сегментов уникальной информации [47].

3. В подавляющем количестве текстов уникальная информация концентрировалась в первых двух-трех предложениях. Предложения, не содержащие уникальной информации, встречались, как правило, в середине или в конце текста. В среднем соотношение уникальной и прочей информации в первых 10 сегментах было равно 6,3 : 3,7, а в последних 10 сегментах 4,3 : 5,7.

Полученные результаты имеют практическое значение, так как содержат отрывные данные речевой схемы одного из типичных видов исходных текстов в переводе — газетных информационных материалов.

В целом рассмотренные проблемы информативности текстов и их сегментации составляют важнейший, хотя и скрытый этап деятельности переводчика, а именно этап выделения субъективного обозначения доминирующей информации сегментов и ее оценку.

ВЫВОДЫ

В данной главе текст рассматривается как последовательность графических или звуковых языковых знаков, ограниченная единым назначением. Текст, как и всякая система, включает единицы различного уровня: предложение, сегменты, лексические единицы. В зависимости от ценности информации единиц текст может иметь различную информативность. Информативность текста измеряется коэффициентом информативности, который зависит от назначения текста и составляет всегда, в соответствии с законами передачи сообщения, число, меньшее 1. Информативность лексических единиц и речевых сегментов, составляющих текст, дифференцирует-

ся в зависимости от коммуникативной ценности этих единиц как ключевая, дополнительная, уточняющая, повторная и нулевая информация. Гипотетически любой текст включает в себе одну доминирующую информацию (тема), все другие единицы текста (предложения, смысловые сегменты, лексические единицы) также несут на своем уровне каждая одну доминирующую информацию, ценность которой определяется только в системе этих единиц, т. е. в тексте в целом, и в интересах доминирующей информации текста в целом. Распределение информации в текстах подчинено некоторым закономерностям, среди которых важно отметить концентрацию ключевой информации в начале текста и чередование сегментов уникальной информации с сегментами, содержащими прочую информацию. Определение информативности текста возможно только с точки зрения конкретного или потенциального получателя.

Глава 7.

ЕЩЕ РАЗ О ЕДИНИЦАХ ПЕРЕВОДА

Вряд ли возможно перевести сразу весь текст оригинала. Переводчику приходится дробить его и переводить каждый выделенный речевой отрезок отдельно. С этой операцией знакомы все теоретики и практики перевода. Она и дала основание для появления в переводческой литературе такого понятия, как единица перевода.

Одни из первых единицу перевода пытались определить Ж. П. Вине и Ж. Дарбельне. Они писали, что «...единица перевода (*unité de traduction*) — это отрезок высказывания, не поддающийся дальнейшему дроблению при переводе» [105, 37].

Проблема выделения единицы текста для перевода, по-видимому, перекликается с проблемами стилистики. Во всяком случае еще одно определение единицы перевода мы находим в книге о стилистике Ю. Степанова. По его мнению, единица перевода — это минимальный отрезок речевой цепи, могущий быть переведенным при синхронном переводе [75].

Единица перевода оказалась необходимой и для машинного перевода. Для определения единицы перевода

В машинном переводе используется язык-посредник: «Единицей перевода называется минимальный отрезок текста ИЯ (исходного языка), соответствующий такому набору элементарных смыслов в языке-посреднике, который может быть поставлен в свою очередь в соответствие с некоторым отрезком текста в ПЯ (переводящем языке)» [58, 117].

— Л. С. Бархударов в своем определении основывается на соответствиях. Он пишет: «единица перевода — это наименьшая единица исходного языка (ИЯ), которая имеет соответствие в ПЯ; она... сама может обладать сложным строением, но части ее, по отдельности взятые, «непереводимы», т. е. в тексте перевода им никаких соответствий установить нельзя» [8, 3]. Л. С. Бархударов выделяет единицы перевода на уровне фонем, морфем, слов, словосочетаний, предложений и текстов.

Более позднее определение принадлежит В. Н. Комиссарову. Он предлагает рассматривать единицу перевода как «...минимальную единицу речи (т. е. минимальный отрезок текста), наличие которой в исходном тексте обуславливает появление определенного речевого отрезка в тексте перевода» [34, 188—189].

Первые два определения можно условно отнести к «смысловым» определениям, потому что их авторы считают, что переводятся поочередно речевые отрезки, смысл которых переводчиком установлен.

«Смысловой» подход к единицам перевода позволяет ограничиться при их вычленении исходным текстом. Но само вычленение единиц перевода при этом, как и любая другая сегментация текста, носит, во-первых, линейный, а во-вторых, несколько субъективный характер.

Остальные определения характеризуются функциональным подходом. Их авторы принимают за основу то положение, что каждый минимальный отрезок исходного текста, выполняющий в нем какую-либо функцию, должен иметь свое соответствие в переводном тексте. И такой минимальный отрезок они определяют только после сравнения исходного текста с переводным текстом.

Функциональный подход дает возможность говорить о единицах перевода в основном при наличии несоответствия между исходным текстом и текстом перевода. Единицы перевода на уровне фонем выявляются только при неправильной транслитерации имен собственных [8], на

уровне морфем — при неправильной передаче, как правило, одного из грамматических значений слова и т. д. В тексте перевода, эквивалентном исходному тексту, единицы перевода как бы растворяются. Функциональный подход, таким образом, вычленяет скорее единицы несоответствия, чем единицы перевода.

А. Д. Швейцер, автор книги «Перевод и лингвистика», вообще отрицает существование единиц перевода, поскольку выделяемые в качестве таковых речевые отрезки имеют разную величину и разные характеристики [88]. Эта точка зрения не лишена основания: рассмотрение исходного текста как постройки, последовательно возведенной из разновеликих кирпичиков, противоречит законам восприятия и понимания речи. «Язык не составляется из элементов, а дробится на элементы. Первичными для сознания фактами являются не самые простые, а самые сложные, не звуки, а фразы» [54, 52]. Эти слова А. М. Пешковского звучат убедительно и сегодня.

Переводчик, за исключением только синхронного перевода и в некоторой степени перевода с листа, также воспринимает нечто смысловое целое и лишь потом, в процессе перевода дробит это целое на части в зависимости от тех действий, к которым он вынужден прибегать для выполнения своей задачи. Переводчик начинает свою сложную деятельность с получения речевого произведения в целом. К выделению меньших единиц текста он переходит только при условии, если речевое произведение в целом не позволяет принять немедленно решение на перевод. Практически единицей текста самого высокого уровня, на которую принимается решение в переводе, является предложение. Будучи единицей речи, так же как и словосочетание и слово, оно, однако, слишком громоздко для одного переводческого действия. Поэтому чаще переводчику приходится выделять в исходном тексте словосочетание или слово.

Слово относится к тем единицам речи (хотя оно одновременно является и единицей языка), которые особенно трудно определить. Чаще всего указывают на такие признаки слова, как его самостоятельность, отделенность. Вот, например, одно из определений слова: «...слово — это минимальная линейная единица языка, которая состоит из небольшого ряда дистинктивных звукотипов речи (при практически бесконечном числе аллофонов) и может произноситься в языке отдельно от других еди-

ниц с сохранением известной каждому посетителю языка референтной функции» [35, 55]. В переводе, когда контактируют два языка, указанные признаки не всегда наличествуют в обоих эквивалентах (ср. картошка — *les pommes de terre*). Для перевода важно другое: слово есть наименьшая единица языка, которую коммуниканты имеют возможность превратить в единицу речи, наделяя ее коммуникативной функцией. Слово способно превращаться в единицу речи, так как оно представляет собой производную комбинацию значений. Слово может стать единицей речи, так как его характеризует синтаксическая самостоятельность. Производимость слова (важнейший признак единицы речи по А. И. Смирницкому) как раз в том и состоит, что композиционный состав слова каждый раз приспособляется к тому, чтобы из элемента языка превратиться в член предложения (или предложение) с конкретными коммуникативными функциями.

Слово отличается от других единиц языка двумя важнейшими признаками. Во-первых, оно представляет собой изменяющуюся комбинацию элементарных знаков (морфем), т. е. выступает как некоторая непостоянная сумма значений (в городе — города — над городом). Между прочим, языковой знак от элементарного тем и отличается, что представляет собой изменяющуюся сумму элементарных знаков.

Контрдоводом этого положения обычно служат так называемые одноморфемные слова, например, «метро», «здесь», «нет», «бы» и т. п. Но, во-первых, морфема «метро» в слове «метрополитен» превращается в слово при ее самостоятельном употреблении в любом предложении, так как она сразу обрастает дополнительными значениями, получая род, падеж, число. Во-вторых, морфемы типа «здесь», «нет» получают право называться словом как заместители (субституты) суммы значений. Например, «Его здесь (т. е. в доме) не должно быть.» или «Были вы вчера в саду?» «Нет.» (замещает «Я не был в саду.»). Такими же субститутами являются местоимения. В-третьих, морфемы типа «бы» так и остаются морфемами несмотря на свою отделенность. Уязвимость признака отделенности хорошо видна при сравнении эквивалентных единиц речи разных языков: «в городе» — *dans la ville* (фр.).

Во-вторых, слово представляет собой синтаксически

самостоятельную единицу, способную выполнять коммуникативные функции, т. е. быть членом предложения или предложением.

Для перевода, кроме того, чрезвычайно важно то, что слово — наименьшая единица речи, способная выполнять номинативные функции. Ведь в переводе большинство операций связано с расшифровкой или с поиском оптимальных способов номинации. Конечно, нередко номинация осуществляется при помощи нескольких слов (например, «министр иностранных дел», «социалистическая революция»). Кстати, на это указывает и Ш. Балли: «...слово не обязательно представляет собой лексическую единицу, если под этим термином понимать то, что в устном или письменном контексте соответствует неразложимой единице мысли» [6, 86].

Итак, если принять гипотезу о единицах перевода, то такими единицами могут быть любые единицы речи, требующие отдельного решения на перевод. Очевидно, что единицы речи, требующие отдельного решения на перевод, совпадают далеко не всегда. Их выделение зависит, во-первых, от профессиональных качеств переводчика, от знания им иностранного языка, существа вопроса, изложенного в тексте, от его памяти, опыта работы, быстроты реакции и т. д.

Выделение таких единиц речи определяется, во-вторых, условиями работы. Переводить можно письменно или устно, при зрительном восприятии или на слух, быстро или медленно, большими или маленькими отрезками текста. Переводить можно в доме творчества и в блиндаже, в кабине синхронного переводчика и на приеме на высшем уровне, в идеальной тишине и под грохот артиллерийского обстрела. Совершенно очевидно, что единица перевода в синхронном переводе отличается от такой единицы в письменном переводе. Однако есть единицы текста, которые требуют принятия решения независимо от вида перевода, независимо от квалификации переводчика! Слабая подготовка переводчика может не позволить найти решения на перевод, но и тогда, в поисках путей перехода от одного языка к другому, он будет искать это решение применительно к вполне определенной единице текста. На подобных единицах следует остановиться особо.

Штампы. В разговорной речи, в публицистических и некоторых других материалах встречаются часто повто-

ряющиеся стереотипные выражения: и дешево, и сердито; поднять вопрос на должную высоту; с позиции силы; вахта труда. Часто повторяющиеся готовые речевые формулы принято называть клише.

Широкое использование клише в речевой деятельности следует признать вполне закономерным явлением. Они позволяют удобно и оперативно обмениваться информацией всякий раз, когда на подготовку или на прием текстов отводится мало времени. Именно поэтому больше всего клише встречается в устной речи и в информационных и пропагандистских материалах прессы. Ш. Балли по этому поводу писал: «Язык газет переполнен штампами — да иначе и не может и быть: трудно писать быстро и правильно, не прибегая к избитым выражениям» [6, 109].

Повторяемость — один из характерных признаков клише. Но повторяемость может быть различной. Чрезмерная повторяемость имеет свою отрицательную сторону. В. Г. Костомаров в связи с этим пишет: «...чрезмерное частое повторение одного и того же слова или выражения выхолащивает его смысл, превращая его в пустой звук» [36, 54]. Слишком часто повторяемые выражения начинают терять информативность, они становятся дисфункциональными. Изо дня в день повторяющиеся речевые формулы способны в лучшем случае сохранять положительную или отрицательную окраску. Вот, например, выражения, несущие положительную окраску: вахта труда; творческое содружество; поднять вопрос на должную высоту; путевка в жизнь. Выражения с отрицательной окраской: тщетные потуги; пустить на самотек; пропагандистские выверты; с позиции силы.

Клише, потерявшие частично или полностью информативность, приобретают новые качества как языковые средства, не имеющие выраженных семасиологических связей (т. е. связей с денотатом) и не способные вызывать у коммуникантов ассоциации на уровне информационного запаса 3-й степени.

Известно, что лексические единицы, ассоциирующие информационный запас 1-й или 2-й степени, тормозят процесс перевода, требуют дополнительных операций, обременительных для устного переводчика. Вот почему в процессе перевода важно отличать информативные клише от клише, утративших свою информативность. Дисфункциональные клише могли бы составлять отдель-

ную группу речевых средств, которую есть все основания вслед за Т. М. Дридзе [23] называть штампами в отличие от клише, несущих информационную нагрузку.

Итак, штамп — это готовая речевая формула, часто повторяющаяся в устных или письменных текстах.

Штамп — это готовая речевая формула, вводимая в высказывания; штамп, как правило, не составляет законченного высказывания.

Штамп — это готовая речевая формула с относительной дисфункциональностью, характеризующаяся в смысловом отношении положительным или отрицательным зарядом.

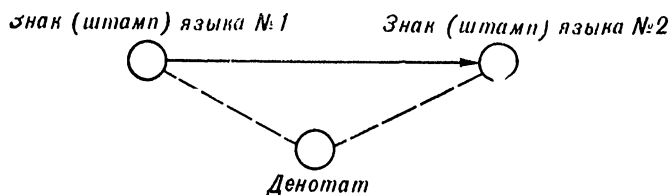
Штамп — это готовая речевая формула, не имеющая выраженных семасиологических связей и ассоциирующая у коммуниканта информационный запас 1-й или 2-й степени.

Штампом может стать любое клише, т. е. любая часто повторяющаяся речевая формула. Это происходит потому, что клише имеет всегда одно значение, несет одну и ту же информацию. При частом употреблении речевой единицы, которая не изменяет своего содержания в зависимости от контекста и в содержание которой не надо вдумываться, происходит стирание заключенной в ней информации. Так клише переходит в разряд штампов, в разряд единиц речи, у которых связи знака с денотатом (семасиологические связи) не выражены или стерты.

Отсутствие выраженных семасиологических связей определяет реакцию переводчика на появление штампа в тексте. Он обычно не в состоянии идентифицировать обозначаемое и производит переводческие операции на формально-знаковом уровне, т. е. переходит от формального выражения знака языка № 1 (штамп исходного текста) непосредственно к формальному выражению знака языка № 2 без осмысления содержательной стороны речения. Переводчик принимает решение на замену предъявленного штампа иноязычным эквивалентом. В долговременной памяти переводчика имеется не так уж много иноязычных эквивалентов к лексическим единицам исходного языка. Они обычно создаются в рамках определенной тематики и служат основой функционирования навыка переключения. При отсутствии в памяти переводчика соответствующего эквивалента он предпринимает попытки найти его в словаре или осо-

Знать значение готовой речевой формулы и определить ее денотат. Если ему удалось восстановить ее искомое значение, то исходная речевая формула перестает быть штампом и переходит в разряд других единиц текста. Если же она остается штампом, то для ее перевода необходимо знать эквивалент.

Схематично решение на перевод штампа можно изобразить так:

При переводе штампов переход от одного языка к другому происходит наиболее кратким путем и требует наименьшего количества операций, что способствует более быстрому осуществлению некоторых видов устного перевода.

Ситуационные клише. Ситуационные клише — это такие стереотипные выражения, которые механически воспроизводятся и обязательны в данной речевой ситуации. Начиная передачу по московскому радио, русский диктор обязательно скажет: «Говорит Москва». Он не может в этой речевой ситуации сказать «Здесь Москва», как это сделал бы французский диктор, или «Ведет передачу Москва», или еще как-нибудь. Обращаясь в определенной речевой ситуации к тому или иному официальному лицу, мы обязаны говорить «Товарищ генерал-полковник», «Товарищ лейтенант», «Ваше превосходительство» и т. п. При обсуждении резолюции ее обязательно сначала предлагают «принять за основу», а потом «принять в целом». Все эти выражения обязательны для той или иной ситуации.

Итак, первым признаком ситуационных клише является их фиксированная связь с определенной ситуацией.

Второй признак ситуационных клише заключается в том, что они всегда представляют собой законченные высказывания. Они, конечно, могут разбавляться другими словами и выражениями, но эти другие слова и выражения факультативны, в то время как сами ситуацион-

ные клише обязательны и ими исчерпывается непосредственный заказ данной речевой ситуации. Например: «Как поживаете?»; «К торжественному маршу!»; «Горько!»; «Благодарю за внимание.»; «Счет три-пять в первой партии.»

Таким образом, в отличие от других клише («выступить в поддержку», «принимать во внимание», «выполнять обязательства») ситуационные клише не вставляются в высказывания, а сами составляют законченное высказывание.

Рассматривая ситуационные клише как законченные высказывания, нетрудно прийти к выводу, что они по своим функциям близки к тематическим высказываниям, в которых смысл задается и определяется ситуацией. Семантическая информация ситуационных клише в лучшем случае подсказывает ситуацию, а ситуация предопределяет выбор семантической информации высказываний. Команда «На первый, второй — рассчитайся!» свидетельствует о наличии конкретной ситуации, связанной с военным строем, которая и предопределяет появление команды. Конкретная речевая ситуация (например, военный строй плюс необходимость перестроить солдат в две шеренги) имеет фиксированную связь с одним (реже двумя) ситуационным клише. Поэтому ситуационные клише отличаются ригидностью языковых средств, что и является их третьим признаком.

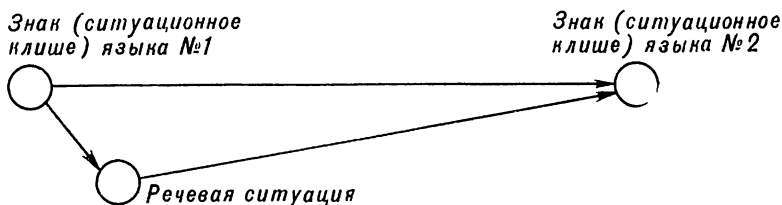
Третий признак свидетельствует о том, что семасиологические связи семантических клише не только фиксированы, но чаще всего и временны, что семантическая информация и информация о структуре исходного ситуационного клише могут использоваться при переводе лишь для идентификации ситуации, с которой они связаны. Эффективность же перевода будет определяться тем, насколько переводчику известны фиксированные для данной ситуации клише на другом языке. Семантическая информация идентичных ситуационных клише в двух языках, как правило, не совпадает. Достаточно сравнить несколько русских ситуационных клише с их французскими эквивалентами:

«Говорит Москва!» — «Ici Moscou!»

«Первое апреля — никому не верь!» — «Poisson d'Avril!»

«Есть!» — «A vos ordres!»

Законченность и ригидность языковых средств ситуационных клише выделяют их из текста как единицы, требующие всякий раз отдельного решения на перевод. Такое решение заключается, во-первых, в определении ситуации, с которой имеет фиксированную связь клише. Это действие имеет своей целью определить, действительно ли речь идет о ситуационном клише, а не об ординарном словосочетании. Во-вторых, это решение заключается в поиске соответствующего иноязычного эквивалента, связанного с такой же ситуацией или с ситуационным клише языка № 2. Схематично решение на перевод ситуационных клише можно представить так:

Сложность перевода ситуационного клише состоит в том, что его соотнесение с реальной действительностью также необходимо, как и знание его иноязычного эквивалента.

Аналогично ситуационным клише решения на перевод требуют пословицы, представляющие собой также законченное высказывание, но уже образного характера и с назидательным смыслом:

«Что с возу упало, то пропало».

«Тише едешь — дальше будешь».

«Что посеешь, то пожнешь».

Термины. Термины обычно определяются как однозначные слова, лишенные экспрессивности [60]. Впрочем, такое определение часто критикуется. Наиболее уязвимо в данном определении то, что термины называют словами. Более верно рассматривать термины не как слово, а как его особое качество, приобретаемое или теряемое в речи. Термины всегда связаны с той или иной областью человеческой деятельности и образуют профессионально замкнутую терминологическую номенклатуру. Слово становится термином всякий раз, когда начинает обозначать научные понятия о предметах, явлениях, признаках, составляющих вместе с другими понятиями данной

страсти науки или техники одну семантическую систему. Став термином, слово наделяется однозначностью, получая фиксированную связь с денотатом. А это значит, что одно и то же слово может быть однозначным в качестве термина и многозначным в качестве ординарного слова. Более подробно о терминах см. главу 13.

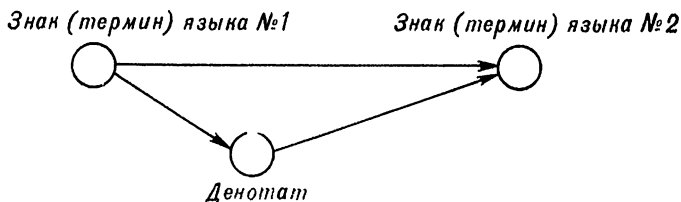
Термины образуются для того, чтобы освободить речь человека от недомолвок, намеков, неоднозначного понимания явлений действительности. Профессиональное общение предполагает ясность, конкретность и краткость. Отсюда попытки найти однозначные номинации, требующие точности в употреблении. Отсюда конкретные и постоянные связи знака с денотатом (фиксированные семасиологические связи). Отсюда неременная индивидуализация знака в потоке речи, его смысловая значимость: если то или иное слово растворяется среди других единиц, так как часто несет второстепенную информацию, то термин содержит ключевую информацию, а поэтому всегда выделяется при переводе как единица текста. И именно потому, что термин несет ключевую информацию, его приходится не просто принимать как сигнал, но и идентифицировать, т. е. устанавливать его связи с денотатом.

С другой стороны, не меньшее значение для перевода имеют прямые связи: термин — его иноязычный эквивалент. Идентификация денотата еще не обеспечивает его правильного обозначения на языке перевода. Для этого необходимо знать принятый в данной иноязычной терминологической номенклатуре языковой знак. Такой знак обычно усваивается переводчиком в связи с термином родного языка, что и способствует установлению прямых знаковых связей (например, майор — *le commandant*). Иногда обстоятельства заставляют переводчика вообще ограничиваться операциями на уровне формального выражения знаков, что, однако, чревато смысловыми или стилистическими ляпсусами. Отсутствие твердо закрепленных знаковых связей затрудняет работу переводчика так же, как и отказ от идентификации денотата.

Таким образом, два фактора выделяют термин из текста как единицу, требующую принятия решения. Во-первых, необходимость путем определения денотата удостовериться, что речь идет о термине, а не об ординарном слове. Успех этой операции зависит от компетентно-

сти переводчика в данной области знаний. Поскольку одно и то же слово может быть и термином (вести огонь на подавление) и не термином (огонь костра), такая идентификация и предопределяет действия переводчика. Во-вторых, необходимость найти в словарях или в долговременной памяти (устный перевод) иноязычный эквивалент.

Соответственно решение на перевод могло бы выглядеть так:

Правильное решение на перевод термина возможно только при знании эквивалентов двух языков и умении выделить обозначаемый ими денотат из окружающей действительности¹ (информационный запас 3-й степени).

Образные выражения. Речения с выраженными сема-сиологическими связями, в которых слова употреблены в переносном значении, принято называть образными выражениями. Слова и словосочетания в переносном значении употребляются во всех сферах деятельности человека: пожирать километры, прокол в работе, хлопанье пламени, вечные странники, звонкий парень, леса обнажились. Некоторые из этих выражений подхватываются средствами массовой информации, повторяются в речи, превращаясь постепенно в клише. Так, в разряд клише перешли, например, «дружественная атмосфера», «голубые экспрессы», «делиться опытом», «матч, урожайный на голы». Другие единицы речи сохраняют выраженные связи с денотатом, продолжают будить воображение, действуя на эмоции их получателей. Кроме того, появляются новые метафоры, сравнения, эпитеты, в которых слова употребляются в переносном значении. В переводе к образным выражениям относят единицы текста, имеющие временные связи с денотатом (аспектом ситуации). Так, «проколом» обычно называют образовавшееся отверстие в мяче, в камере автопокрышки, в детском шаре и т. п. Назвать проколом упущение в работе мож-

по лишь по отдаленному сходству (результаты действия) с основным значением этого слова, образовав временную связь между знаком и новым денотатом. При этом обычно происходит столкновение между противоположными категориальными признаками. В данном случае наблюдается оппозиция: абстрактное (прокол в работе) — конкретное (прокол в камере). В образном выражении А. С. Пушкина «голос лиры вдохновенной» («голос поэта») образность создается за счет столкновения признаков одушевленный — неодушевленный.

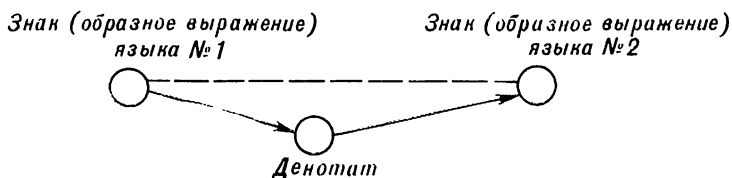
Образные выражения включают не только слова с переносным значением: в выражении «зеркала весенней влаги» слово «весенний» использовано в прямом значении, но все выражение от этого не потеряло своей образности. Как правило, слова в образных выражениях потому и обретают переносное значение, что их помещают в необычный контекст или в необычную ситуацию. Выражение «рябой от солнца лес» становится образным потому, что слово «рябой» сочетают со словом «лес» (столкновение признака одушевленности в слове рябой с неодушевленным существительным «лес»). «Широкая столбовая дорога» становится образным выражением только во фразе «В науке нет широкой столбовой дороги...».

Переносное значение образных выражений порождает дополнительные трудности в переводе. Во-первых, образные выражения нельзя дробить для перевода по частям. «Рябой от солнца лес» переводится только целиком, потому что перевод выражения по компонентам приведет к искажению: одни слова употребляются в прямом, а другие в переносном значении.

Во-вторых, временные семасиологические связи выражения требуют усилий для уяснения, идентификации объекта, который оно обозначает. Нужно вдуматься, чтобы понять, что «куст ледяных ослепительных роз» у А. Ахматовой — это не куст белых роз, а обледеневший куст; нужно знать, кто такой Гименей, чтобы правильно понять выражение «узы Гименея», если впервые о нем слышишь, и т. п.

В-третьих, образные выражения никогда не переводятся на формально-знаковом уровне. Переводчику необходимо сначала отчетливо понять, какой денотат обозначает воспринятое им выражение, а потом уже подыскивать соответствующее обозначение на языке

перевода. Именно поэтому образные выражения требуют самостоятельного решения на перевод. Действия переводчика показаны на схеме.

Трудности, которые возникают при переводе образных выражений, заставляют выделять их в тексте как самостоятельные единицы. Нахождение литературно полноценного образного выражения на языке перевода для обозначения найденного денотата представляет собой особое искусство, которым необходимо овладеть для того, чтобы приобщиться к художественному переводу.

Итак, штампы, ситуационные клише, пословицы, термины и образные выражения представляют собой единицы текста, которые могут быть выделены из речевого произведения как нечто целое, потому что их нельзя при переводе дробить. Штампы, ситуационные клише, пословицы, термины и образные выражения становятся единицами перевода не потому, что они равновеликие отрезки текста (по своей величине они могут весьма отличаться друг от друга), а потому, что они являются постоянными отправными величинами в деятельности переводчика, величинами, требующими отдельного решения на перевод. В отличие от других единиц текста (слов, свободных словосочетаний) они не произвольны и не зависят от профессиональных качеств переводчика и условий его работы. Они всегда для любого переводчика и в любых условиях его деятельности выступают как постоянные величины, требующие самостоятельного решения на перевод, и являются готовыми единицами перевода.

Остается выяснить, в чем специфика перечисленных единиц текста, почему они отличаются друг от друга в тех решениях, которые вынужден принимать переводчик для выполнения своей задачи?

Напомним, что действия переводчика при вычленении в тексте штампа определялись отсутствием у этой речевой единицы выраженных семасиологических связей, при встрече с ситуационным клише или термином —

наличием фиксированных связей с ситуацией или с денотатом, а при переводе образных выражений — временным характером их семасиологических связей.

Следовательно, в основе выделения единиц перевода лежат специфические связи единиц текста с денотатом, ситуацией, связи, которые принято называть семасиологическими в отличие от ономастиологических, т. е. связей, идущих от денотата, ситуации к знаку.

Семасиологические связи имеют свои характеристики: они могут быть константными (постоянными) или временными, выраженными или стертыми (невыраженными), фиксированными или нефиксированными. Характеристика языковых средств по семасиологическим связям проводит разграничительную линию между прямым и переносным значением слов, между однозначными и многозначными лексическими единицами, между функциональными и дисфункциональными единицами речи. Такой необычный подход к классификации языковых средств обусловлен зависимостью процесса перевода не от грамматических характеристик слова, а от коммуникативных функций единиц речи.

Семасиологические связи могут быть константными или временными. Константными называются семасиологические связи лексических единиц, употребляемых в переносном, прямом значении. Так, у слова «стол» отмечаются константные связи в выражениях «его стул у стола» и «хозяйка приготовила изысканный стол». В то же время семасиологическая связь единицы текста «молоток» в выражении «этот парень — молоток» является временной, так как языковой знак «молоток» здесь употребляется в переносном значении.

Семасиологические связи у знаков могут быть выраженными и невыраженными, или стертыми. При выраженных семасиологических связях коммуниканты способны уяснить себе денотат, референт или ситуацию, т. е. они ассоциируют с данной единицей текста информационный запас по крайней мере 3-й степени. При невыраженной, или стертой, семасиологической связи значение языкового знака представляется весьма смутно. Так, трудно себе представить денотат, референт или ситуацию таких единиц текста, как «так сказать», «поднять вопрос на должную высоту», «вахта труда».

Семасиологические связи у знаков могут быть фиксированными и нефиксированными. При фиксированных

семасиологических связях денотат или ситуация не имеют других общепринятых обозначений в языке. У языковых знаков с фиксированными семасиологическими связями не может быть синонимов, эти знаки однозначны. К языковым знакам с фиксированными семасиологическими связями относятся, например, термины, прецизионные слова (имена собственные, числительные, названия дней недели и месяцев).

Как показали исследования, переводческие операции в значительной степени предопределяются спецификой семасиологических связей языковых знаков. Наиболее распространенными семасиологическими связями являются константные, выраженные и нефиксированные связи знака с денотатом. Очевидно, это и есть обычные отправные семасиологические связи большинства слов. Они свидетельствуют о прямом значении слов, об их многозначности, способности выделять предметы, явления, понятия окружающей нас действительности. Всякое отклонение от этих характеристик семасиологических связей требует своеобразных переводческих операций. Так, временные семасиологические связи (переносное значение) обуславливают необходимость идентификации денотата. Стертые семасиологические связи предполагают переводческие операции на формально-знаковом уровне. Фиксированные семасиологические связи говорят о необходимости дублирования знаковых операций с операциями по идентификации денотата. Единицы текста, совпадающие по своим семасиологическим связям, представляют собой для перевода гомогенную (однородную) группу и требуют идентичных операций при переходе от одного языка к другому.

Т а б л и ц а 3

Единицы перевода	Семасиологические связи					
	константные	временные	фиксированные	нефиксированные	выраженные	стертые
Штампы	—	—	—	—	—	+
Ситуационные клише (в т. ч. пословицы)	—	—	+	—	—	—
Термины	+	—	+	—	+	—
Образные средства	—	+	—	+	+	—

Таким образом, единицы речи, имеющие фиксированные, стертые или временные семасиологические связи, можно рассматривать как готовые единицы перевода. Семасиологические связи готовых единиц перевода показаны в табл. 3.

ВЫВОДЫ

Как правило, в процессе перевода исходный текст делится на отрезки. Отрезки речевой цепи, неделимые при переводе и отличающиеся относительной независимостью, требуют самостоятельного решения на перевод. Такие единицы текста можно называть единицами перевода. Единицы перевода — это не равновеликие отрезки речевой цепи. Их величина зависит и от профессиональных качеств переводчика, и от условий работы. Однако некоторые единицы текста сохраняют качество единицы перевода в любых условиях. Такими единицами являются штампы, ситуационные клише, пословицы, термины и образные выражения. Все они требуют отдельного решения на перевод, так как отличаются от других единиц речи специфическими семасиологическими связями. Специфическими для единицы перевода следует считать фиксированные, стертые и временные семасиологические связи.

Глава 8.

СПОСОБЫ И ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА

В любой науке есть понятия, составляющие основу ее теории. Основополагающие понятия принято называть категориями. Наука о языке строит свою теорию на базе понятийных, семантических и лексико-грамматических категорий. В отличие от понятия категория не только обобщает, но и классифицирует. Это значит, что одно и то же явление, выделяемое как категория, может проявляться в различных формах.

Наука о переводе также имеет свои категории, проявляющиеся в различных формах. Одной из таких категорий является категория деятеля или субъекта. Категория деятеля представлена в науке о переводе в виде оппозиции: машинный перевод — перевод, осуществляемый человеком.

Другой важнейшей категорией теории перевода является способ перевода. Способ перевода важно отличать от приема или метода перевода. Прием обычно решает частную задачу, он помогает преодолеть возникшую в целенаправленной деятельности переводчика трудность. Способ же есть основное правило достижения поставленной цели, которое отражает объективно существующие законы действительности. Способ нельзя придумать как новое сочетание каких-то действий, придумать можно метод перевода, способ можно открыть как существующую закономерность. Кроме того, в отличие от метода способ есть не деятельность, не система действий, а психологическая операция, реализующая действие. Перейти от одного языка к другому для выражения уже сформулированной мысли, для повторного обозначения предмета можно только одним из существующих способов перевода. В основе любой переводческой деятельности лежат одни и те же способы перевода, которые нужно найти, исследовать и использовать, учитывая каждый раз условия работы.

Для того чтобы назвать существующие способы перевода, вспомним уже рассмотренные в предыдущей главе решения переводчика при встрече с готовыми единицами перевода. Как правило, образ действия переводчика определялся спецификой семасиологических связей единиц перевода, и все сводилось фактически к двум возможным путям перехода от одного языка к другому: во-первых, от знака одного языка к знаку другого языка (например, штампы), т. е. с переводческими операциями на формально-знаковом уровне, и, во-вторых, от знака языка № 1 к денотату или ситуации и от них к знаку языка № 2 (например, образные выражения или ситуационные клише), т. е. с обращением к содержательной стороне знаков.

На существование двух способов перевода указывали еще в 1962 г. И. И. Ревзин и В. Ю. Розенцвейг, когда они предлагали различать перевод с обращением и без обращения к действительности [57]. Однако их формулировка подверглась критике, поскольку трудно себе представить работу переводчика в отрыве от окружающей его действительности. Позже те же авторы вернулись к своей идее, назвав два различных способа перевода переводом и интерпретацией [58].

Наши исследования, связанные с выделением единиц

перевода, подтверждают существование только двух способов перевода. Все проанализированные действия переводчиков сводились в конечном счете либо к непосредственной вербальной реакции на предъявленный знак (без сознательного осмысления его сущности), либо к предварительному уяснению предмета, явления, обозначаемого знаком, с последующим поиском иноязычного обозначающего.

Первый способ перевода, который заключается в вербальной реакции на предъявленный знак, прослеживается при появлении в исходном тексте единиц перевода со стертой или фиксированной семасиологической связью, а также в условиях жестких временных ограничений (например, в синхронном переводе). Нетрудно заметить, что в этих случаях слово, словосочетание, провоцирующее немедленную вербальную реакцию, фактически не зависят от контекста. При переводе единиц текста со стертой или фиксированной семасиологической связью контекст оказывается ненужным, так как денотат либо невозможно восстановить, либо он не изменяется в зависимости от контекста. В синхронном переводе приходится иногда переводить в условиях, когда нет времени получить или осознать контекст в полном объеме. Конечно, это не значит, что знак превращается в этом случае в лишенный своего содержания звуковой или графический комплекс. Знак, не вызывающий каких-либо представлений, перестает быть знаком. Но знаком часто можно пользоваться, если он вызывает представления на уровне информационного запаса 1-й или 2-й степени, т. е. соотносить его не с денотатом, а с целой областью знаний. При этом не исключается и функционирование механизма вероятностного прогнозирования, играющего, по мнению Г. В. Чернова [84], первую роль в осуществлении синхронного перевода. Вероятностное прогнозирование ограничено рамками речевого восприятия, оно облегчает одну из операций синхронного перевода, но не является само операцией по переключению с одного языка на другой. Кроме того, вероятностное прогнозирование представляет собой многоуровневый, иерархически организованный механизм [84]. И далеко не в каждый момент прогнозирования осуществляется на всех уровнях и в объеме, достаточном для осознания всех смысловых связей. Достаточно вспомнить, что синхронные переводчики чаще всего не знают содержания пере-

веденной ими речи. Но даже вероятностное прогнозирование на уровне глубинных структур не снимает следующего шага в работе переводчика: перехода с одного языка к другому, который в экстремальных условиях синхронного перевода может происходить от знака к знаку, когда в памяти переводчика мгновенно (быстрее чем понятийные ассоциации) возникает соответствующий (а иногда, увы, и не соответствующий) иноязычный эквивалент. Подобную возможность не отрицает и автор модели семантико-смыслового уровня вероятностного прогнозирования в синхронном переводе Г. В. Чернов, который пишет, что его модель «...не только не отрицает возможной стратегии подстановки прямых лексических и синтаксических соответствий в СП (синхронном переводе) без перехода на глубинный уровень в рамках отдельного предложения, но напротив, на основе сравнения схем семантико-смысловой структуры фраз текстов ИЯ и ПЯ позволяет четче выявить случаи ее применения и подтверждает эвристический принцип выбора стратегии переводчиком» [84, 136]. В синхронном переводе такую работу умственных механизмов переводчика обуславливает чрезвычайно ограниченное время.

Использованию знакового способа в синхронном переводе способствует и то, что у опытных переводчиков лексические понятия¹ отдельных знаков языка № 1 совпадают или близко соприкасаются с лексическими понятиями соответствующих знаков языка № 2, составляя в своей совокупности единую семантическую микросистему. Постепенное формирование общих для двух языков лексических понятий лежит в основе формирования так называемого навыка переключения с одного языка на другой, при котором действия переводчика автоматизируются и как бы происходят на уровне формального выражения знаков двух языков, проявляясь в виде простейшей формулы рефлекторной теории: (вербальный) стимул — (вербальная) реакция. Это и дает возможность говорить о «прямых» знаковых связях между двумя языками без обращения к денотату, а также назвать этот способ перевода «знаковый способ перевода». Положи-

¹ Н. Г. Комлев так определяет лексическое понятие: «Лексическое понятие есть некоторое мыслительное содержание лингвипсихологического характера, сопутствующее слову-знаку, не имеющему причинно-следственной связи с объектами внелингвистического обозначения» [35, 74].

тельные и отрицательные свойства этого способа перевода, так же как и особенности формирования связанного с ним навыка переключения, будут рассмотрены в главе 9.

Второй способ перевода, который мы будем именовать «смысловым способом», предполагает идентификацию денотата, т. е. осознание семасиологических связей знака языка № 1. Необходимость уяснить себе означаемое или речевую ситуацию (ситуационное клише) делает невозможным при этом способе переводческие операции со знаком вне контекста.

Определение денотата или речевой ситуации составляет первую фазу перехода от знака языка № 1 к знаку языка № 2 так называемым «дальним путем» (знак языка № 1 — денотат — знак языка № 2). Осуществление этой операции не требует больших усилий со стороны переводчика, если он хорошо знаком с аспектом действительности и языком, представленными в исходном тексте, и вызывает трудности, если переводчик слабо знаком с лексикой и реалиями текста (например, «авары» — в финансовом деле, «интерференция» — в психологии или методике, «синхрофазотрон» — в физике). Трудности первой фазы перехода от знака языка № 1 к знаку языка № 2 усугубляются, если исходный язык является иностранным языком для переводчика. При этом увеличивается и время, необходимое на переводческие операции.

Вторая фаза перехода от знака языка № 1 к знаку языка № 2 «дальним путем» заключается в поиске иноязычной лексической единицы или речевой формулы, способной обозначить выявленный денотат или ситуацию или соответствующей данной речевой ситуации. Основная трудность второй фазы для переводчика заключается в выборе адекватной речевой единицы из существующих вариантов обозначения денотата или ситуации (для ситуационного клише и терминов проблемы выбора нет: либо переводчику известны иноязычные эквиваленты, либо он их не знает и ему необходимо обратиться к справочной литературе). Этот выбор значительно осложняется тем, что переводчик некоторое время находится в плену способа обозначения, использованного в исходном тексте. Независимо от уже найденного денотата или речевой ситуации знак языка № 1 стимулирует переводческие операции на формально-знаковом уровне,

направленные на поиск иноязычного эквивалента по сходству, что может привести к буквализмам. В этом случае происходит своеобразное наложение знакового способа перевода на смысловой и успех перевода в значительной степени зависит от того, насколько переводчику удастся «дематериализовать» поступающую к нему информацию, т. е. освободить свое представление о денотате или ситуации от исходного кода. Иначе он выберет обозначение в языке № 2, в котором окажутся признаки исходного обозначения, не характерные для языка перевода.

Другая трудность второй фазы для переводчика возникает в случае, если для найденного им денотата или ситуации в иностранном языке нет синонимического обозначения (аналога) или же переводчик просто его не знает. Возникающие трудности могут прервать привычную цепочку обязательных действий, если не прибегнуть к серии дополнительных операций, составляющих тот или иной прием перевода.

Напомним, что в отличие от способа перевода, который представляет собой психологическую операцию реализации действия для перехода от одного языка к другому, прием есть дополнительное действие, или конкретные операции, вызванные возникшими трудностями в переводе.

Известно и описано большое количество приемов в переводе. Остановимся на некоторых наиболее известных из них, которые могут быть использованы независимо от комбинации языков в переводе.

Описательный перевод. Речь идет, пожалуй, о наиболее универсальном приеме, способном помочь переводчику в самых сложных случаях. Он особенно необходим, если в языке перевода не существует соответствующего понятия по тем или иным причинам социального, географического или национального порядка. Так, далеко не во всех языках есть понятия, соответствующие нашим: *путевка*, *тумак*, *тулуп*, *зимник*, *табор*, *столбовая дорога*. При переводе этих слов приходится описывать обозначаемые ими понятия. Не имея аналога слову «*зимник*», подыскиваем ему соответствие «*дорога, проложенная в снегу*», или «*дорога на льду*». «*Путевка в санаторий*» передается как «*место в санатории*», а «*путевка водителя*» как «*дорожная бумага*». «*Табор*» становится «*стоянкой цыган*», а «*столбовая дорога*» —

«большой дорогой». Этот прием имеет и недостатки, главный из которых заключается в том, что некоторые описания получаются громоздкими и выглядят инородным телом в тексте перевода.

Конкретизация понятий. Этот и последующие приемы впервые описал Я. И. Рецкер [61]. Конкретизация понятий заключается в переходе от родового понятия к видовому. Словами, обозначающими родовые понятия, являются, например, фрукты, овощи, боевые действия, спортсмены, мебель, продукты, произведения и т. д. Соответственно видовые понятия обозначены словами: яблоки или груши, помидоры или капуста, атака или встречный бой, футболист или спринтер, сервант или кресло и т. д. Конкретизация понятий в некоторых случаях оказывается необходимой, поскольку в языке перевода может не существовать соответствующего родового понятия. Так, во французском языке нет слов для обозначения родовых понятий; подобных русским «учащийся», «коллектив», «зелень», в русском же нет слов, равнозначных французским *écrits* (любое описание), *monture* (любое животное под седлом), *projectile* (метательный снаряд). При переводе эти понятия приходится суживать, конкретизировать. В зависимости от контекста «учащийся» становится студентом, школьником или слушателем, *écrits* переводится как «письма», «рассказы», «повести», «статьи», «сказки» и т. д., «зелень» как «петрушка», «укроп», «сельдерей», «спаржа» и т. д., *projectile* как «снаряд», «бомба», «ракета», «мина», «пуля». Конкретизация понятий как прием перевода вызывает трудности, если из контекста неясно, о каком видовом понятии идет речь. Легче найти выход, если родовое понятие включает два—три видовых понятия. Так, «коллектив завода» нетрудно в переводе конкретизировать через «рабочие и служащие завода», тем более что эти понятия сами являются родовыми по отношению к разным профессиям (токарь, слесарь, наладчик и т. д.). Однако вряд ли можно конкретизировать понятие «фрукты» вне контекста, не совершив ошибки. Неудачные попытки конкретизировать родовые понятия часто цитируются в литературе по переводу.

Генерализация понятий. Это прием, обратный конкретизации понятий: речь идет о переходе от видового понятия к родовому. Приемом генерализации понятий приходится пользоваться, если в языке перевода нет конкретных понятий, аналогичных понятиям исходного языка.

Так, в русском языке «рукой» принято называть то, что французы и немцы различают как *main* и *bras* или как *hand* и *arm*. В русском языке также нет деления рек на реки, впадающие в море, и реки, являющиеся притоками других рек. Французский же язык строго подразделяет их на *fleuves* и *rivières*. С другой стороны, французским глаголом *aller* принято с одинаковым успехом обозначать русские видовые понятия «идти», «ехать», «лететь». Генерализация понятий как прием помогает переводчику выходить из трудного положения, когда он не знает обозначения видового понятия на языке перевода. Так, например (это обычно бывает в устном переводе) какая-нибудь «иволга» переводится как «птица», «фрезеровщик» как «рабочий», а «цикламен» как «цветок».

Антонимический перевод. Этот прием довольно парадоксален, однако это не снижает его эффективности. Антонимический перевод представляет собой замену в переводе понятия, выраженного в подлиннике, противоположным понятием. Так, во французском языке принято говорить «по соображениям опасности» (*en raison de l'insécurité*), что соответствует русскому «по соображениям безопасности». Русскому «полумрак» соответствует французский «полусвет» (*dans le demi-jour de la loge* — «в полумраке логи»). «Всегда» переводится на французский язык во многих случаях как «никогда»: например, «запрет на вечные времена» — *l'interdiction à tout jamais*. К антонимическому переводу опытные переводчики прибегают и в случаях, если не могут подыскать иноязычного эквивалента к тому или иному глаголу. Антоним с отрицанием к исходному понятию оказывается довольно простым выходом из положения. Например:

Я все помню. — Я ничего не забыл.

Вы должны молчать. — Вы не должны говорить.

В Москве он развлекался. — В Москве он не скучал.

Конечно, надо иметь в виду, что не всякий антоним с отрицанием может служить соответствием в переводе. Нельзя, например, перефразировать таким образом предложения: я открыл дверь (я не закрыл дверь), он рассмеялся (он не заплакал). Следует помнить также, что антонимы могут заменять друг друга лишь будучи включенными в более крупную речевую единицу. Отдельное слово «опасность» нельзя в переводе заменить на «безопасность» или «мрак» на «свет».

Логическое развитие понятий. Это наиболее сложный прием, требующий определенного мастерства от переводчика. Сущность этого приема заключается в замене при переводе одного понятия другим, если эти понятия связаны друг с другом как причина и следствие или как часть и целое, орудие и деятель. Например: «Новая пластинка кого-либо» переводится на французский язык как «последний успех кого-либо» (*un dernier succès de qqn*), *l'ex-responsable* (бывший ответственный) как «бывший руководитель», «домашнее воспитание» как «семейное воспитание» (*une éducation de famille*), *mouvement revendicatif* (движение за требование) как «забастовочное движение».

В примерах приведены соответствия, зафиксированные в специальных словарях, а потому известные опытным переводчикам. Чаше такие переходы между взаимосвязанными понятиями переводчикам приходится находить заново, что и составляет одну из сторон их творчества.

Анализ приведенных приемов показывает, что в описательном переводе наблюдается как бы раскрытие семантической структуры исходного слова (табор — стоянка цыган) с заменой слова словосочетанием. При конкретизации понятий в первоначальную семантическую структуру вводится дополнительная дифференциальная сема: учащийся — студент, учащийся — курсант, учащийся — слушатель. При генерализации понятий семантическая структура изменяется за счет потери дифференциальной семы: стол — мебель, стул — мебель, диван — мебель. В антонимическом переводе внешнее изменение семантической структуры происходит за счет замены одного семантического компонента другим, противоположным по значению: для безопасности — из-за опасности, помнить — не забыть. При логическом развитии понятий семантическая структура претерпевает наибольшие изменения и может получать все или почти все новые компоненты: новая пластинка — последний успех (замена всех основных семантических компонентов), ответственный — руководитель (замена большинства компонентов).

Таким образом в основе дополнительных действий переводчика (приемов перевода) лежит лексико-семантическая трансформация, допускающая, впрочем, сохранение семантической структуры при изменении плана вы-

ражения. В. Г. Гак, основываясь на пяти основных выделяемых логикой отношениях между понятиями, предлагает различать пять основных типов семантической трансформации:

— синонимию с сохранением всех семантических компонентов;

— смещение, т. е. использование названия смежного понятия в пределах одного родового понятия с заменой семантических компонентов в пределах одной семантической категории;

— антонимию с заменой одного семантического компонента другим, противоположным по значению;

— расширение или сужение с потерей или с приобретением дифференциальных сем;

— перенос по сходству (метафора) или по сложности (метонимия) [20].

С точки зрения практики все трансформации в переводе целесообразно свести к трансформациям, происходящим на трех различных уровнях.

1. На лексическом уровне. Речь идет о синонимических заменах. К ним относится подавляющее большинство вариантов перевода с использованием межъязыковых синонимов. При этом наблюдается сохранение важнейших семантических компонентов исходной единицы текста. Синонимические замены наблюдаются при описательном переводе и в антонимическом переводе. Правда, в антонимическом переводе один из компонентов заменяется другим, противоположным по значению, однако тут же происходит нейтрализация противоположного по значению компонента за счет введения дополнительного компонента. Так, в варианте перевода «помнить — не забыть» противоположный по значению компонент в слове «забыть» нейтрализуется дополнительным компонентом — отрицанием «не». В результате сумма важнейших семантических компонентов исходной единицы текста «помнить» равна сумме важнейших семантических компонентов переводной единицы текста «не забыть». Таким образом, этот вид семантических трансформаций сохраняет независимо от перетасовки семантических структур первоначальную сумму важнейших семантических компонентов.

2. На лексико-семическом уровне. Имеются в виду потери или приобретения дифференциальных сем при переводе с сохранением других важнейших сем, состав-

ляющих семантическую структуру исходной единицы текста. Приемы перевода на лексико-семантическом уровне наблюдаются при конкретизации и генерализации понятий. При конкретизации понятий происходит добавление дифференциальной семы к первоначальной семантической структуре: «зелень — петрушка» (зелень плюс семантический признак, характеризующий особенности петрушки). При генерализации понятий дифференциальная сема теряется.

Приемы перевода с трансформациями на лексико-семантическом уровне изменяют сумму важнейших семантических компонентов исходной единицы текста, поэтому эти приемы возможны далеко не со всеми единицами текста и только при хорошем знании контекста.

3. На лексико-семантическом уровне. На этом уровне, где фиксируются замены части или всех семантических компонентов исходной единицы, осуществляется прием перевода, именуемый логическим развитием понятий, а также прием компенсации, широко практикуемый в художественном переводе [81, 9].

Перетасовка семантических структур обнаруживается и в общепринятых соответствиях: кисельные берега, молочные реки — *les montagnes en caramel et les rivières en limonade* (леденцовые горы и лимонадные реки); держать под спудом — *faire dormir dans des cartons* (заставлять «спать» в папках), министерская чехарда — *la valse des ministres* (вальс министров). Конечно, общепринятые соответствия используются переводчиками уже в готовом виде, поэтому семантические трансформации в них можно лишь фиксировать как результат деятельности переводчиков или лексикографов прошлого. Поэтому, как это ни парадоксально звучит, многие операции перевода, особенно те, которые не связаны с художественными произведениями, осуществляются на формально-знаковом уровне. Переводчик определяет денотат (или догадывается о нем) и подыскивает в соответствующих словарях эквивалент к предъявленной единице перевода. Этот так называемый словарный метод перевода характерен главным образом для переводчиков низкой квалификации, но тем не менее он достаточно распространен для того, чтобы его учитывать.

Из описания приемов перевода следует, что любые дополнительные действия переводчика не выходят за рамки все тех же двух способов перевода. В практике

перевода чаще всего сочетают различные способы и приемы перевода. Если такое сочетание выливается в целенаправленную и запрограммированную (т. е. планируемую) систему приемов, учитывающую вид перевода и закономерно существующие способы перевода, то можно уже говорить и о методе перевода. Так, в письменном переводе широко используется метод сегментации текста, в последовательном переводе — метод использования системы записей, в синхронном переводе — метод установления формально-знаковых связей.

И метод и прием могут рассматриваться в науке о переводе только как производные от способов перевода, полученные в результате деятельности человека. Поэтому из трех, близко соприкасающихся друг с другом понятий перевода — способа, приема и метода — только способ перевода выступает как одна из основополагающих категорий теории перевода.

ВЫВОДЫ

Перевод в собственном смысле этого слова, т. е. переход от исходного текста к переводному, может осуществляться по-разному. В основе такого перехода лежат способы, приемы и методы перевода, варьируемые переводчиком в зависимости от его квалификации, а также от вида и единицы перевода. Среди этих трех понятий (способ, прием и метод перевода) только способ может рассматриваться как одна из основополагающих и классифицирующих категорий перевода, потому что только способ перевода существует как объективная закономерность. И прием и метод перевода являются производными от способа перевода, они получены в результате деятельности человека.

В настоящее время известны только два способа перевода как объективно существующие закономерности перехода от одного языка к другому. Это знаковый способ перевода, при котором переводческие операции осуществляются на формально-знаковом уровне, и смысловой способ перевода, предполагающий предварительную идентификацию денотата с последующими поисками иноязычного эквивалента.

Приемом перевода называют дополнительное действие, или конкретные операции, направленные на преодоление возникшей трудности при переводе. Известно боль-

ное количество приемов перевода, но все они имеют в своей основе лексико-семантические трансформации.

В практике перевода используются различные способы и приемы перевода. Целенаправленная и запрограммированная система приемов, учитывающая закономерно существующие способы перевода, называется методом перевода. Методы зависят от вида перевода и коррелируют с ним. Их рассмотрение невозможно в отрыве от вида перевода.

Глава 9.

О НАВЫКЕ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ В ПЕРЕВОДЕ

Переводческие операции на формально-знаковом уровне в рамках знакового способа перевода основываются на функционировании навыка переключения. Многочисленные наблюдения показали, что владение двумя языками еще не гарантирует функционирования переводческого навыка переключения. Владение двумя языками является лишь предпосылкой, необходимым условием становления этого навыка. Собственно говоря, владение таким навыком и отличает переводчика от обычного билингва. И тем не менее механизмы переключения с одного языка на другой остаются еще малоисследованными.

Некоторые объективные данные по этому вопросу дали психофизиологические исследования, в которых вырабатывались различные условные реакции (сосудистые, кожно-гальванические, фотохимические и др.) на словесные раздражители — одиночные и комплексные [15; 43; 44; 98; 101; 102]. Эти исследования показали, что слово как условный стимул вызывает не простую, а комплексную реакцию в виде определенной системы связей, доминирующими в которых являются смысловые связи. А. Р. Лурия и О. С. Виноградова в своих опытах фиксировали неосознаваемые человеком сложные семантические системы, включающие ядро семантического комплекса, периферию и нейтральные слова [42]. В описываемом эксперименте со смысловой группой «музыка» специфическую реакцию вызывали слова скрипка, скрипач, смычок, струна, мандолина, контрабас и некоторые

другие, входящие в состав так называемого ядра. Реакцию уже не специфического, а ориентировочного характера вызывали названия других инструментов (кларнет, аккордеон) и другие слова, связанные с музыкой (соната, концерт). Никакую реакцию не вызывали остальные, так называемые нейтральные слова. Интересно, что сходные по звучанию, но далекие по смыслу слова (например, «кошка — окошко») вызывали реакцию либо у умственно отсталых, либо у очень утомленных испытуемых.

Впрочем, некоторые авторы ставят под сомнение семантическую природу зарегистрированных таким образом реакций, рассматривая их как отражение субъективного опыта данного индивидуума [92]. Так или иначе, но наличие более (ядро) или менее (периферия) прочных связей или ассоциаций между отдельными словами, обусловленных чаще всего смысловыми факторами, не вызывает сомнения.

Объективные данные, подтверждающие существование неосознанных смысловых связей, заставляют по-новому взглянуть на то, что принято называть навыком переключения в переводе. Под навыком переключения подразумевается умение автоматизированно принять решение на перекодирование предъявленного для передачи отрезка речевой цепи, обозначающего ситуацию или элементы ситуации.

Изложенные выше результаты психофизиологических экспериментов дают основание предположить, что владение двумя языками без профессионально развитых переводческих умений и навыков предполагает наличие некоторого количества замкнутых семантических систем или даже микросистем, каждая из которых ограничена знаками одного языка. В этом случае появление вербального или предметного раздражителя вызывает реакцию в пределах одной такой семантической микросистемы. Конечно, не исключено окказиональное включение в семантическую микросистему, например, на русском языке отдельных иностранных слов, но они выступают уже не как представители качественно другой семантической системы, а как зафиксированные элементы данной микросистемы. Другими словами, при отсутствии переводческих умений и навыков семантические системы двух языков в пределах одного семантического поля ограничены так же, как ограничены семантические си-

стемы различных семантических полей даже в рамках одного языка.

Другая картина наблюдается в функционировании речевых механизмов профессиональных переводчиков: слово на одном языке не подавляет, а наоборот, стимулирует смысловые связи в системе другого языка, хотя и в пределах одной тематической и стилистической микросистемы. В этом нетрудно убедиться, наблюдая за работой устных и особенно синхронных переводчиков. Хорошо известно, что наибольшие трудности они испытывают при переходе от одной тематики к другой, от одного стиля речи к другому, при включении, например, в политическую лексику слов разговорно-фамильярного стиля или сельскохозяйственных терминов и выражений.

Интересные данные в этой связи удалось нам получить в экспериментах с учащимися—выпускниками переводческого факультета на занятиях по синхронному переводу. В «предсинхронном упражнении» 22 учащимся предъявлялись для перевода через наушники в постоянном темпе (100—110 слг/мин) следующие группы слов: числительные, ораторские штампы (типа «с этой высокой трибуны», «выражать поддержку»), лексика по общественно-политической тематике. Через 5—6 двадцатиминутных тренировок, во время которых каждая группа слов отрабатывалась отдельно (т. е. сначала числительные, читаемые вразброс как по-русски, так и по-французски, затем ораторские штампы и, наконец, тематическая лексика), учащиеся без особого труда выполняли упражнения. При этом переводилось всеми учащимися от 90 до 100 % предъявляемых слов. Отдельные срывы (непереведенные слова) наблюдались у наименее реактивных учащихся и, как правило, в конце упражнения. На седьмом занятии в процессе перевода общественно-политической лексики учащимся предъявлялось числительное на французском языке. Неожиданное предъявление слова из другой семантической системы повторялось в процессе перевода ораторских штампов. Всякий раз вкрапление числительного на французском языке сопровождалось либо неправильным переводом, либо пропуском. Причем пропускалось или «чужеродное» слово, или слово, следующее за ним. Вкрапление числительного на русском языке приводило к ошибкам значительно реже. Продолжение тренировок в неожиданном предъявлении слов из других семантических си-

стем постепенно снижало количество ошибок, хотя некоторые признаки испытываемых трудностей (ошибки, пропуски, падение темпа) наблюдались еще долгое время.

Результаты эксперимента представлены в табл. 4. Напомним, что в эксперименте участвовало 22 учащихся, каждому на одном занятии предъявлялось около 70 числительных на французском языке и 30 числительных на русском языке, около 70 ораторских штампов на французском языке и 30 на русском языке, около 70 слов и выражений по общественно-политической тематике на французском языке и 30 слов и выражений на русском языке. Всего каждый учащийся в процессе одного занятия переводил до 300 лексических единиц. Количество неправильных переводов и пропусков, допущенных одним испытуемым, подсчитывалось и определялось в процентах ко всему числу предъявляемых лексических единиц.

В табл. 4 показаны правильные ответы в среднем на одного учащегося (в процентах).

Т а б л и ц а 4

Занятие	Группа слов					
	числительные		ораторские штампы		лексика по теме «Борьба за мир»	
	на франц. яз.	на русск. яз.	на франц. яз.	на русск. яз.	на франц. яз.	на русск. яз.
1-е	62	89	72	68	66	70
3-е	80	94	86	85	83	93
6-е	91	98	94	96	93	99
7-е:						
первое предъявление . .	10	42	43	66	74	78
последнее предъявление	63	94	92	95	91	96

Особенно показательно падение эффективности навыка переключения при первом предъявлении слова из другой семантической системы (7-е занятие, первое предъявление).

Взаимосключение некоторых семантических систем отмечали в своих экспериментах А. Р. Лурия и О. С. Виноградова. Они же наблюдали факт «искусственного

формирования более широкой семантической системы путем подкрепления слова другой семантической «подсистемы» [42]. Искусственное формирование более широкой семантической системы происходит и у переводчика, когда он подключает в процессе тренировок для создания эквивалентов к уже существующей у него семантической системе на родном языке семантическую подсистему на другом языке. Формирование новой семантической системы, включающей соответствующие подсистемы на двух языках, и есть становление переводческого навыка переключения, играющего решающую роль в работе устного переводчика.

Все сказанное о динамике семантических систем заставляет прийти к выводу о том, что в процессе обучения или тренировок происходит становление не навыка переключения вообще, а навыка переключения, функционирование которого ограничено определенным семантическим полем или в лучшем случае несколькими смежными смысловыми группами в пределах общей тематики, одной области человеческих знаний. В экспериментах А. Р. Лурня и О. С. Виноградовой было показано, как путем подкрепления две смысловые группы (овощи и фрукты) объединялись в одну общую семантическую систему, слова которой в одинаковой степени вызвали соответствующие сосудистые реакции [42]. Учебное подкрепление в процессе упражнений позволяет переводчику расширять поле действия своего навыка переключения, подключая новые смежные смысловые группы: борьба за мир + национально-освободительное движение + партийное строительство + профсоюзы и т. д.

Однако старые смысловые связи легко распадаются при подключении новой смысловой группы, если для них не предусмотрены периодические подкрепления в виде тех или иных повторительных действий.

Таким образом, формирование навыка переключения с одного языка на другой есть учебная система подкреплений, последовательно объединяющая, во-первых, аналогичные семантические подсистемы двух языков, а во-вторых, смежные двуязычные семантические системы. Если подсистему каждого языка обозначить латинскими буквами R (русский язык) и F (французский язык), то становление навыка переключения можно изобразить следующим образом: $(R \times F = RF) + (R_1 \times F_1 = R_1F_1) + (R_2 \times F_2 = R_2F_2)$ или $RF + R_1F_1 + R_2F_2$, где каждое

RF создаст единую замкнутую систему и где подключение каждой новой замкнутой системы не разрушает предыдущую только в случае ее систематического подкрепления.

Функционирование навыка переключения имеет свои закономерности. Об одной из них уже говорилось: функционирование навыка переключения прекращается за пределами предварительно отработанной семантической системы (тематический принцип), а это значит, что происходит не формирование навыка переключения вообще, а формирование навыка переключения для семантической системы данной тематики. У переводчика не может быть отработанного навыка переключения на все случаи жизни, у него может быть сформирован навык переключения для работы в экономической, политической, военной или еще какой-либо области.

Итак, формирование навыка переключения возможно только по тематическому принципу.

Вторая закономерность функционирования навыка переключения может быть сформулирована следующим образом: при функционировании навыка переключения доминирующими по направлению связями являются связи от родного языка к иностранному (принцип доминантного языка). Это положение является плодом не только многочисленных наблюдений за работой синхронных переводчиков, эффективность которой в первую очередь зависит от функционирования навыка переключения. Это положение подтверждается экспериментом, который был описан еще в 1959 году [49]. Представленная в синхронном переводе интернациональная лексика (главным образом «ложные друзья переводчика») правильно воспроизводилась при переводе с русского языка на французский в 75 % случаев, а при переводе с французского языка на русский в 45 % случаев. Это положение, наконец, согласуется с экспериментами Д. Ковача, в результате которых он писал: «Любые реакции, вызванные раздражителями доминантного языка, имеют больше готовности, чем такие же реакции, вызванные раздражителями недоминантного языка» [31, 120—121].

Третья закономерность функционирования навыка переключения заключается в том, что навык переключения отдает предпочтение формально-знаковым связям (знаковый принцип). Имеются в виду прямые связи между эквивалентами двух языков при переводе без

идентификации денотата (ситуации). Такие связи обычно устанавливаются при переводе штампов. Их можно установить и при переводе терминов или ситуационных клише. Знаковые связи способствуют автоматизированному осуществлению операций при переходе с одного языка на другой и создают предпосылки для становления навыка. Как уже было показано, поиск денотативных связей в переводе удлиняет путь к знаку языка № 2 по крайней мере в два раза.

Фактически поиск денотативных связей при переводе является дополнительной, а иногда и дополнительными операциями, объединенными в так называемое сложное или вторичное умение, где частично утрачивается автоматизированность действия. Все это, естественно, осложняет функционирование навыка переключения, увеличивает период времени, необходимый для перехода с одного языка на другой. Именно поэтому можно сделать вывод: наличие знаковых связей является неременным условием эффективности функционирования навыка переключения.

В последовательном переводе это положение выходит за рамки чисто вербальных связей и распространяется на письменные знаки (символы). Как показали исследования, в последовательном переводе навык переключения предполагает также и моторную реакцию в виде графического знака: знак языка № 1 — символ или сокращенная буквенная запись. Впрочем, в последовательном переводе знаковые связи, а следовательно, и навык переключения играют второстепенную роль, так как записи в последовательном переводе есть в первую очередь смысловое письмо, основанное на сложных денотативных связях: знак языка № 1 — денотат — один из его признаков — графический знак выделенного признака.

Итак, важнейшие закономерности функционирования навыка переключения сводятся к тематической ограниченности, принципу доминантного языка и эффективности знаковых связей.

Третья закономерность приводит нас к парадоксальному выводу, заставляющему рассматривать смысловой анализ как фактор, тормозящий функционирование навыка переключения. В этом одно из основных противоречий деятельности устного переводчика. Отказ в целом ряде случаев от денотативных связей (смысловой ана-

лиз) повышает эффективность функционирования навыка переключения, но игнорирование денотата лежит у истоков такого явления, как буквализмы или «ложные друзья переводчика».

Впервые термин «ложные друзья переводчика» (*faux-amis*) был предложен Касслером и Дерокиной в 1928 г. [97]. Однако они имели в виду перевод только по звуковому сходству слов двух языков. В настоящее время термин «буквализм» понимается шире. Если в 1949 г. Я. И. Рецкер еще рассматривал буквализм как перевод по внешнему — графическому или фонетическому — сходству [62], то в 1970 г. В. Г. Гак уже различает лексический, фразеологический, грамматический и стилистический буквализмы, считая их переводческой ошибкой в результате дословного воспроизведения форм подлинника [21].

Нам кажется, что ограничивать понятие «буквализм» неудачным воспроизведением форм подлинника нельзя. Если исходить из признаков, лежащих в основе этого явления, то следует различать:

— во-первых, элементарные буквализмы, при которых устанавливаются ложные связи между сходными звуковыми или графическими знаками двух языков в результате доминирования семасиологических связей родного или исходного языка (например, *journal* — журнал вместо газеты, *blindage* — *blindage* вместо *abri à l'épreuve* или *liste* — лист вместо список);

— во-вторых, семантические буквализмы, при которых устанавливаются ложные знаковые связи двух языков в результате перевода по семантическим компонентам слова, словосочетания (например, *sous-colonel* вместо *lieutenant-colonel* или *prendre position* — принимать позицию вместо высказываться) или по основному значению слов без учета речевой ситуации (например, *entendu* — услышано вместо договорились, «Говорит Москва» — «*Moscou parle*» вместо «*Ici Moscou*»);

— в-третьих, грамматические буквализмы, при которых в двух языках устанавливаются ложные прямые связи между способами оформления знаков в высказывании на основе устоявшихся связей исходного языка (например, «*Duval, ministre des affaires étrangères*» — «Дюваль, министр иностранных дел» вместо «Министр иностранных дел Дюваль» или «*Sur Cuba*» — «На Кубе» вместо «*A Cuba*»).

Прямые связи между способами оформления знаков в высказывании могут также рассматриваться как знаковые связи, так как сам способ оформления (грамматическое правило) представлен в нашем сознании, так же как предметы, явления, некоторым абстрактным знаком, материализующимся в конкретном предложении.

Кстати, грамматический буквализм представляет собой довольно распространенное явление в практике обучения иностранному языку, известное как явление интерференции.

Итак, буквализм в переводе, если иметь в виду и семантические буквализмы,— это не всегда неудачное воспроизведение форм подлинника, это создание ложных знаковых связей между языками на основе других устоявшихся связей.

Само собой разумеется, что созданию ложных знаковых связей более всего препятствует смысловой анализ, отказ от автоматизированных действий.

Как отмечалось в физиологических экспериментах, слова, далекие по смыслу, но сходные по звучанию (элементарные буквализмы), включались в семантическую систему умственно отсталыми (дебилы) или утомленными и истощенными лицами. Это обстоятельство дало основание исследователям сделать вывод о том, что, когда кора головного мозга находится в состоянии торможения, «относительно более простые связи, основанные на звуковом сходстве, могут стать доминирующими, а более сложные семантические связи затормаживаются» [42, 30].

Исследование различных видов буквализмов показывает, что речь идет не о замене более сложных связей простыми, а об отказе от дальнейшего поиска за счет использования уже имеющихся простых или сложных связей. Так в случае элементарного буквализма поиск решения на перекодирование ограничивается использованием предложенной источником денотативной связи. В случае семантического буквализма на первый план выступают доминирующие сигнификативные связи¹. Это

¹ Семантические буквализмы в какой-то степени подтверждают точку зрения лингвистов (см., например, Д. Н. Шмелев. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964, с. 85—86) о иерархической организации содержания некоторых слов, т. е. о наличии у них «основного» значения.

же наблюдается и при грамматическом буквализме, если сигнификативными связями называть отношения грамматического значения -

ВЫВОДЫ

1. Функционирование навыка переключения с одного языка на другой в процессе перевода находит свое выражение в автоматизированных операциях по поиску и реализации решения на перекодирование предъявленного для передачи обозначения ситуации или элемента ситуации. Необходимость в эффективном функционировании навыка переключения возрастает одновременно с ростом временных ограничений в процессе перевода. Временные ограничения наблюдаются в той или иной степени в различных видах устного перевода. Именно поэтому формирование навыка переключения является одной из важнейших задач подготовки устных переводчиков.

2. Формирование навыка переключения происходит по тематическому принципу путем объединения аналогичных семантических подсистем двух языков в одну общую замкнутую систему. Создание новой замкнутой системы разрушает предыдущую, для восстановления которой необходимы повторные подкрепления. А это значит, что перемене тематики в работе устного переводчика должны предшествовать подкрепления в виде соответствующих лексических упражнений.

3. В сформированном навыке переключения связи, идущие в направлении от родного языка к иностранному, оказываются, как правило, более прочными, чем обратные связи, что необходимо учитывать в процессе подготовки устных переводчиков: количество подкреплений в направлении от иностранного языка к родному должно преобладать.

4. Эффективность функционирования навыка переключения есть результат хорошо отработанных знаковых связей между двумя языками. Возможность установления прочных знаковых связей зависит от характера языковых средств. Тенденции к установлению знаковых связей проявляются в первую очередь при использовании языковых средств, наделенных свойствами частот-

пости (в употреблении), однозначности, относительной дисфункциональности (утратой первоначального значения). По этим же причинам знаковые связи характерны для компонентов тематических высказываний, в меньшей степени — информативных высказываний. Знаковые связи не устанавливаются между целевыми высказываниями (см. главу 4). Свойствами частотности, однозначности и относительной дисфункциональности наделены главным образом штампы и клише, чаще всего встречающиеся в общественно-пропагандистских материалах. Поэтому именно общественно-пропагандистские материалы служат в первую очередь объектом устного перевода вообще и синхронного перевода в частности как вида перевода, подлежащего наиболее жестким временным ограничениям. Реже объектом синхронного перевода становятся научно-технические материалы, поскольку преобладающие в них языковые средства (термины) не дисфункциональны и не всегда обладают достаточной частотностью. Такие языковые средства, как образные выражения, не имеют свойств, способствующих установлению знаковых связей, что и делает абсурдным синхронный или даже устный перевод литературно-художественных материалов.

5. Установление прямых знаковых связей повышает эффективность функционирования навыка переключения, но оно же приводит иногда к буквализмам. В большинстве случаев буквализмы можно предвидеть, так как тенденции к буквальному переводу проявляются:

— при наличии в двух языках сходных по звучанию или по графическому оформлению, но неэквивалентных слов (*la liste* — список, а не лист, *présidium* — *le bureau*, а не *le présidium*);

— при наличии в двух языках сходных по своему основному значению, но неэквивалентных в данном контексте или в данной ситуации лексических единиц (постоянный представитель — *le délégué*, а не *le représentant permanent*, надпись на двери *poussez* — от себя, а не толкайте);

— при наличии в двух языках расхождений в способах организации аналогичных высказываний.

Глава 10.

КАТЕГОРИЯ СООТВЕТСТВИЙ И ТЕОРИЯ НЕСООТВЕТСТВИЙ В ПЕРЕВОДЕ

Если процесс перевода основывается на тех или иных действиях переводчика, что позволяет теории перевода выделить такую категорию, как способ перевода, то перевод как результат может рассматриваться только с точки зрения другой категории — категории соответствия.

Соответствие в переводе понимается по-разному. Чаще всего, исходя из уже упоминавшейся теории закономерных соответствий Я. И. Рецкера [61], говорят о семантических соответствиях между лексическими единицами. При этом совершенно справедливо отмечается, что случаи полного совпадения (соответствия) лексических единиц разных языков во всем объеме их значения относительно редки [9]. Тем более редко совпадают все семантические компоненты предложения.

О соответствии переводного текста исходному говорят и в случаях, если налицо тождество описываемых ситуаций независимо от того, какие семантические компоненты для их обозначения были использованы. Теорию перевода, основывающуюся на тождестве описываемых ситуаций, разрабатывает Дж. К. Кэтфорд [93], а в Советском Союзе В. Г. Гак [19]. Эта теория себя оправдывает, пока речь идет об информативных высказываниях (см. главу 4), но она не способна определить соответствие целевых высказываний, в которых и семантические компоненты и ситуация-денотат играют подчиненную роль по отношению к цели высказывания. Практическая реализация процесса перевода принимает иногда такие неожиданные формы, которые заставляют отказываться то от одного, то от другого критерия. Эту мысль мы находим еще у Л. Н. Соболева, который в 1950 г. писал, что «мера точности меняется в зависимости от цели перевода, характера переводимого текста и читателя, которому перевод предназначен» [68].

Категория соответствия обретает присущую ей универсальность, если ее рассматривать с точки зрения совпадения различных компонентов, составляющих речевое произведение, в том числе и с точки зрения смысловой

информации, т. е. семантической информации, соотношенной с ситуационной, а потому способной продуцировать смысл.

Итак, основополагающим для выделения категории соответствия будем считать положение о том, что любое речевое произведение содержит:

а) сумму формальных компонентов, включающих графические или звуковые комплексы слов, а также связи между элементами речевого произведения (его структуру);

б) сумму семантических компонентов, складывающуюся из лексических и грамматических значений, заключенных в речевом произведении;

в) сумму квантов смысловой информации различной целостности.

Стремление воспроизвести при переводе сумму формальных или семантических компонентов всего речевого произведения или его части без учета информации, подлежащей передаче, не может еще гарантировать полноценного перевода, несмотря на достигнутое относительное соответствие переводного текста исходному.

Абсолютное соответствие в переводе выражается в совпадении в исходном и переводном текстах всех компонентов речевого произведения, в том числе и квантов информации. Однако такое соответствие можно себе представить скорее теоретически, чем практически.

Практически категория соответствия проявляется в переводе в виде оппозиции: буквальный перевод — вольный перевод.

К буквальному переводу следует отнести попытки воспроизвести в переводном тексте формальные и (или) семантические компоненты исходного текста, включая его структуру.

Вольным переводом можно назвать установление соответствия между текстами в переводе на уровне квантов ключевой информации независимо от формальных и семантических компонентов оригинала.

В практике перевода буквальный и вольный перевод, как правило, чередуется в одном тексте, а нередко и в одном предложении, что является результатом поиска варианта, отвечающего нормам переводного языка. Буквальный или вольный перевод не есть обязательно плохой перевод. Перевод слов спутник — *spoutnik*, *artillerie* — артиллерия есть буквальный перевод, но в то же время

и совершенно точный перевод, при котором наблюдается полное соответствие эквивалентов. Перевод военного термина *disponibilité* как «нахождение в распоряжении министра» есть вольный, но также совершенно правильный перевод.

Буквальный перевод может быть и плохим переводом. В ситуации, связанной с установлением личности человека, может встретиться фраза «J'ai des papiers».

Плохой буквальный перевод будет выглядеть следующим образом:

«Я имею бумаги».

Здесь сохранена структура подлинника, а слово *papiers* переведено по его основным семантическим компонентам.

«Я имею документы».

В этом варианте сохранение структуры соседствует с вольным переводом слова *papiers*.

«У меня есть документы».

На этот раз исчезли остатки буквального перевода, высказывание переведено правильно, достигнуто соответствие в форме вольного перевода.

Рассмотрим перевод еще одного предложения. В статье газеты «Юманите», в которой говорилось о бесконечных планах подъема экономики Франции, предлагаемых правительством, имелась такая фраза: «Plan, re-plan, galaplan!». Буквальный перевод этой фразы:

«План, еще раз план, барабанный бой!»

А вот один из вариантов перевода, который скорее может удовлетворить взыскательного реципиента:

«Один план, другой план, и каждый раз барабанный бой пропаганды!»

Это уже вольный перевод, хотя в нем имеются элементы буквализма (*plan* — план).

Соответствие в форме вольного перевода сохраняется и в следующем примере, где нет полного сохранения ни формальных компонентов, ни семантических.

«Voilà des années qu'inlassablement le pouvoir prodigue les promesses».

«Вот уже несколько лет правительство щедро раздает обещания.»

Напомним, что французские слова *inlassablement* и *pouvoir* означают соответственно неустанно и власть.

И, наконец, отсутствие всех искомых формальных и семантических компонентов, а также замену предметной

ситуации (ситуации-деютата) мы находим в переводе реплик на теннисном корте.

«Votre service, monsieur!» — «Я готов!»

Здесь вместо французских слов «Ваша подача, месье!» переводчик выбрал более характерное для русских теннисистов восклицание, так как и то и другое содержат вместе с речевой ситуацией информацию, предназначенную для передачи, а именно: «Ну, подавайте!» В этом примере соответствие проявляется в форме вольного перевода и устанавливается на уровне смысловой информации.

Вольный перевод оказывается единственно правильным и при переводе некоторых пословиц:

«Les fruits tiennent les promesses des fleurs». — «Что посеешь, то пожнешь».

«Назвался груздем — полезай в кузов». — «Noblesse oblige».

Вольный перевод может быть и плохим переводом по крайней мере во всех случаях, когда формальные или семантические компоненты исходного речевого произведения или его части входят в состав сообщения, т. е. должны быть переданы.

Вычленение смысловой информации, как правило, конституирующей сообщение, происходит практически интуитивно, но эту операцию можно и формализовать на основе положений теории несоответствий.

Теория несоответствий исходит из того, что исходный и переводной тексты, как правило, не совпадают по количеству и качеству информации, содержащейся в них. Они не совпадают на формальном уровне, потому что формальные средства выражения одного и того же содержания в различных языках между собой не совпадают. Они не совпадают и на семантическом уровне, потому что одни и те же явления, ситуации в различных языках описываются по-разному, при помощи далеко не идентичных семантических компонентов. Они не совпадают и на уровне смысловой информации, складывающейся из семантической и ситуационной информации, потому что несовпадающие семантические компоненты двух текстов обязательно изменяют общее количество информации в них. Причем это изменение может быть закономерным, полезным для перевода, оно может быть и ошибочным, ухудшающим результаты работы переводчика.

В персводном тексте нет уточняющей информации, раскрывающей социальное положение бастующих, которое, впрочем, подразумевается. Повторение слов «рабочие и служащие» из исходного текста в переводе необязательно, тем не менее потеря смысловой информации должна быть зафиксирована.

ИТ «Он произнес последние слова фразы с пафосом и вышел».

ПТ «Он оставил наш дом после того, как кончил говорить».

Здесь вычленяются два небольших речевых отрезка: один, содержащий переданную информацию, и другой (наш дом) — добавленную информацию. Что касается несовпадающих семантических компонентов (произнес последние слова — кончил говорить, вышел — оставил), то они в данном контексте несут одну и ту же смысловую информацию. Следует иметь в виду, что информация любого речевого отрезка оценивается исходя из целого, исходя из смысловой информации предложения, из информации, которая в этом тексте предназначена для передачи.

Приведенные примеры позволяют сформулировать некоторые положения теории несоответствий.

Первое положение. При сравнительном анализе исходного и переводного текстов с целью вычленения несоответствий учитывается только несовпадающая смысловая информация.

Второе положение. Вся несовпадающая информация, вычлененная в результате сравнительного анализа текстов, подразделяется на информацию переданную и информацию прибавочную (добавленную).

В приведенных примерах переданная информация содержится в речевых отрезках: «рабочие и служащие», «с пафосом»; прибавочная информация вычленяется в речевом отрезке «наш дом».

Третье положение. Несовпадающая информация вычленяется в виде содержащих ее речевых отрезков исходного или выходного текста. Это положение дает возможность искать пути к формализации подсчета вычленяемой информации, так как речевой отрезок есть уже исчисляемая единица.

Вычленение несоответствий не ограничивается поисками несовпадающей информации в текстах перевода. Несовпадающая информация может быть различной

ценности с точки зрения сообщения. Поэтому всю несопадающую информацию необходимо оценить путем определения ее коммуникативной ценности (см. главу 6). Как это осуществляется практически, лучше показать на примерах.

ИТ «По последним данным центрального института статистики, только за первые 10 месяцев года занятость на крупных предприятиях уменьшилась на 1,2 процента».

ПТ «Центральный институт статистики сообщает, что в течение первых 10 месяцев **текущего** года 1,2% **рабочих** оказались за воротами крупных предприятий».

В приведенном примере можно обнаружить три несоответствия (они выделены). Первое несоответствие — это переданная информация «последним». Если оценить ее коммуникативную ценность с точки зрения всей информации текста, подлежащей передаче, то нетрудно сделать вывод, что эта информация относится к так называемой дополнительной информации, так как о ней можно догадаться исходя из описываемой ситуации, хотя в других единицах текста она эксплицитно и не представлена. Итак, первое несоответствие — информацию, заключенную в слове исходного текста «последним», можно охарактеризовать как переданную дополнительную информацию.

Второе несоответствие — это прибавочная информация «текущего». Эта информация ничего к тексту не прибавляет, она уточняет уже имеющуюся информацию, так как само собой разумеется, что речь идет о первых 10 месяцах именно текущего года. Поэтому второе несоответствие — информацию, заключенную в слове переводного текста «текущего», можно охарактеризовать как прибавочную уточняющую информацию.

Третье несоответствие — это прибавочная информация «рабочих». В исходном тексте говорится об уменьшении занятости вообще, включая и рабочих и служащих. В переводном тексте дана новая информация, которая не была предназначена для передачи. В результате получатели переводного текста могут быть введены в заблуждение. Одним словом, третье несоответствие — информацию, заключенную в единице исходного текста «рабочих», можно охарактеризовать как прибавочную ключевую информацию.

Анализ последнего примера дает возможность сформулировать еще одно положение теории несоответствий.

Четвертое положение. Несопадающая информация классифицируется не только на информацию переданную и прибавочную, но и в зависимости от ее коммуникативной ценности на информацию ключевую, или уникальную, дополнительную, уточняющую, повторную и нулевую.

Следующее положение теории несоответствий удобнее сначала сформулировать, а потом объяснить.

Пятое положение. Вычлененные как несоответствия речевые отрезки исходного (переданная информация) и переводного (прибавочная информация) текстов содержат только одну информацию той или иной коммуникативной ценности. Еще раз обратимся к примеру.

ИТ «Население Камеруна широко отметило 1 января, годовщину провозглашения независимости Республики».

ПТ «Население Камеруна отпраздновало годовщину провозглашения независимости и суверенитета своей Республики».

Сравнительный анализ двух текстов позволяет вычленить следующие речевые отрезки с непереуведенной информацией «1 января» и с прибавочной информацией «суверенитет» и «своей». В каждом из этих речевых отрезков заключена только одна информация, несмотря на то что в отрезке «1 января» два слова, а в других отрезках по одному слову. Это происходит не потому, что слова «1 января» стоят рядом (слова «суверенитета», «своей» тоже стоят рядом), а потому, что речевой отрезок «1 января» представляет собой в смысловом отношении единое целое. Слова же «суверенитет» и «своей» не составляют смыслового целого, грамматически друг от друга не зависят и несут каждое отдельную информацию. В слове «суверенитет» вычленяется повторная информация, а в слове «своей» — уточняющая.

Можно сказать, что несоответствия содержат информацию в виде квантов [55], т. е. в виде взаимосвязанной информации, представляющей с точки зрения исследователя одно смысловое целое. Другими словами, каждый речевой отрезок исходного или переводного текста, вычлененный как несоответствие, содержит только один квант информации. В зависимости от того, в каком тексте данный речевой отрезок вычленен, каждое несоответствие предстает в виде кванта переданной или прибавочной информации. Само собой разумеется, что кванты переданной или прибавочной информации неравноцен-

ны, так же как неравноценна вычленяемая в тексте информация. В целом есть все основания различать следующие разновидности квантов: квант непередаваемой ключевой информации, дополнительной информации, уточняющей информации, повторной информации, нулевой информации; квант прибавочной ключевой информации, дополнительной информации, уточняющей информации, повторной информации, нулевой информации.

Методику определения разновидности квантов продемонстрируем на следующих текстах.

ИТ «За последние пять лет в городах и селах республики возникло восемь с половиной тысяч новых коллективов художественной самодеятельности. Всего их насчитывается сейчас в стране более 27 тысяч».

ПТ «Восемь с половиной тысяч кружков художественной самодеятельности вновь создано в республике за последнее время. Общее число клубов в стране превысило в настоящее время цифру 27 тысяч».

Сопоставительный анализ двух текстов позволяет вычленить четыре речевых отрезка, несущих несовпадающую информацию: «за последние пять лет», «в городах и селах» (это два отдельных речевых отрезка, так как они в предложении друг другу не подчинены и в смысловом отношении независимы), «их», «клубов».

Первое несоответствие «за последние пять лет». Информация «за последние пять лет» переделана в родовое понятие «за последнее время». Это значит, что реципиент не узнает, какое же количество лет подразумевается под выражением «за последнее время». Информация, которая ни контекстом, ни ситуацией подсказана быть не может, является ключевой информацией. Следовательно, первое несоответствие представляет собой квант непередаваемой ключевой информации.

Второе несоответствие «в городах и селах». В переводном тексте просто сказано «в республике», что, конечно, подразумевает «города и села». Поэтому в данном случае непередаваемую информацию можно классифицировать как уточняющую, а все несоответствие как квант непередаваемой уточняющей информации.

Третье несоответствие «их». Местоимение «их» несет информацию о «коллективах художественной самодеятельности». В переводном тексте о них во втором предложении не говорится. Итак, третье несоответствие пред-

ставляет собой квант непередаваемой ключевой информации.

Четвертое несоответствие «клубов». Эта информация появилась вместо «коллективов художественной самодеятельности». Информация «клубов» является качественно новой, так как иметь 27 тысяч драмкружков или клубов — это не одно и то же. Поэтому четвертое несоответствие есть квант прибавочной ключевой информации.

Мы показали, как происходит вычленение несоответствий и их оценка с точки зрения коммуникативной ценности информации. Однако положения теории несоответствий этим не исчерпываются, поскольку выводы о закономерностях процесса перевода более убедительно основывать на точных методах исследования. Чтобы приобщить кванты информации к точным методам исследования, приходится вводить такое понятие, как слоговая величина.

Итак, **шестое положение теории несоответствий**. Определение закономерностей процесса перевода осуществляется при помощи слоговой величины.

Тексты, так же как и речевые отрезки, можно измерять по времени звучания и по их пространственной протяженности. Пространственное измерение текста — это подсчет количества содержащихся в нем печатных знаков, слов, предложений. Но слово и предложение — величины не постоянные, а печатный знак не всегда совпадает со звуком, поэтому расчеты, сделанные на его основе, чаще всего ошибочны для звучащих текстов, с которыми мы имеем дело в устном переводе. Так, темп речи дикторов радио и телевидения, а также профессиональных ораторов принято измерять количеством слогов в минуту. По-видимому, слог является наиболее удобной единицей измерения и длины текстов. Это тем более справедливо, что слог является наиболее постоянной единицей артикуляции, выделение которой не представляет собой каких-либо трудностей ни в устной, ни в письменной речи. Можно смело утверждать, что выделение и идентификация слога как произносительной единицы является наименее дискуссионной проблемой, чего никак нельзя сказать ни о слове, ни о предложении. Вот что пишут о слоге лингвисты, психологи и физиологи.

«Для говорящего речь непосредственно и естественно членится на слоги. По-видимому, слог можно считать

минимальной единицей речи со стороны говорящего» [74, 197].

«Основной единицей артикуляции служит слог, являющийся минимальной морфологической единицей речи, несущей тот или иной элемент лексического или грамматического значения» [3, 92].

«Можно предположить, что в программе произносимого текста (слово, фраза и т. д.) используется набор однородных структур, соответствующих слогам типа СГ, где на первом месте может находиться любой согласный, а на втором — любой гласный» [86, 179].

Использование слога в качестве единицы измерения текста позволяет высчитывать длину слова, предложения или текста с большей точностью, так как в отличие от звука или буквы, слова или предложения слог имеет постоянную величину и легко идентифицируется.

Количество слогов в слове, предложении, тексте и составляет слоговую величину слова, предложения, текста. Таким образом, слоговую величину можно рассматривать как один из параметров текста, позволяющих высчитывать не только его величину, но и примерную длительность звучания. Последнее особенно ценно для устного перевода, где исследователь сталкивается со звучащими текстами.

Исследования, проведенные на базе слоговой величины в письменном переводе, дали не менее интересные результаты. Сопоставление слоговой величины исходных и переводных текстов в комбинации французский — русский и русский — французский языки, сделанное на общественно-политических материалах и художественной литературе, показало, например, что русский текст всегда содержит большее количество слогов, чем сопутствующий ему исходный или переводной французский текст. Кроме того, исследование письменных переводов на базе слоговой величины позволило сделать вывод, что процесс перевода имеет тенденцию повышать слоговую величину исходного текста [50].

Вряд ли следует объяснять, что слоговой величиной удобно пользоваться и для измерения величины несоответствий. Ведь несоответствия фиксируются в виде отрезков речевой цепи и состоят также из слов и соответственно из слогов. Использование слоговой величины наряду с квантами информации для подсчета количества и определения характера несоответствий дает воз-

возможность не только выявлять закономерности процесса перевода, но и измерять количество переданной информации, оценивать качество перевода, классифицировать типичные ошибки.

О некоторых закономерностях перевода у нас еще будет возможность поговорить в связи с его основными видами. Здесь же целесообразно остановиться на том, что может быть отнесено к любому процессу перевода, как, например, измерение количества переданной информации.

Принятые в математике точные методы подсчета количества информации не позволяют измерять ее в текстах на уровне единиц речи. Математические методы предназначены для измерения элементарной информации (например, вероятность появления в тексте той или иной графемы или фонемы). Теория несоответствий, отнюдь не претендуя на математическую точность, предлагает свой метод примерной оценки количества переданной в переводе информации, основанный на использовании слоговой величины и выделении в текстах несоответствий. Для того чтобы показать сущность этого метода, используем аналогичные по содержанию русские тексты, условно считая один из них исходным, а другой переводным.

ИТ «Два дня в старинном городе Руайомоне проходила советско-французская встреча. Во встрече приняли участие видные **политические** деятели, парламентарии, ученые, писатели, представители профсоюзов СССР и Франции. Многие **участвовавшие в прениях** французские деятели, хотя и представляли различные политические течения, были едины в том, что борьба за прекращение гонки вооружений стала первоочередной задачей **человечества**. Было поддержано мнение председателя Национального собрания Франции, который заявил, что **Франция** должна принимать участие в проходящих сейчас и намечающихся на будущее международных конференциях, цель которых выработать меры по прекращению гонки вооружений.

Большое место в дискуссии заняли проблемы двусторонних отношений между Францией и СССР и их влияния на развитие в положительную сторону обстановки на европейском континенте.

Подводя итоги встречи, президент общества «Франция — СССР» подчеркнул, что дискуссия, развернувшаяся

ся в Руайомоне, была плодотворной. Она еще раз подтвердила волю французов и советских людей следовать курсу согласия и сотрудничества, сделать все для утверждения в международных отношениях разрядки.

ПТ « В Руайомоне, старинном городе Франции, состоялась советско-французская встреча. В этой встрече участвовали видные деятели обеих стран, в том числе парламентарии, писатели, ученые, представители профсоюзов. Большинство французских участников встречи независимо от их партийной принадлежности подчеркивали необходимость борьбы за прекращение гонки вооружений, считая ее первоочередной задачей. Слова председателя Национального собрания Франции о том, что необходимо принимать участие в созываемых международных конференциях, на которых намечаются меры по прекращению гонки вооружений, были широко поддержаны. Много говорилось о двусторонних отношениях СССР и Франции, о том, как они влияют на разрядку международных отношений на европейском континенте. Итоги встречи подвел в своей речи президент общества «Франция — СССР», который отметил плодотворность имевшей место дискуссии. Эта дискуссия показала, что и французы и советские люди в полном смысле этого слова стремятся к согласию, к тому, чтобы утверждать в международных отношениях разрядку».

Для того чтобы выявить потери информации в результате условного перевода, необходимо измерить слоговую величину исходного и переводного текстов, вычленив несоответствия, определить, в виде какого кванта информации предстает каждое несоответствие, и подсчитать слоговую величину несоответствий. Результаты перечисленных операций показаны в табл. 5. Сами несоответствия подчеркнуты в текстах. Хотелось бы обратить внимание на два несоответствия — «два дня» и «Франция» в исходном тексте. И то и другое несоответствия являются квантами переданной ключевой информации, т. е. информации, которая для получателя уникальна и которую он не может ни домыслить, ни извлечь из других единиц текста.

Если признать, что в слоговой величине всего текста содержится 100% информации, то условно можно считать, что в слоговой величине, равной 1/100 слоговой величины текста, содержится 1% всей информации текста. А значит, зная слоговую величину суммы речевых

Таблица 5

Параметры текстов	Исходный текст	Переводной текст
Слоговая величина текста	426	375 слогов
Общее количество несоответствий	8	5
Из них квантов:		
ключевой информации	2	—
дополнительной информации	3	—
уточняющей информации	2	4
повторной информации	1	—
нулевой информации	—	1
Слоговая величина несоответствий	37	28

отрезков, содержащих кванты непередаваемой информации, нетрудно высчитать процент непередаваемой информации. Простые арифметические действия показывают, что 37 слогов, содержащих кванты непередаваемой информации, составляют 8,6% от слоговой величины исходного текста (426 слогов).

Исходя из той же посылки, можно подсчитать, сколько процентов информации от всей информации переводного текста добавлено. В переводном тексте слоговая величина речевых отрезков, содержащих несоответствия, составляет 28 слогов, или 7,4%, от слоговой величины текста (375 слогов). Таким образом, условно можно считать, что около 9% информации исходного текста оказалось непередаваемой и более 7% информации переводного текста было добавлено.

9% непередаваемой информации, так же как и 7% добавленной информации, не следует считать чрезмерными для перевода. Некоторые потери и добавления в переводе неизбежны. Потери и добавления важно дифференцировать. Вспомним, что кванты непередаваемой информации, составляющие речевые отрезки общей длиной 37 слогов, имеют различную коммуникативную ценность. Любая информация, кроме ключевой, может быть домыслена или предугадана, она выступает, собственно говоря, как вариация на тему сообщения, как его орнамент, как повторение или разъяснение ключевой информации. А это значит, что действительными потерями информации можно считать только потери в ключевой

информации. В анализируемом примере — это два кванта переданной ключевой информации, или пять слогов, составляющих 1,1% от слоговой величины исходного текста. Поскольку любой речевой отрезок текста, так же как и текст целиком, состоит из слогов различной информативной ценности и как бы повторяет структуру текста в целом, постольку и в данном примере есть основания приравнять потери квантов ключевой информации, выраженной в слоговой величине, к действительным потерям информации, которые квалифицированный переводчик не имеет права допускать.

Остальные потери следует считать скорее естественными, особенно в устных видах перевода. Опускаются обычно повторы, кванты уточняющей или тем более нулевой информации, необходимые для организации речи. Невозможно, да и не нужно передавать различную сопутствующую информацию, появляющуюся в тексте за счет использования привычных устойчивых словосочетаний.

То же самое можно сказать о добавленной (прибавочной) информации. Прибавочная информация в переводном тексте — явление закономерное и даже обязательное. Но прибавочная информация допускается только в том случае, если она представлена второстепенными видами информации. Переводчик не имеет права вносить прибавочную ключевую информацию, которая представляет собой грубую ошибку при переводе.

Изучение несоответствий в различных видах перевода дает возможность вскрыть также некоторые закономерности процесса перевода. Так, изучение особенностей слов, регулярно вычлняющихся в последовательном переводе как кванты переданной ключевой информации, позволило выделить группу слов, названных прецизионными [50]. Прецизионные слова как слова, не способные вызывать необходимые для запоминания ассоциации, оказались элементами текста, тормозящими его восприятие на слух, вызывающими значительное число ошибок в устном переводе.

Весьма перспективным представляется и анализ речевых отрезков — несоответствий с точки зрения речевой схемы данного вида речи. Так, изучение несоответствий в переводе ораторской речи показало ее насыщенность обособлениями, которые предстают, как правило, в виде квантов переданной или прибавочной уточняющей,

реже дополнительной информации. Естественно, что повторы ораторской речи оказались причинами других несоответствий — квантов повторной информации.

Определение тех или иных закономерных несоответствий говорит об особенностях функционирования умственных механизмов переводчика в том или ином виде перевода, а следовательно, и о закономерностях процесса того или иного вида перевода. Выявление особенностей функционирования умственных механизмов переводчика является непременным условием организации учебного процесса и создания научной методики подготовки переводчиков. Определение тех или иных закономерных несоответствий включает в себе, наконец, возможность вскрытия особенности процесса порождения речи и источников, лежащих в основе тех или иных речевых действий.

Теория несоответствий дает возможность более объективно оценивать то, что называют смысловыми ошибками в переводе. К смысловым ошибкам в переводе относят имеющиеся расхождения в содержании исходных и переводных текстов. Эти расхождения обычно классифицировались как искажения (ложная интерпретация смысла определенных единиц речи), неточности (недостаточно полная передача содержания отдельных единиц речи) и пропуски. Очевидно, такая классификация зиждется на весьма субъективных основах, не отличается дифференцированным подходом к искажениям и мало способствует объективной оценке качества работы переводчика. Гораздо более точные критерии смысловых ошибок в переводе может предложить теория несоответствий с ее понятиями переданной и прибавочной информации, сведенной к различным видам квантов. Использование несоответствий с этой целью тем более оправдано, что все смысловые ошибки в переводе можно рассматривать как потерю или приобретение информации. Это положение лучше всего подтвердить на примерах.

ИТ «Следующее заседание состоится 15 декабря в 10 часов утра».

ПТ «Следующее заседание состоится 15 декабря в 11 часов утра».

ИТ «Вчера Национальное собрание закончило рассмотрение финансового бюджета на 1977 год в первом чтении».

ПТ «Вчера Национальное собрание закончило рассмотрение финансового бюджета на 1977 год».

ИТ «В Лиме премьер-министру была устроена торжественная встреча».

ПТ «В Лиме, столице Перу, премьер-министру была устроена торжественная встреча».

В первом примере бросается в глаза ложная информация о времени начала заседания, назначенного на 15 декабря. Такую ошибку принято называть искажением. С точки зрения теории несоответствий здесь фиксируется переданная и прибавочная информация, а точнее квант переданной ключевой информации (10 часов) и квант прибавочной ключевой информации (11 часов).

Во втором примере в выходном тексте мы не находим речевого отрезка «в первом чтении», который теория несоответствий классифицирует как квант переданной ключевой информации.

В третьем примере фиксируется прибавочная информация «в столице Перу», которая оценивается теорией несоответствия как квант прибавочной дополнительной информации.

Подобным образом можно дифференцировать любые ошибки в переводе, которые сводятся таким образом либо к переданной информации различной значимости, либо к прибавочной информации различной значимости, либо к тому и другому виду информации одновременно.

Из примеров видно, что при дифференциации ошибок в переводе методами теории несоответствий нельзя ограничиваться понятиями переданной и прибавочной информации. Более эффективным оказывается использовать весь набор квантов — от ключевой до нулевой информации. Именно в этом случае достигается достаточно высокий уровень дифференциации ошибок. Практически вычленение ошибок в переводе на основе теории несоответствий происходит следующим образом. Приведем пример.

ИТ «Правительство не раз предлагало при условии вывода иностранных войск из южной части страны заключить мирное соглашение между Югом и Севером о ненападении и сократить численность обеих армий до 100 тысяч человек».

ПТ «Правительство все делало для того, чтобы заключить соглашение с Югом о ненападении и сократить

численность обеих армий при условии вывода в установленные сроки иностранных войск из южной части страны».

Речевые отрезки, составляющие несоответствия в текстах примера, выделены. Непереведенная информация заключена в речевых отрезках «мирное», «Севером» и «до 100 тысяч человек», а прибавочная информация — в речевых отрезках «все делало» и «в установленные сроки». Эти несоответствия представляют собой:

— «мирное» — квант непереданной уточняющей информации;

— «Севером» — квант непереданной уточняющей информации;

— «до 100 тысяч человек» — квант непереданной ключевой информации;

— «все делало» — квант прибавочной дополнительной информации;

— «в установленные сроки» — квант прибавочной дополнительной информации.

Итак, удалось вычленить пять несоответствий, или пять квантов информации, которые, по-видимому, следует отнести к смысловым ошибкам. Возникает вопрос, как их оценивать и вообще какую иерархию смысловых ошибок установить, опираясь на положения теории несоответствий?

Как отмечалось, основную смысловую нагрузку в тексте несут кванты ключевой информации и их передача в процессе перевода обязательна. Следовательно, наиболее серьезные ошибки в переводе связаны, как правило, с квантами ключевой информации. Такие кванты могут быть двух видов: непереданной и прибавочной информации. Рассмотрим на примере, что следует считать более грубой ошибкой: непереданную или прибавочную ключевую информацию. Грубость ошибки обычно оценивается теми последствиями, которые она может вызвать. Проанализируем возможные последствия появления квантов непереданной или прибавочной ключевой информации в следующем тексте.

ИТ «Во Флоренции закончился международный противораковый конгресс. В его работе приняли участие более 5000 ученых из разных стран мира».

В тексте следующие слова несут ключевую информацию: «Флоренция», «закончился», «противораковый конгресс», «5000». Все остальные лексические единицы

содержат информацию, которую можно предугадать или которая очевидна. Так, например, информация слова «международный» вытекает из понятия, обозначаемого словом «конгресс».

Потеря при переводе этого текста ключевой информации может породить у адресата вопросы типа: Где проходил конгресс? Какой конгресс проходил во Флоренции? Сколько ученых в нем участвовало? Закончился ли уже конгресс?

Предположим, что переводчик не только не передал всю ключевую информацию, но и добавил свою ключевую информацию, в результате переводной текст будет выглядеть следующим образом:

«Во Флоренции закончился международный противораковый конгресс. В его работе приняли участие более 500 ученых из многих стран мира»:

В переводном тексте отсутствуют:

- 1) квант ключевой информации «5000»;
- 2) квант повторной информации «разных».

В переводной текст дополнительно введены:

- 3) квант ключевой информации «500»;
- 4) квант повторной информации «многих».

Обратимся прежде всего к случаю потери ключевой информации (квант 1). Принятое сообщение без этого кванта информации (например, «В его работе приняли участие ученые из разных стран») может иметь следствием дополнительную потерю времени адресатом на поиски уже имевшейся в исходном тексте информации (сколько ученых присутствовало на конгрессе). Это неудобно, но это поправимо. Хуже обстоит дело с прибавочной ключевой информацией (квант 3). Ее появление в выходном тексте может привести не просто к потере времени, но и к дезинформации. В результате получатель будет иметь искаженное представление о значимости конгресса. Дезинформация как следствие появления квантов прибавочной ключевой информации чревата самыми нежелательными последствиями (заседание не может начаться вовремя, если переводчик сказал, что оно начнется в 11 часов утра вместо 10 часов утра, как указывалось в исходном тексте).

Итак, есть все основания утверждать, что наиболее серьезной ошибкой в переводе следует считать появление в переводном тексте кванта прибавочной ключевой информации. Квант непередаваемой ключевой информации

представляет собой значительно менее серьезную по своим последствиям ошибку.

Что касается квантов дополнительной или уточняющей информации (независимо от того, идет ли речь о переданной или прибавочной информации), то к их появлению необходимо подходить более дифференцированно.

Во-первых, они могут выполнять директивную функцию, т. е. учитывать информационный запас адресата. Некоторые понятия переводчик вынужден расшифровывать для некомпетентной аудитории (например, исходный текст «В Лиме премьер-министру была устроена торжественная встреча» — выходной текст для некомпетентной аудитории «В Лиме, столице Перу, премьер-министру была устроена торжественная встреча»).

Во-вторых, их появление может обуславливаться условиями работы переводчика. Например, необходимостью компрессировать текст в синхронном переводе при значительном темпе речи оратора или требованием немедленной передачи ключевой информации адресату при решении оперативных задач, или стремлением при помощи дополнительной или уточняющей информации выиграть время для расшифровки своих записей в последовательном переводе.

Имеется еще меньше оснований рассматривать во всех случаях как ошибку появление квантов повторной информации. Чаще всего они выполняют стилистические функции.

И, наконец, лишь в отдельных случаях следует считать ошибкой несоответствия в виде квантов нулевой информации. Несоответствия в виде квантов переданной нулевой информации типа слов-паразитов, оговорок или описок свидетельствуют о хорошей квалификации переводчика. Кванты прибавочной нулевой информации бывают необходимы переводчику для выигрыша времени в различных видах устного перевода.

Итак, все ошибки в переводе связаны с несоответствиями, появляющимися в виде квантов переданной или прибавочной информации и являющимися продуктом деятельности переводчика.

Все ошибки следует различать в зависимости от ценности того или иного кванта информации.

Не всякое несоответствие нужно рассматривать как ошибку. Некоторые из них могут быть результатом пред-

намеренных действий переводчика. Нормы появления несоответствий различной значимости устанавливаются для каждого вида перевода в отдельности.

Общая градация ошибок в переводе (без учета особенностей каждого вида перевода) могла бы выглядеть следующим образом:

- ошибки 1-й степени, наиболее грубые ошибки, связанные с появлением квантов прибавочной ключевой информации;

- ошибки 2-й степени, связанные с потерей ключевой информации;

- ошибки 3-й степени, связанные с потерей или появлением дополнительной или уточняющей информации;

- ошибки, являющиеся результатом появления несоответствий в виде квантов переданной или прибавочной повторной или нулевой информации, следует отнести к стилистическим ошибкам и оценивать их в зависимости от вида перевода и информационной структуры сообщения как инварианта перевода (предназначена ли, например, информация о структуре для передачи).

ВЫВОДЫ

Соответствие наряду со способом перевода является одной из основополагающих категорий науки о переводе. Соответствие в переводе следует рассматривать с точки зрения различных компонентов, составляющих речевое произведение, а именно: формальных компонентов, семантических компонентов и квантов информации различной ценности. Соответствие всех перечисленных компонентов в текстах перевода практически невозможно. Категория соответствия проявляется в переводе в виде оппозиции: буквальный перевод — вольный перевод. Соответствие формальных или семантических компонентов представляет собой буквальный перевод, который может быть и полноценным и плохим в случаях, когда появляются буквализмы. Установление соответствия между текстами в переводе на уровне ключевой информации, но без учета формальных и семантических компонентов текста, представляет собой вольный перевод. Вольный перевод также может быть плохим, если формальные или семантические компоненты исходного речевого произведения должны быть переданы. В практике перевода буквальный и вольный перевод чередуются в

одном тексте и даже в одном предложении. Установление соответствия на уровне буквального или вольного перевода определяется не только системно-структурными особенностями двух языков (постоянно действующие величины), но и информацией, предназначенной для передачи, т. е. инвариантом перевода. Поскольку инвариант перевода отождествляется с информацией, способной продуцировать заданный смысл и/или дополнительный эстетический эффект, мы считаем возможным говорить об информационной модели перевода, при которой в переводном тексте сохраняется информация, предназначенная для передачи (т. е. сообщение).

Информационная модель перевода основывается на вычленении в исходном тексте информации различной коммуникативной ценности, а если нужно, то и информации о его структуре, и передаче всех значимых для данного вида коммуникации компонентов информации.

Вычленение информации, предназначенной для передачи, происходит интуитивно, но его можно формализовать, основываясь на теории несоответствий. Теория несоответствий исходит из того, что исходный и переводной тексты не совпадают по количеству и качеству информации, содержащейся в них. Сопоставительный анализ текстов в переводе позволяет вычленить речевые отрезки исходного, или переводного, текста, содержащие переданную или прибавочную информацию. Эти речевые отрезки называются несоответствиями. Несоответствия не равноценны, они подлежат дифференциации на кванты информации различной коммуникативной ценности. При помощи квантов информации различной значимости, вычленяемых в качестве несоответствий, а также слоговой величины текстов появляется возможность оценивать количество и качество переданной информации в переводе, дифференцировать ошибки и определять некоторые закономерности процесса перевода.

Глава 11.

ВИДЫ ПЕРЕВОДА

Процесс перевода претерпевает изменения в зависимости от условий работы переводчика и характера исходных текстов. Процесс перевода зависит и от контактирующих языков (перевод с французского языка на

русский или с английского на немецкий и т. п.). В этом случае особенности процесса перевода изучаются частными теориями перевода.

Многообразие процесса перевода порождает не только различные теории перевода (см. главу 1), но и несовпадающие по своим характеристикам виды перевода, выделение которых необходимо научно обосновать.

Всякая научная классификация имеет свою основу деления. Такой основой деления является, например, категория деятеля в переводе, что позволяет различать машинный перевод и перевод, осуществляемый человеком. Для классификации перевода, осуществляемого человеком, используются различные основы деления. Во-первых, считают необходимым учитывать соотношение во времени двух основных операций перевода: восприятие исходного текста и оформление перевода. На этой основе свою классификацию предлагал в 1952 г. Ж. Эрбер [96], различавший два вида устного перевода: синхронный и последовательный. Причем к синхронному переводу он относил и зрительно-устный перевод с листа, а последовательный перевод подразделял на последовательный перевод с применением и без применения технических средств.

Во-вторых, за основу классификации перевода принимают условия восприятия сообщения и оформления перевода [49]. Воспринимать сообщение можно либо зрительно, либо на слух, что уже дает возможность различать зрительный перевод и перевод на слух. Оформлять перевод можно письменно или устно, предусматривая письменный и устный переводы¹. Но так как каждый процесс перевода включает и восприятие сообщения и оформление перевода, то появляется возможность говорить уже о четырех видах перевода: зрительно-письменном переводе, зрительно-устном переводе, письменном переводе на слух и устном переводе на слух. Эту же классификацию позже предложил Л. С. Бархударов [9], но уже не на психологической, а на лингвистической основе. Он предлагает различать те же четыре основных вида перевода в зависимости от формы речи, в которой

¹ Специализация письменных и устных переводчиков закреплена существованием двух международных профессиональных организаций: Международного союза синхронных переводчиков (A.I.I.C.) и Международной федерации письменных переводчиков (F.I.T.).

употребляются исходный и переводной языки, называя их соответственно письменно-письменный, устно-устный, письменно-устный и устно-письменный перевод.

Однако и эта классификация не смогла удовлетворить большинство исследователей. Действительно, зрительно-письменный перевод, например, нельзя ставить в один ряд с письменным переводом на слух. Зрительно-письменный перевод охватывает огромную область практической работы с художественной и научно-технической литературой, а также с информационно-пропагандистскими текстами, в то время как письменный перевод на слух сводится к одному или нескольким видам учебной работы (перевод-диктант, письменный перевод фонозаписей).

Устный перевод на слух в свою очередь включает два широко известных самостоятельных вида перевода: последовательный и синхронный. Зрительно-устный перевод встречается на практике скорее как вспомогательный вид перевода, когда перевод с листа предваряет зрительно-письменный перевод того же текста или используется для диктовки в машинку с последующим редактированием.

Выделение в качестве основы классификации перевода только условий восприятия текста и оформления перевода оказывается недостаточным. В процессе перевода функционирует значительно большее количество умственных механизмов, и условия их работы в различных видах перевода отнюдь не идентичны.

Вот почему необходимо выделить умственные механизмы, функционирование которых в переводе безусловно, и принять условия их работы за основу классификации. Одновременно изучить особенности работы умственных механизмов в каждом из апробированных на практике виде перевода. Если два или три вида перевода характеризуются одними и теми же особенностями функционирования умственных механизмов, то это значит, что речь идет об одном виде перевода. В противном случае мы имеем дело с различными видами перевода, так как каждый самостоятельный вид переводческой деятельности характеризуется только ему присущим набором условий функционирования умственных механизмов переводчика.

Важнейшими умственными механизмами, осуществляющими переводческую деятельность, являются:

— механизмы восприятия исходного текста;
— механизмы запоминания;
— механизмы перехода от одного языка к другому;
— механизмы оформления перевода;
— механизмы синхронизации переводческих операций.

Эти механизмы могут работать в разнообразных условиях: либо в условиях, когда основная нагрузка падает на слуховые анализаторы, либо в условиях зрительного восприятия, либо в условиях перегрузки памяти, либо при наличии письменного исходного текста, либо в условиях последовательного осуществления переводческих операций, либо при их синхронности и т. д. В целом комплекс этих условий может быть представлен следующим образом.

1. Условия восприятия текста сообщения как с точки зрения ведущих анализаторов (слуховое или зрительное восприятие), так и с точки зрения его повторяемости (однократное или многократное).

2. Условия запоминания в связи с величиной воспринимаемых отрезков речи (значительная или незначительная нагрузка на память).

3. Условия переключения с одного языка на другой по времени (ограниченное или неограниченное).

4. Условия оформления перевода как с точки зрения формы речи (устное или письменное оформление), так и с точки зрения возможностей коррекции речи (однократное или многократное).

5. Условия распределения по времени основных операций в процессе перевода (синхронность или последовательность операций).

Сравнительный анализ различных видов переводческой деятельности по только что перечисленным оппозициям (слуховое-зрительное восприятие, значительная-незначительная нагрузка на память и т. д.) должен показать правомерность их выделения в случаях, когда они имеют свою собственную комбинацию признаков.

Для анализа были выбраны виды перевода, нашедшие широкое практическое применение:

- письменный перевод;
- синхронный перевод;
- перевод с листа;
- последовательный перевод;
- абзацно-фразовый перевод;

— двусторонний перевод.

В перечисленные виды перевода не включены такие виды перевода, как допрос военнопленного, который осуществляется в аналогичных двустороннему переводу условиях функционирования умственных механизмов, и радиопереговоры. Радиопереговоры сводятся либо к письменному переводу, если радиопередача записывается на магнитную ленту, либо к последовательному переводу, если он осуществляется немедленно после приема передачи из эфира.

Таблица 6

Вид перевода	Условия деятельности													
	Восприятие сообщения				Запоминание		Переключение с одного языка на другой		Оформление перевода				Порядок операций	
	слуховое	зрительное	однократное	многократное	сложное	простое	ограниченное по времени	неограниченное по времени	устное	письменное	однократное	многократное	синхронный	последовательный
Письменный перевод		+		+		+		+		+		+		+
Синхронный перевод	+		+		+		+		+		+		+	
Перевод с листа		+		+		+	+		+		+		+	
Последовательный перевод	+		+		+		+		+		+			+
Абзацно-фразовый перевод	+		+		+		+		+		+			+
Двусторонний перевод	+		+		+		+		+		+			+

Табл. 6 сравнительных характеристик различных видов перевода содержит условия деятельности по перечисленным выше оппозициям. Крестики, поставленные на пересечении горизонтальных и вертикальных граф, показывают характеристики соответствующего вида перевода. Так, крестик на пересечении горизонтали «письменный перевод» с вертикалью «зрительное восприятие сообщения» говорит о том, что признаком письменного перевода как вида деятельности является зри-

тельное восприятие текста. Совокупность крестиков и есть комбинация признаков данного вида перевода.

Анализ сравнительных характеристик видов перевода в табл. 6 показывает, что последние три вида перевода требуют аналогичного функционирования умственных механизмов переводчика. Следовательно, и абзацно-фразовый и двусторонний перевод, которые выделялись для сравнительного анализа, не являются самостоятельными видами перевода, они представляют собой разновидности последовательного перевода. Абзацно-фразовый перевод отличается от последовательного только величиной отрезков предъявляемого для перевода текста. А двусторонний перевод еще и повторяющимся изменением направления перевода.

Правда, такой вывод несколько противоречит известным утверждениям о самостоятельности двустороннего и абзацно-фразового переводов. Так, Л. А. Гаврилов утверждает специфику двустороннего перевода следующими его особенностями: необходимостью переводить разговорную диалогическую речь и постоянными изменениями направления переключения [17]. Специфику абзацно-фразового перевода видят в возможности обходиться в этом виде перевода без системы записей.

Эти утверждения имеют примерно ту же аргументацию, что и выступления в пользу специфики допроса военнопленного или технического перевода. Все это, безусловно, специфические виды перевода, но их специфика не в особенностях функционирования умственных механизмов переводчика, а в используемых языковых средствах или функциональных стилях. Что касается «постоянных изменений направлений переключения», то опыт показывает относительность этих изменений, так же как и относительность любой диалогической речи, тем более официального порядка, что характерно почти для всех случаев, связанных с переводом. Изменение же направления переключения после перевода более или менее значительных отрезков речи (например, двух-трех фраз), что чаще всего и наблюдается в практике двустороннего перевода, никак нельзя считать своеобразием функционирования умственных механизмов. Нельзя считать таким своеобразием и использование системы записей, которая является вспомогательным средством, способным помочь функционированию умственных механизмов переводчика, но не изменить его.

Итак, с точки зрения функционирования умственных механизмов переводчика следует различать письменный перевод, синхронный перевод, перевод с листа и последовательный перевод.

Конечно, табл. 6 не исчерпывает возможностей классификации. Так, последовательный перевод можно подразделить на односторонний и двусторонний, с записью и без записей (абзацно-фразовый). Но при этом используются другие основы деления при неизменных условиях функционирования умственных механизмов.

Изучение табл. 6 говорит, кроме того, о неравномерном распределении трудностей функционирования умственных механизмов по различным видам перевода. Действительно, все представленные в табл. 6 оппозиции состоят из сложных и простых признаков. Сложные признаки сигнализируют об условиях, затрудняющих операции и действия переводчика, как например, однократное восприятие сообщения, ограниченное во времени переключение с одного языка на другой и т. п. С другой стороны, наличие простых признаков, позволяющее сделать вывод о благоприятных условиях функционирования умственных механизмов переводчика, не позволяет судить о сложности данного вида переводческой деятельности. Сложность того или иного вида переводческой деятельности определяется не только условиями функционирования умственных механизмов переводчика, но и характером исходных текстов, типичных для данного вида перевода, и требованиями, предъявляемыми к переводным текстам, т. е. к результату работы переводчика. Тем не менее распределение сложных и простых признаков между выделенными видами переводческой деятельности, показанное в табл. 7, представляет определенный интерес.

Т а б л и ц а 7

Вид перевода	Признаки	
	сложные	простые
Письменный перевод	—	7
Синхронный перевод	7	—
Последовательный перевод . .	6	1
Перевод с листа	4	3

Табл. 7 как бы проводит грань между письменным переводом, характеризующимся только простыми признаками, и остальными тремя видами перевода, у которых преобладают сложные признаки. Она также вскрывает и основное отличие устного перевода от письменного, которое и заключается в усложненных условиях работы умственных механизмов переводчика.

Условия функционирования умственных механизмов переводчика не являются единственной основой классификации перевода. Работа переводчика зависит и от материала, с которым ему приходится иметь дело, а точнее от тех языковых средств, которые составляют этот материал. Мы уже говорили о единицах речи, требующих отдельного решения на перевод (см. главу 7). Во всех случаях такое решение определялось спецификой семасиологических связей данных единиц речи. Причем специфика семасиологических связей — это не только имманентная особенность той или иной единицы текста, которую приходится учитывать. Можно сказать, что специфика семасиологических связей единиц речи предполагает профессиональную направленность, специальную подготовку переводчика, который собирается осуществлять переводческие операции с этими единицами речи. Для того чтобы переводить единицы речи со стертыми семасиологическими связями, необходимо знать иноязычные эквиваленты: с фиксированными семасиологическими связями — изучить терминологию из той или иной отрасли науки, с временными семасиологическими связями — уметь воссоздавать в переводном тексте образы.

Конечно, большинство материалов, с которыми приходится работать переводчику, включают единицы речи с различными семасиологическими связями. И тем не менее жанровый характер материалов зависит именно от насыщенности их языковыми средствами с соответствующими семасиологическими связями. Так, в текстах художественной литературы преобладают языковые средства с временными семасиологическими связями, т. е. образные выражения, которые необходимы для оказания эмоционального воздействия на читателя. Образные выражения, тропы представляют собой форму художественного познания действительности. Они, как правило, условны, индивидуальны и составляют главную особенность художественных текстов.

Формы научного познания действительности, т. е. научные и технические описания, требуют языковых средств с фиксированной семасиологической связью, которые и были созданы с этой целью в виде терминов. Именно термины и определяют жанровый характер научных и технических текстов.

Наконец, язык средств массовой коммуникации, который представлен в информационно-пропагандистских материалах, насыщен легкодоступными для широкого читателя или аудитора, а потому часто повторяющимися выражениями. Именно в этих материалах преобладают языковые средства со стертой семасиологической связью.

Работа переводчика с текстами, различающимися по характеру языковых средств, преимущественно содержащихся в них, требует также различных профессиональных знаний и умений и даже способностей. Если такие виды перевода, как письменный, синхронный, последовательный, перевод с листа, выделялись в зависимости от условий работы переводчика, которые и составляют основу классификации, то имеется возможность выделить и другие виды перевода, если за основу классификации принять вид семасиологических связей языковых средств, определяющих характер исходных текстов. В этом случае классификация перевода может быть представлена следующим образом (см. табл. 8).

Таким образом, перевод текстов, насыщенных образными выражениями, тропами (языковые средства с вре-

Таблица 8

Текст	Преимущественный характер семасиологических связей языковых средств			Вид перевода
	временность	фиксированность	стертость	
Художественная литература	+	—	—	Художественный
Научно-технические материалы	—	+	—	Научно-технический
Информационно-пропагандистские материалы	—	—	+	Общественно-политический

менными семасиологическими связями), называют художественным переводом.

Перевод текстов, насыщенных терминологией (языковые средства с фиксированными семасиологическими связями), представляет научно-технический перевод.

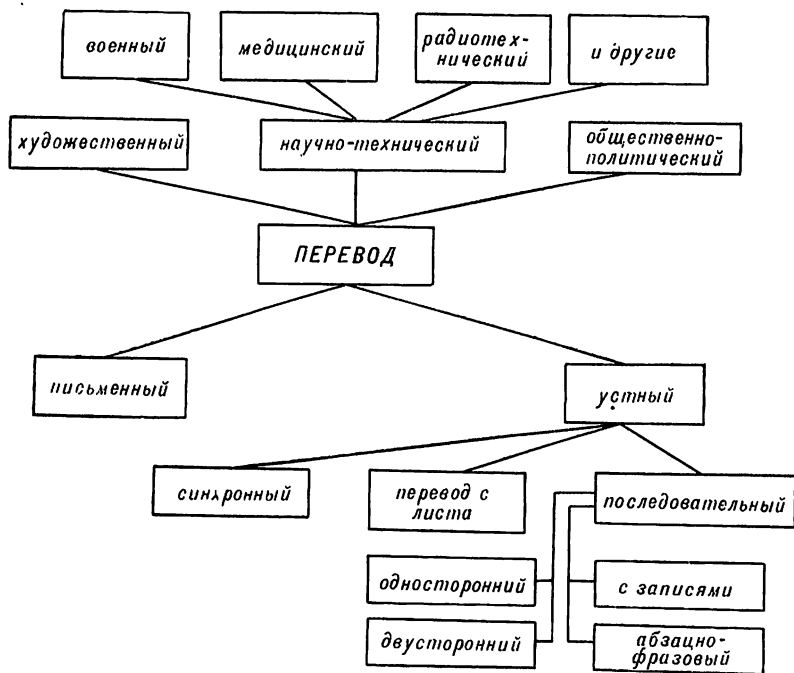
Перевод текстов, насыщенных клише и штампами (языковые средства со стертыми семасиологическими связями), количество которых особенно велико в газетных материалах, является общественно-политическим переводом.

Специализация переводчиков в области художественного, научно-технического или общественно-политического перевода непосредственно связана со спецификой языковых средств, определяющих данный вид перевода. Для работы в области художественного перевода переводчик должен иметь литературный талант или по крайней мере выработать у себя умение облекать свою письменную речь в литературную форму, соответствующую стилю того или иного автора. Этого требуют временные семасиологические связи языковых средств, с которыми ему приходится работать. Временные семасиологические связи языковых средств исключают устные виды перевода, поскольку временные семасиологические связи создаются в результате творчества, которое невозможно в условиях временных ограничений. Именно поэтому художественный перевод есть всегда перевод письменный.

Для работы в области научно-технического перевода переводчику нужны специальные знания в той отрасли науки или техники, откуда взят текст. Так как знать все отрасли науки и техники невозможно, специализируются обычно в какой-либо одной отрасли, что и привело к делению научно-технического перевода на военный перевод, экономический перевод, медицинский перевод, радиотехнический перевод и т. п. Специальные знания нужны не только для того, чтобы понимать исходные тексты, но и для того, чтобы правильно употреблять в речи термины, т. е. языковые средства с фиксированной семасиологической связью. Фиксированность семасиологических связей позволяет устанавливать прямые знаковые связи между языковыми средствами двух языков в переводе, а значит и использовать знаковый способ перевода — необходимое условие устных видов перевода.

Особое место занимает общественно-политический перевод, в котором информационно-пропагандистские тексты перемежаются с научными, и потому языковые средства со стертой семасиологической связью соседствуют с языковыми средствами с фиксированной семасиологической связью. Это значит, что для работы в области общественно-политического перевода нужны, во-первых, соответствующие политические знания, а во-вторых, умение быстро находить межъязыковые эквиваленты. Набор языковых средств со стертыми и фиксированными семасиологическими связями позволяет особенно успешно осуществлять устные виды перевода, хотя и не исключает возможности письменного перевода.

Как видно из изложенного, виды перевода, полученные как ответ на вопрос «Как переводить?» (при основе классификации — условия работы переводчика), не совпадают с видами перевода классификации, имеющей своей основой жанровый характер текстов, т. е. отвечающих на вопрос «Что переводить?». Обе классификации представлены на следующей схеме.

ВЫВОДЫ

В переводе, как и в любой деятельности, переводчик вынужден приспосабливаться к условиям работы. Приспособление к условиям работы практически выливается в следующие виды перевода: письменный, синхронный, последовательный переводы и перевод с листа. Возможны и модификации последовательного перевода в виде одностороннего и двустороннего перевода, абзацно-фразового перевода и перевода с записями.

Приспособление к объекту приложения сил переводчика или к тому, что можно выразить формулой «Что переводить?», порождает другие виды перевода, такие, как художественный, общественно-политический и научно-технический.

Хотя условия функционирования умственных механизмов («Как переводить?») и семасиологические связи языковых средств («Что переводить?») выступают в любом процессе перевода независимо друг от друга, тем не менее их совместимость должна учитываться, в противном случае переводчик не сможет выполнить свою задачу (например, художественное произведение невозможно перевести синхронно или с листа).

Глава 12.

МЕТОДЫ ПЕРЕВОДА

Метод в отличие от способа перевода существует не как объективная закономерность, определяющая действия переводчика, а как система действий, вырабатываемая человеком на основе опыта. Стараясь приспособиться к объективно существующему способу перевода и используя с этой целью различные приемы, переводчик находил наиболее удобные в данных условиях работы действия, которые позволяли получать оптимальные результаты более рациональным образом. Так проходило и проходит становление методов перевода. Метод можно определить как целенаправленную систему взаимосвязанных приемов, учитывающую вид перевода и закономерно существующие способы перевода.

Методы перевода вырабатываются в процессе многолетней практики и в значительной степени зависят от вкусов, привычек и способностей переводчика. Но инди-

видуальное в методах перевода приходит вместе с опытом. Это индивидуальное дополняет или видоизменяет уже существующие методы в различных видах перевода, которые передаются из поколения в поколение или которым обучают в учебных заведениях. На некоторых методах перевода, составляющих основу подготовки переводчиков, нам и хотелось бы остановиться в этой главе.

Метод сегментации текста (письменный перевод).

Письменный перевод имеет наиболее благоприятные условия для функционирования умственных механизмов переводчика. Исходный текст воспринимается зрительно, без ограничений во времени. Память никакой перегрузки не испытывает. Для переключения с языка на язык экстремальных условий не существует. Имеется возможность использовать словари, справочники, любую подсобную литературу. Операции перевода происходят последовательно, более того, они растянуты по времени. Оформление перевода — в письменном виде, имеется возможность неоднократно редактировать продукт своей деятельности.

Это все положительные факторы в работе письменного переводчика. Но есть факторы, осложняющие работу переводчика, которые нельзя не учитывать.

К факторам, осложняющим работу переводчика, относятся:

1. Повышенное влияние формальных и семантических компонентов исходного речевого произведения на переводчика. Отсюда — значительное число буквальных переводов и даже буквализмов у начинающих переводчиков.

2. Письменное оформление перевода, фиксирующее все смысловые и стилистические ошибки переводчика.

Последний фактор приводит к тому, что многие даже высококвалифицированные устные переводчики показывают слабые результаты в письменном переводе.

Для того чтобы максимально использовать положительные факторы и нейтрализовать факторы, осложняющие работу переводчика, и был разработан метод сегментации текста в письменном переводе, основными задачами которого являются:

— «дематериализация» информации, содержащейся в исходном тексте;

— создание естественных условий порождения речи при оформлении перевода.

Для решения этих задач необходимо, во-первых, создать временной интервал между приемом исходного текста и оформлением перевода, а во-вторых, перекодировать информацию, заключенную в исходном тексте.

Все сказанное и нашло свое выражение в методе сегментации текста, который удобнее представить в виде отдельных операций.

Операция первая. Процесс перевода предваряется определением величины текста, который будет подвергаться обработке. Не всякий исходный текст может целиком служить этой цели. Текст, над которым можно начинать работу методом сегментации, должен быть достаточно большим, чтобы переводчик успел забыть исходный способ кодирования (т. е. как та или иная информация оформлена в языке № 1). Но он должен также быть и не слишком большим, с тем чтобы у переводчика осталась в памяти и незафиксированная им в процессе обработки текста информация. При этом следует иметь в виду, что речь идет, естественно, о смысловом, а не о механическом запоминании. Эксперименты в последовательном переводе показали, что незафиксированная информация при дешифровке записей хорошо восстанавливается в памяти даже у неопытных переводчиков после приема первых пяти предложений. Если учитывать, что эксперименты проходили над русскими газетно-публицистическими материалами, средняя длина предложений в которых равна 150—180 печатных знаков, то очевидно, что оптимальным по величине текстом для метода сегментации будет текст в 700—900 печатных знаков. Таким образом, первая операция метода сегментации текста заключается в подготовке отрезка текста соответствующей величины.

Операция вторая. Работа над исходным текстом (или над отрезком исходного текста) начинается с его сегментации (отсюда название метода). Сегментация позволяет сгруппировать содержащуюся в тексте информацию, что уже само по себе является первым шагом для «освобождения» передаваемой информации от исходного кода. Сегментация позволяет выделить в каждом речевом отрезке одну, доминирующую информацию, которая послужит в дальнейшем отправным пунктом при оформлении перевода.

Выделение сегментов основывается на принципе сохранения непрерывности речевой цепочки при следовании управляемого компонента за управляющим словом (см. главу 6).

Для иллюстрации рассматриваемого метода письменного перевода приводим уже сегментированный «исходный текст».

«За годы независимости в Индии || сделано немало || для преодоления неграмотности, || этого тяжелого наследия колониального прошлого, || создающего большие препятствия || на пути социально-экономического и культурного развития страны, || но 70 процентов населения || все еще остается неграмотным. || По официальной статистике, || за годы независимости || уровень грамотности в стране вырос почти на 14 процентов. || Сейчас || четверо из пяти детей в возрасте до 11 лет || посещают школу. || Число школьников || с 1961 года по 1972 год || увеличилось в три с половиной раза || и превысило 90 миллионов. || В настоящее время || начальное образование || является бесплатным || и обязательным во всех штатах страны. || А в соответствии с директивными принципами государственной политики || бесплатное и обязательное образование до 8-го класса || будет введено почти во всех штатах. || И все-таки, по мнению общественных кругов, || средств, выделяемых на нужды образования, || все еще недостаточно. || В значительной степени по этой причине || задание в области начального образования, || как свидетельствует статистика, || выполняется неполностью».

Итак, вторая операция рассматриваемого метода заключается в сегментации исходного текста или его отрезка, подготовленного для дальнейшей работы.

Операция третья. Третья операция заключается в выделении доминирующей информации из каждого речевого сегмента. Речевые сегменты не равнозначны. Одни из них содержат только один квант информации. Например, в приведенном выше сегментированном тексте один квант информации содержится в речевых сегментах «сейчас», «в настоящее время», «является бесплатным». В других сегментах даже потенциальная возможность выделить два кванта информации не мешает свести их к одному: «по официальной статистике» (статистика), «посещают школу» (школьники), «все еще остается не-

грамотным» (неграмотно). Но даже в случае если один и тот же речевой сегмент содержит несколько квантов примерно равноценной информации, необходимо выделить одну информацию, которая по своей емкости перекрывала бы другие кванты информации. Это сделать проще, если иметь в виду особенности смыслового анализа (выделение доминирующей информации есть всегда результат смыслового анализа), которые позволяют сделать следующие рекомендации.

Во-первых, вычленение доминирующей информации можно начинать только после отчетливого понимания содержания каждого предложения.

Во-вторых, для вычленения доминирующей информации необходимо оценить удельный вес каждого слова сегмента. Оценка удельного веса слов происходит как с точки зрения их смысловой значимости, так и с точки зрения возможности перекрыть одним словом содержание других слов сегмента. Так, в речевом сегменте «уровень грамотности в стране» (см. сегментированный текст) можно выбрать одно слово из трех. Но слово «в стране» содержит уточняющую информацию: и так ясно, что речь идет об уровне грамотности в стране. Такую же информацию несет и слово «уровень». Остается слово «грамотность», информация которого покрывает информацию других слов. Выбор слов с наибольшим удельным весом в речевом отрезке представляет собой один из методов смыслового анализа. Этот метод называется методом выбора слов с наибольшей смысловой нагрузкой.

В-третьих, если доминирующая информация сегмента содержится в двух или нескольких словах, то следует прибегнуть к известному в смысловом анализе методу трансформации, т. е. обозначить доминирующую информацию другим словом или даже символом. Так, в первой фразе анализируемого текста есть два речевых сегмента, в которых этот метод может быть применен. В сегменте «создающего большие препятствия» ту же информацию следует обозначить словом «тормозящего», а сегмент «на пути социально-экономического и культурного развития страны» выразить словом «прогресс».

Итак, третья операция при переводе методом сегментации текста заключается в выделении доминирующей информации сегмента.

Операция четвертая. Вычлененную доминирующую информацию каждого сегмента следует зафиксировать на бумаге, чтобы не забыть. Для этого следует подыскать обозначения, которые характеризовались бы краткостью, наглядностью и емкостью. Краткость позволит избежать повторения уже использованного в исходном тексте способа обозначения. Емкость должна позволить вместить возможно большее количество информации в краткое обозначение. Наглядность представляет собой качество, способствующее удержанию в памяти зафиксированной и незафиксированной информации. Следовательно, при обозначении информации каждого сегмента следует ограничиться одним знаком. Такой знак может быть:

— либо одним емким словом, чаще всего родного языка (слова родного языка наиболее употребительны во внутренней речи человека и вызывают больше ассоциаций);

— либо условным обозначением, совпадающим с некоторыми нашими внутренними представлениями или сигнализирующим о них (так, «неграмотность» в приведенных ниже записях обозначена перечеркнутыми первыми буквами алфавита **АБВ**; «настоящее время» через вертикальную стрелку; «образование» в виде раскрытой книги; стрелка, поднятая вверх, показывает рост, превышение; математический знак больше использован по своему прямому назначению; открывающие кавычки перед раскрытой книгой обозначают начальное образование; две точки, взятые в круг, следует понимать как мнение общественных кругов; три поставленные рядом кружка представляют финансовые средства).

Выбранные для записей слова и условные обозначения располагаются примерно в той же последовательности, что и сегменты, хотя в некоторых случаях и допускаются перестановки, чтобы выдвинуть, например, на первое место группу подлежащего, а на второе группу сказуемого. Каждое новое предложение записывается с начала строки. Друг от друга записанные знаки отделяются запятыми. После знака, представляющего последний сегмент предложения, ставится точка.

Вот как выглядит запись доминирующей информации вышеприведенного текста по речевым сегментам.

Исходный текст

«За годы независимости в Индии || сделано немало || для преодоления неграмотности; || этого тяжелого наследия колониального прошлого, || создающего большие препятствия || на пути социально - экономического и культурного развития страны, || но 70 процентов населения || все еще остается неграмотным.

По официальной статистике, || за годы независимости || уровень грамотности в стране || вырос почти на 14 процентов.

Сейчас || четверо из пяти детей в возрасте до 11 лет || посещают школу.

Число школьников || с 1961 года по 1972 год || увеличилось в три с половиной раза || и превысило 90 миллионов.

В настоящее время || начальное образование || является бесплатным || и обязательным во всех штатах страны.

Запись доминирующей информации

Своб Индия, немало, АБВ, наследие, тормозит, прогресс, 70%, АБВ.

Статистика, независимость, ↗ 14%, АБВ.

↓, 4/5 до 11, школьники.

61-72, школьники, ↗ 3,5,

> 90 млн.

*↓,,

, бесплатно, обязательно.*

А в соответствии с директивными принципами государственной политики || бесплатное и обязательное образование до 8-го класса || будет введено почти во всех штатах.

И все-таки, по мнению общественных кругов, || средств, выделяемых на нужды образования, || все еще недостаточно.

В значительной степени по этой причине || задание в области начального образования, || как свидетельствует статистика, || выполняется не полностью».

План, 8, штаты.

, , мало.

Поэтому, ,
не полностью, статистика.

Итак, четвертая операция при переводе методом сегментации текста заключается в произвольном экономном обозначении вычлененной доминирующей информации каждого сегмента. Именно в результате четвертой операции завершается «освобождение» информации от исходного кода. Это достигается как заменой нескольких слов сегмента одним обозначением, так и специально созданным разрывом во времени между действиями по извлечению информации из текста и по оформлению перевода, что способствует забыванию использованных слов.

Операция пятая. Пятая операция заключается в переходе от имеющихся в распоряжении переводчика кратких обозначений каждого сегмента к развернутым высказываниям на языке перевода. При этом обращение к оригиналу (исходному тексту) полностью исключается. Если учесть, что записи каждого сегмента представляют собой краткое обозначение далеко не всей информации и обозначения сегментов между собой не имеют зафик-

сированной на бумаге логической связи, то становится ясным, что переводчику приходится не переходить от слова или нескольких слов одного языка к словам другого языка, а порождать текст заново, опираясь на имеющиеся в его распоряжении смысловые вехи и правила языка № 2. Тем самым ликвидируются предпосылки к переносу в текст перевода исходных способов кодирования. Зафиксированные на бумаге обозначения важно рассматривать как следы информации, способные подсказывать переводчику всю информацию, составляющую сообщение.

Продemonстрируем пятую операцию на том же тексте, но без перехода на язык перевода, чтобы сделать наш пример доступным для всех читателей.

Запись доминирующей информации

*Свб Индия, немало. АБВ.
наследие, тормозит, прогресс,
70%, -АБВ.*

Статистика. независимость,

↗ 14%, АБВ.

↓, 4/5 до 11, школьники.

61-72, школьники, ↗ 3,5,

> 90 млн.

Выходной текст

«За годы независимости в Индии сделано немало для того, чтобы ликвидировать неграмотность, это ужасное наследие колониального прошлого, которое задерживает культурное и экономическое развитие страны. Однако примерно 70% населения Индии остается еще неграмотным.

По данным официальной статистики, около 14% населения обучились грамоте после завоевания независимости в стране. В настоящее время четверо из пяти детей до одиннадцати лет посещают школу.

За период 1961—1972 гг. количество школьников увеличилось в 3,5 раза и превысило 90 млн. чело-

↓, , бесплатно,
обязательно.

План, 8, штаты.

, ∞, мало.

Поэтому, ,
неполностью, статистика.

век. В настоящее время начальное образование бесплатное и обязательное во всей стране.

В соответствии с директивными принципами правящей партии в стране восьмилетнее бесплатное и обязательное образование будет введено почти во всех штатах.

Однако, по мнению общественных кругов, средств на народное образование отпускается еще недостаточно.

Это и является основной причиной того, что задания по начальному образованию выполняются, по данным статистики, не полностью.»

Всю информацию исходного текста переводчик может в своей памяти не восстановить, поэтому порожденный им на языке № 2 текст не является еще окончательным вариантом перевода. Для того чтобы он стал окончательным вариантом, необходима еще одна — шестая операция.

Итак, пятая операция при переводе методом смысловой сегментации заключается в порождении текста на языке № 2 на основе зафиксированной доминирующей информации каждого сегмента.

Операция шестая. Эта последняя операция представляет собой редактирование полученного в результате пятой операции текста. Имеется в виду не стилистическое редактирование, которое, конечно, не исключается там, где это необходимо. Имеется в виду редактирование с целью восстановления в тексте переданной информации и устранения прибавочной информации, которая также возможна. Такое редактирование производится путем тщательного сравнения полученного после работы переводчика текста с исходным. Все зафиксированные несоответствия выявляются и оцениваются.

Несоответствия, нарушающие процесс передачи сообщения, устраняются.

Рассмотрим редактирование полученного текста на нашем примере. Для этого сравним исходный текст с текстом, полученным в результате развертывания записанной доминирующей информации в высказывания. Такое сравнение позволит выявить несоответствия, а именно:

— «социальное» — не передана дополнительная информация, которая заключена в этом слове (первое предложение выходного текста);

— «примерно» — квант прибавочной дополнительной информации (второе предложение выходного текста);

— «Индии» — квант прибавочной уточняющей информации (второе предложение выходного текста);

— «уровень грамотности вырос на 14%» — квант непереданной ключевой информации (второе предложение исходного текста);

— «14% населения обучились грамоте» — квант прибавочной ключевой информации (третье предложение выходного текста);

— «до 8-го класса» — квант непереданной ключевой информации (шестое предложение исходного текста);

— «восьмилетнее образование» — квант прибавочной ключевой информации (седьмое предложение выходного текста);

— «правящей партии в стране» — квант прибавочной дополнительной информации (седьмое предложение выходного текста).

Если устранение несоответствий в виде квантов уточняющей информации производится не обязательно, то все ошибки, связанные с ключевой и дополнительной информацией, исправляются немедленно.

Соответственно первое предложение выходного текста дополняется словом «социальное», из второго предложения выходного текста убирается слово «примерно», переделываются третье и седьмое предложения выходного текста, которые должны после исправления выглядеть следующим образом:

«По данным официальной статистики, уровень грамотности вырос на 14% после завоевания независимости в стране» (третье предложение).

«В соответствии с директивными принципами государственной политики бесплатное и обязательное обра-

зование до 8-го класса будет введено почти во всех штатах» (седьмое предложение).

Так происходит последняя, шестая операция, завершающая перевод методом сегментации текста.

Сущность этого метода состоит в реализации смыслового способа перевода через «дематериализацию» информации исходного текста и в создании условий, аналогичных беспереводному порождению речи.

Метод сегментации текста в письменном переводе имеет особое значение для подготовки переводчиков, так как он способствует развитию важных навыков и умений, в том числе:

- умения освободиться от «гипноза» формальных компонентов исходного текста;

- умения осуществлять смысловой анализ, приобретаемого в процессе вычленения доминирующей информации каждого речевого сегмента;

- умения извлекать из текста максимум информации в результате сегментации текста и выделения доминирующей информации;

- навыка логического развития инициального понятия (в данном случае зафиксированной информации), что существенно не только как овладение одним из приемов перевода, но и как подготовка к изучению системы записей;

- умения вести сравнительный анализ текстов в переводе для выявления несоответствий и стилистических особенностей оригинала;

- навыков определения коммуникативной ценности информации;

- навыков самоконтроля при повторном сличении текстов перевода и оригинала;

- навыков редактирования текстов.

Метод сегментации текста со всеми теми операциями, которые были описаны, редко встречается в работе опытных переводчиков. Однако отдельные операции, исполняемые произвольно или непроизвольно, наблюдаются в любом письменном переводе. К нему полезно прибегать и в случаях, когда формальные компоненты исходного речевого произведения затрудняют выбор оптимального варианта перевода.

Метод сегментации текста не является единственным методом письменного перевода. Но он выгодно отличается от других существующих методов и приемов тем,

что предусматривает работу не с отдельными элементами текста (предложения, лексические единицы), а со всем текстом или по крайней мере со значительной его частью. Кроме того, метод сегментации текста отличается универсальностью с той точки зрения, что он может быть использован при любой паре контактирующих языков и независимо от направления перевода (с иностранного языка на родной и с родного языка на иностранный).

Метод записи (последовательный перевод).

Последовательным переводом называют устный перевод текста после его прослушивания. Однако последовательно можно переводить каждую фразу или каждый абзац. Недаром такой перевод называют абзацно-фразовым переводом. Последовательно можно переводить и после прослушивания всего текста независимо от его длины. Последовательный перевод всего текста после его прослушивания — это показатель высокой квалификации переводчика, способного выполнять свои задачи на самом высоком уровне. Многие политические и общественные деятели не любят прерывать свои речи для того, чтобы дать время на перевод. Они справедливо считают, что прерванная речь теряет в логике изложения, в эмоциональном заряде, оказывая меньшее впечатление на слушателей, чем речь, произнесенная полностью. Однако иногда речи длятся несколько минут, что делает невозможным удержание в голове переводчика всего текста речи. Последовательный перевод такой речи оказывается возможным только в том случае, если переводчик использует в своей работе записи. Использование записей сделало переводчика практически независимым от привычек оратора. Высококвалифицированные переводчики международных организаций, используя метод записей, выполняют последовательный перевод речи любой продолжительности, сохраняя не только ключевую, но и всю второстепенную информацию, включая и эмоции оратора.

Напомним, что последовательный перевод происходит в очень сложных условиях работы умственных механизмов переводчика: слуховое однократное восприятие исходного текста, огромная нагрузка на память, временные ограничения для перехода с одного языка на другой, устное и однократное оформление перевода. По сравнению с другими видами устного перевода у после-

довательного перевода есть лишь одно преимущество: переводческие операции совершаются в нем не синхронно, а последовательно. Именно это обстоятельство и использовано в методе записей, цель которого всячески смягчить существующие экстремальные условия работы переводчика. В результате использования записей две основные переводческие операции — восприятие исходного текста и оформление перевода — еще более отдалены друг от друга, память в значительной степени избавлена от перегрузки, и переход от одного языка к другому происходит в более благоприятных условиях. Самое же существенное заключается в том, что в результате использования этого метода переводчик избавлен от своей постоянной зависимости от оратора.

Итак, в чем заключается сущность метода записей в последовательном переводе? [51].

Внешняя сторона этого метода чрезвычайно проста: во время речи оратора переводчик делает записи, на основании которых позже осуществляет оформление перевода. Однако не всякая запись может гарантировать передачу сообщения и не всякую запись в состоянии сделать переводчик в трудных условиях своей работы. Для того, чтобы успеть сделать записи во время речи оратора, и для того, чтобы эти записи могли помочь уловить сообщение и позже оформить его в виде перевода, необходимо соблюдать определенные правила.

Правило первое. Весь поступающий лексический материал подвергается селекции с целью выделения ключевой или уникальной информации. Это значит, что воспринимаемый на слух исходный текст подвергается постоянному смысловому анализу с целью извлечения из него так называемых инвариантных единиц (единиц текста, составляющих сообщение). Смысловой анализ поступающего текста представляет собой ряд операций, которые выражаются в смысловой группировке текста путем его сегментации на отрезки, содержащие каждый одно смысловое целое, в выделении квантов информации различной ценности, в анализе этих квантов для вычленения ключевой информации, в поиске наглядных средств для обозначения ключевой информации. Поиск наглядных средств обычно начинается с обращения к наиболее привычным средствам для обозначения информации. Наиболее привычными средствами являются, естественно, слова, тем более что именно слова поступа-

ют к переводчику в виде исходного текста. Селекция поступающих единиц текста завершается либо выбором слов, несущих наибольшую информационную нагрузку, что можно считать одним из методов смыслового анализа, либо выбором рельефного слова, способного аккумулировать значительное количество информации — еще один метод смыслового анализа. Если почему-либо имеющиеся в распоряжении переводчика слова, включающие значительное количество информации, его не удовлетворяют, он подыскивает лексическую или идеографическую замену.

Сказанное лучше продемонстрировать на примере. Предположим, поступает следующий исходный текст:

«10 сентября в столицу нашей Родины г. Москву прибывает делегация представителей промышленных и деловых кругов США во главе с господином Стоуном».

Метод выбора слов с наибольшей информационной нагрузкой предполагает отбор следующих единиц текста: «10 сентября, Москва, прибывает, представители промышленных и деловых кругов США, Стоун». Все эти слова с ключевой информацией. Однако вряд ли кого-либо может удовлетворить такая громоздкая единица текста, как «представители промышленных и деловых кругов США». Подыскиваем возможно более экономную замену. Действительно, ту же информацию можно выразить одним словом «бизнесмены».

Итак, отбор ключевой информации исходного текста завершаем выбором следующих слов: «10 сентября в Москву прибывают бизнесмены со Стоуном».

Подавляющее большинство этих слов взято непосредственно из исходного текста, слово же «бизнесмены» получено в результате трансформации более громоздкой единицы текста, т. е. метод выбора слов с наибольшей информационной нагрузкой дополнен приемом трансформации, который выступает иногда в смысловом анализе как самостоятельный метод.

В некоторых случаях используется и метод выбора рельефного слова, его можно продемонстрировать на следующем примере:

ИТ «Мы весь вечер слушали ансамбль, великолепно исполнявший эту самобытную яркую музыку».

Запись: «Мы слушали вечером самобытную».

В этой записи слово «самобытную», выделяющееся своей неординарностью, несет ту же информацию, что

семь последних слов исходного текста, именно благодаря тем ассоциациям, которые оно вызывает. Такое слово принято называть рельефным, а его выделение для записи методом выбора рельефного слова.

Правило второе. Отобранные слова следует фиксировать при помощи сокращенной буквенной записи.

Выделенную ключевую информацию необходимо как-то обозначить. Наиболее естественным способом материализации информации является использование слов. Обычное буквенное написание слов весьма неэкономно. Чаще всего принято сокращать слова, отбрасывая их окончания. Например, «крас.», «молод.», «короб.». Но такое сокращение приводит к разночтению: «крас.» может быть и «красочный», и «красота», и «краска», и «краситель»; «молод.» читается и как «молодежь», и как «молодняк», и как «молодец», и как «молодожен» и т. д. Для русского языка более экономным и эффективным является сокращение слов за счет гласных. Это положение вытекает из особенностей фонематической системы русского языка, насчитывающей всего 5 гласных на 39 фонем. Само собой разумеется, что каждый из 34 согласных играет значительно большую смысловозначительную роль, чем один из пяти гласных. Отсюда вывод: согласные записывать обязательно, а гласные только в начале слова, где сосредоточивается его смысловая информация, и в конце слова, содержащем грамматическую информацию. Вот как выглядит подобная буквенная запись:

«Прпдвтьл прдлгт стднтм вплнтъ спц упржня и
отвть на все здн впрсы».

Такая запись читается без труда и в то же время сокращает потребное количество букв на 40—45%. Полностью во всех случаях нужно записывать слова, содержащие не более четырех букв, а также незнакомые имена собственные. Окончания прилагательных записывать необязательно.

Запишем согласно правилу сокращенной буквенной записи выделенные нами слова с ключевой информацией из исходного текста:

«10 снтбря в Мскву прбвт бзнсмны со Стоуном».

Правило третье. Выделенную информацию следует располагать на бумаге вертикально, четко обозначая границы каждого предложения и синтаксические связи внутри предложения и между предложениями,

Любая запись должна быть расположена на бумаге таким образом, чтобы без труда можно было видеть границы каждой мысли и существующие синтаксические отношения между квантами выделенной информации, показывающие ход этой мысли. Известно, что в естественных языках для выражения синтаксических отношений используются формы слов (флективные языки), служебные слова, порядок слов и интонация. Интонация представляет собой особенность устной речи. Формы слов и служебные слова сделали бы записи громоздкими, поэтому прибегать к ним также нет смысла. Остается порядок слов, который можно эффективно использовать, если принять за основу прямой порядок слов при вертикальном расположении записей.

Вертикальное расположение записей (т. е. в узкой полосе бумаги) позволяет не только экономить время на перенос руки от одного края листа бумаги к другому. Оно позволяет четко обозначить границы предложения и отразить логику записанной мысли. Для этого на первом месте (с левого края бумаги) записывается субъект или группа подлежащего, а на строчку ниже и несколько правее — предикат или группа сказуемого. При этом имеется в виду не подлежащее исходного текста, а субъект в выделенной ключевой информации, т. е. та логическая схема восприятия мысли, которая сложилась в голове переводчика. При этом иерархия отношений внутри этой логической схемы сохраняется и на бумаге: на первом месте записывается информация доминирующая, на втором — подчиненная. Если то же самое выразить в грамматических терминах, то это значит, что сказуемое, например, записывается впереди относящихся к нему дополнений.

Вот как выглядит в соответствии с этими правилами запись следующего предложения:

«Сингапур, население которого составляет 2,3 млн. человек, в прошлом году посетило более 1,5 млн. туристов из-за рубежа».

1,5 млн. туристов

посетило в прошлом году

Сингапур

(население 2,3 млн.)

Слова «в прошлом году» и «Сингапур» как подчиненные сказуемому «посетило» записаны после него и

столбиком. «Население — 2,3 млн». записано в скобках как обособление. Обособления, которые в смысловом отношении доминируют над словом, к которому они относятся, выносятся наверх при помощи стрелки, как это видно из следующего примера:

«Советский народ, вдохновленный решениями съезда, выполняет пятилетний план».

Сов. народ решения съезда
 выполняет пятилетку

Доминирующее обособление имеется и в уже неоднократно использованном для иллюстрации тексте, в котором говорится о приезде в Москву американских бизнесменов. Запись этого текста могла бы выглядеть так:

Бизнесмены Стоун
 прбвт в Мскву
 10 сентября

Вертикальная запись показывает и другие виды синтаксических отношений, наиболее частотные из которых следует показать особо.

Вводящие конструкции. Так называются те части предложения (чаще всего это главные предложения в некоторых сложных предложениях), которые сами ничего нового не сообщают, а указывают на источник сообщения. Вот наиболее характерные из них: «Я думаю, что...», «Мне кажется, что...», «Из газет стало известно, что...», «Очень приятно, что...» и т. п. Вводящие конструкции отделяются от остальной части сообщения двумя точками. Вот как это выглядит на примере:

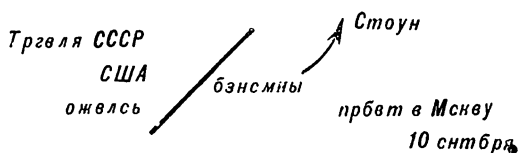
«Центральные газеты сообщают, что 10 сентября в столицу нашей Родины г. Москву прибывает делегация представителей промышленных и деловых кругов США во главе с господином Стоуном».

Центр гзты: Стоун
 Бизнесмены
 прбвт в Мскву
 10 сентября

Причинно-следственные отношения. Это наиболее распространенные отношения между членами предложения, а также между предложениями. Тем более что к ним можно отнести и псевдокаузальную зависимость, т. е. временную связь явлений, сохраняющую видимость причинной зависимости: «Если сейчас весна, то за ней непременно наступит лето».

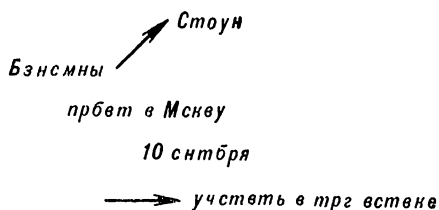
Причинно-следственные отношения показываются в записях наклонной чертой, отделяющей «причину» (над чертой) от «следствия» (под чертой). На примере это выглядело бы следующим образом:

«Результатом оживления торговых отношений между СССР и США является прибытие 10 сентября в столицу нашей Родины г. Москву делегации представителей промышленных и деловых кругов США во главе с господином Стоуном».

Указание цели. В речи для выражения цели действия используются предлоги и сочетания типа «для», «для того чтобы», «ради», «с тем чтобы», «с целью», а также придаточные предложения цели. В записях во всех этих случаях прибегают к стрелке, как это видно на следующем примере:

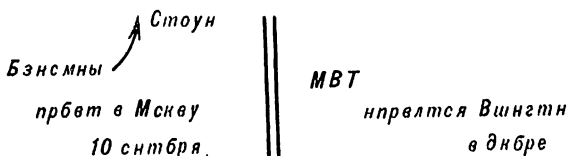
«10 сентября в столицу нашей Родины г. Москву прибывает делегация представителей промышленных и деловых кругов США во главе с господином Стоуном для того, чтобы принять участие в открытии торговой выставки».

Сопоставление. Сопоставление в широком плане как сравнение имеющихся данных, параллельное существо-

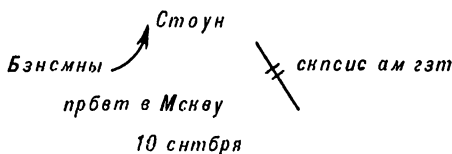
вание некоторых условий, различной обстановки, одновременность действий — все это показывается в записях двумя параллельными линиями. Например:

«10 сентября в столицу нашей Родины г. Москву прибывает делегация представителей промышленных и деловых кругов США во главе с господином Стоуном, в декабре ожидается ответный визит в Вашингтон сотрудников Министерства внешней торговли СССР».

Уступительность. Отношения между действием и условием, которое, будучи препятствием, все же не мешает осуществлению действия, называют в грамматике уступительностью. В записях уступительность как бы противопоставляется причинности, вследствие чего принятая для обозначения причинности наклонная черта перечеркивается во всех случаях уступительных отношений. Например:

«Несмотря на скептические высказывания некоторых американских газет, 10 сентября в столицу нашей Родины г. Москву прибывает делегация представителей промышленных и деловых кругов США во главе с господином Стоуном».

Правило четвертое. Для выделенной из исходного текста информации следует преимущественно находить экономное и наглядное обозначение, независимое от языка—источника. Функции такого обозначения лучше всего выполняют символы.

Обозначение выделенной информации словами исходного языка представляет собой распространенный, но не экономный способ записи. Более эффективно использовать небольшое число простых условных знаков, передающих информацию не через различные комбинации

букв, а непосредственно, в связи с ассоциациями, которые они вызывают. Простой условный знак, выражающий какое-нибудь понятие, идею, принято называть символом. Экономные и наглядные обозначения, используемые в записях, также называют символами.

В записях символы будут отвечать своему назначению, если они удовлетворяют таким требованиям, как экономичность, наглядность и универсальность.

Экономичность символов заключается, во-первых, в простоте их исполнения, а во-вторых, в широкой понятийной основе. Последнее достигается тем, что каждый символ связан не с определенным предметом, явлением (денотатом) или классом предметов, явлений (референтом), а с признаком, который можно обнаружить в целом ряде предметов, явлений. Например, такой признак, как кавычки (‘’), которые мы ставим при прямой речи, может сигнализировать о понятиях, обозначаемых следующими словами: речь, выступление, говорить, оратор, статья, газета, радио или телепередача, диктор, ведущий, комментатор и т. п. Вполне естественно, что графическое исполнение кавычек не может вызвать каких-либо затруднений.

Наглядность символов проявляется не только в том, что их легче прочесть, чем слова, написанные к тому же неразборчиво, и что они больше выделяются на листе бумаги, но и в том, что сам рисунок символа вызывает нужные в данном случае ассоциации. Так, символ , напоминающий голову на шее, сигнализирует о понятиях, обозначенных такими словами, как руководитель, шеф, директор, президент, премьер-министр, председатель, общественный деятель, начальник, командир и т. п. Другими словами, нарисованная голова легко ассоциируется с используемым в данном символе признаком «глава». Впрочем, символ должен вызывать и косвенные ассоциации: он должен помогать памяти воссоздавать контекст, в котором вычленялась информация, обозначенная символом.

Универсальность символов заключается в их грамматической индифферентности. В отличие от языковых знаков символы сами по себе никакой грамматической информации не несут. Один и тот же символ способен обозначать любую часть речи и любой член предложения; тот или иной статус в предложении он обретает в зави-

симости от места его расположения на бумаге. Так, символ восклицательный знак (!) может выступать в записях как заместитель слов «решение», «решать», «решительный», «решительно», т. е. слов, относящихся к различным частям речи. Кроме того, символы не выражают никакой классификационной информации [10], т. е. информации о роде, падеже, одушевленности, определённости и т. п.

И все-таки некоторая грамматическая информация при помощи символов показывается. Но она показывается не любым символом, а специально созданными с этой целью символами. Так, иногда оказывается совершенно необходимым обозначить категорию множественности. Для этого имеется особый знак в виде цифры два, которая проставляется над символом. Можно сказать, что множественное число выражается возведением символа в квадрат: \circ — руководитель, \circ^2 — руководители; \square — страна, \square^2 — страны; \triangle — делегат, \triangle^2 — делегаты.

Для обозначения категории времени приняты так называемые временные символы, к которым относятся:

\downarrow — настоящее время, сейчас, текущий момент и т. д.;

\rightarrow — будущее время, перспектива, завтра и т. д.;

\leftarrow — прошедшее время, история, вчера и т. д.;

\dashv — некоторый период времени;

$<$ — начало действия;

$>$ — конец действия.

Временные символы используются как для обозначения категории времени, так и просто временных признаков, ассоциируемых с теми или иными понятиями.

Примеры:

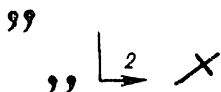
«Мы уверены, что все студенты нашей группы сдадут экзамены».

Мы :

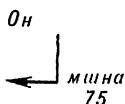
студенты

\rightarrow экзамены

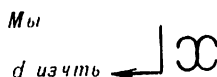
«Лектор рассказывал о перспективах авиации».

«Он купил машину в 1975 году».

«Мы обязаны изучать славное прошлое своего народа».

Наиболее эффективно используются те символы, которые выбрал сам переводчик. Конечно, при выборе символов более рационально использовать знаки и сокращения, с которыми мы сталкиваемся в повседневной жизни. Имеются в виду знаки дорожного движения, знаки препинания, математические и химические знаки, а то и просто буквы русского и латинского алфавита.

Все символы по способу обозначения подразделяются на буквенные, ассоциативные и производные.

Буквенные символы. Если буква выполняет не смысловозначительные функции в слове, а связана с признаком, понятием, то она становится символом. Правда, чаще всего буква связывается с понятием не непосредственно, а через слово, принятое для обозначения этого понятия. Поэтому буквенные символы выбираются обычно для наиболее часто встречающихся в последовательном переводе понятий: М — мир, С — социализм, R (Russie) — Советский Союз, US — США. Иногда используются и две буквы: дм — демократия, кп — капитализм. Буквенные символы наименее экономные, так как они чаще всего связаны с одним понятием.

Ассоциативные символы. Ассоциативными символы называются потому, что их начертание напоминает какие-либо предметы, явления и они обозначают признак целого ряда понятий. Рисунок человечка без головы (☹) ассоциируется с народом, нацией, людьми,

серб (С) связан с понятием сельского хозяйства: колхозник, колхоз, аграрный, крестьянский и т. п. Особенно емкими символами оказываются стрелки. Изображение стрелки говорит о действии, движении, о переходе из одного состояния в другое. Различное положение стрелки способствует возникновению различных ассоциаций:

→ передавать, приходить, доставлять, добиваться и т. п.

← получать, забирать, импортировать, завлекать и т. п.

↗ повышать, улучшать, закреплять, расширять и т. п.

↘ снижать, ухудшать, опускать, обостряться и т. п.

К ассоциативным символам относятся и некоторые буквы, если буква-символ представляет не слово, а признаки, свойственные ряду понятий. Например, А — атомный, атомная бомба, ядерные запасы и т. д.; К⁰ — компания, монополия, олигархия и т. п.; V — победа, свобода, независимость и т. п.

Производные символы. К ним относятся все новообразования на базе буквенных или ассоциативных символов. Производные символы образуются разным путем. Во-первых, через генерализацию понятий, переход от видовых понятий к родовым. Это достигается путем заключения исходного символа в круг: Δ — делегат, ⊕ — делегация; ! — резолюция, ⊙ — закон; ∞ — народ, ⊗ — человечество.

Во-вторых, путем конкретизации значения исходного символа. Для этого исходный символ «возводится в квадрат»: М — мир, М² — миролюбивые организации; И — империализм, И² — империалистические круги; дм — демократия, дм² — демократические организации.

В-третьих, антонимическим путем, т. е. «отрицанием» исходного символа, которое практически достигается его перечеркиванием: ⚡ — напряжение, ✂ — разрядка международной напряженности; ✂ — вооружение, ✂ — разоружение; ↗ — вмешательство, атака, ↗ — невмешательство.

В-четвертых, путем сочетания двух или нескольких исходных символов. Например, символы М (мир) и ⊖ (сотрудничество) дают составной символ М ⊖

(мирное сосуществование); символы \bigcirc (совещание) и \nearrow (доминирующий элемент сообщения) слагаются в новый символ \oint (совещание на высшем уровне); символы \longrightarrow (двигаться) и Ж (жизнь) суммируются в обозначение $\longrightarrow Ж$ (претворять в жизнь). А вот и составной символ на базе нескольких исходных символов: \bigcirc (соглашение), \bigcap (ядерный взрыв), \longrightarrow (движение) в сумме дают $\bigcirc \nwarrow \nearrow$ (договор о запрещении ядерных испытаний в трех сферах).

В-пятых, путем переосмысления исходного символа «стрелка». Так, ограниченная слева горизонтальная стрелка \dashrightarrow начинает обозначать атаку, вмешательство; две стрелки, направленные вверх $\nearrow \nearrow$, замещают слова успех, достижение; две стрелки, параллельно направленные вправо \Longrightarrow , следует понимать как усилия, стремления.

Использование символов для фиксирования информации, выделенной из исходного текста, лучше показать на исходном тексте, который до сих пор был у нас записан следующим образом:

Бизнесмены \nearrow Стоун
 пребывают в Мскву
 10 сентября

Информацию, заключенную в слове «бизнесмены», можно обозначить как руководители промышленности. И то и другое понятие имеют условные обозначения в виде символов \wp Ш. Слово «прибывают» показывается стрелкой, а месяц сентябрь порядковым номером. В целом запись будет выглядеть так:

\wp^2 Ш \nearrow Стоун
 \longrightarrow Мскву
 10.9

Правило пятое. Зафиксированные на бумаге выделенные из исходного текста кванты информации служат опорными пунктами для порождения переводного текста.

Иногда неопытные переводчики воспроизводят при оформлении перевода только ту информацию, которая ими записана. В результате переводной текст оказывается лишенным той избыточности, которая необходима для его удовлетворительного восприятия. Переводчик должен не просто обозначить средствами переводного языка выделенную из исходного текста информацию, а развернуть ее, исходя из сложившейся речевой ситуации, оставшейся в его голове второстепенной информации и необходимости гарантировать передачу сообщения в данных условиях.

Для того чтобы пояснить, что понимается под развертыванием записанной информации, обратимся к записям анализируемого исходного текста.

♀ Ш — руководители промышленности или бизнесмены.

И то и другое не подходит для переводного текста, так как первая номинация недостаточно точно отражает статус прибываемых гостей, а вторая номинация в данном конкретном случае стилистически не оправдана. Более точно их следует назвать представителями и не промышленных, а деловых кругов, так как такая номинация имеет более широкую понятийную основу.

Далее говорится, что они прибывают во главе с господином Стоуном. Значит, это не просто отдельные представители, а организованная группа, которую принято называть делегацией.

Записанную информацию есть возможность расширить дополнительными сведениями о Москве, что создает нужную избыточность переводного текста, перегруженного ключевой информацией.

Кроме того, в записанном сообщении ремой является, по-видимому, сам факт прибытия делегации, что дает основание при построении высказывания отнести этот факт в конец предложения, на место логического ударения фразы.

В целом переводной текст мог бы выглядеть так:

«10 сентября в Москву, столицу нашей Родины, прибывает делегация представителей деловых кругов США во главе с господином Стоуном».

Так, при переходе от квантов информации к развернутому переводному тексту восстанавливается почти полностью исходный текст.

Таким образом, метод записей в последовательном переводе сводится к следующим операциям:

- аудированию исходного текста;
- отбору из поступающего текста ключевой информации;
- фиксации отобранной информации наиболее экономным способом;
- порождению переводного текста на основе сделанных записей.

Использование метода записей снимает в последовательном переводе какие-либо ограничения на величину исходного текста, оно свидетельствует также о высокой квалификации переводчика.

Метод трансформации исходного текста (синхронный перевод).

Одновременное осуществление операций восприятия на слух исходного текста и устного оформления перевода называют синхронным переводом. Главная его особенность — наибольшие временные ограничения, налагаемые на действия переводчика, и необходимость постоянного переключения его внимания с одного объекта на другой. Вот как описывает состояние переводчика М. Я. Цвиллинг, имеющий огромный опыт работы в кабине синхронного перевода: «...слуховое внимание переводчика разделено между восприятием речи оратора (а иногда и реакции аудитории, реплик председательствующего и т. д.) и самоконтролем за собственной речью; зрительное — между наблюдением за оратором и залом и чтением текста (если оно не отключено полностью, что также имеет место); его память удерживает только что услышанный и воспроизводимый в данный момент отрезок речи, из памяти он извлекает эквиваленты для перевода, в памяти же запечатлевает общее содержание и отдельные формальные элементы оригинала, а также свою реакцию на возникающие в ходе работы ситуации и многое другое. В то же время сознание его в основном занято осуществлением перевода...» [82, 92].

Сложные условия, в которых протекает синхронный перевод, привлекает внимание и лингвистов и психологов. Имеются интересные работы И. А. Зимней и Г. В. Чернова, которые считают, что экстремальные условия преодолеваются переводчиком с помощью механизма вероятностного прогнозирования [29, 84]. А. Ф. Ши-

ряев видит в деятельности синхронного переводчика последовательность взаимосвязанных, однотипных действий, состоящих из фазы ориентирования и принятия решения и фазы осуществления. Причем эти фазы либо следуют одна за другой и восприятие сменяется говорением (медленный темп речи оратора), либо происходит наложение одной фазы на другую и восприятие текста частично происходит в периоды говорения переводчика. В последнем случае широко используются микропаузы, между слогами [90, 20—21]. Другими словами, деятельность синхронного переводчика регулируется различными механизмами приспособления к экстремальным условиям при сохранении последовательности действий.

Фундаментальные исследования значительно прояснили специфику механизмов приспособления к экстремальным условиям речевой деятельности при синхронном переводе. Однако они обходят молчанием весьма существенный фактор, позволяющий синхронному переводчику выполнять свои функции. Таким фактором является знаковый способ перевода, о котором уже говорилось достаточно подробно в главах 8 и 9.

Напомним, что при знаковом способе перевода операции переводчика происходят на формально-знаковом уровне без осознания денотата, о котором идет речь. Вместе с воспринятым знаком языка № 1 в голове переводчика возникает его эквивалент — знак языка № 2, имеющий примерно общую со знаком языка № 1 семантическую основу в виде не всегда достаточно оформившегося представления на уровне информационного запаса второй степени (а иногда и первой). Операции на формально-знаковом уровне оказываются возможными только в результате формирования навыка переключения, т. е. создания у переводчика общих для двух языков семантических систем (в чем-то совпадающих с семантическими полями).

То, что знаковый способ перевода находит в синхронном переводе преимущественное использование, подтверждается характеристиками синхронного перевода, совпадающими с закономерностями функционирования навыка переключения.

Синхронный перевод успешно осуществляется только в пределах заданной тематики. Даже опытный синхронный переводчик, привыкший работать с общественно-политическими текстами, не может без предварительной

подготовки переводить синхронно военные, медицинские или другие материалы. Функционирование навыка переключения также прекращается за пределами отработанной семантической системы.

Синхронный перевод в пределах отработанной тематики требует меньших усилий при переводе с родного языка на иностранный, чем наоборот. Это положение также совпадает с закономерностью функционирования навыка переключения, соответственно которому доминирующими в навыке переключения по направлению связями являются связи от родного языка к иностранному.

В синхронном переводе значительно чаще, чем в других видах перевода, появляются буквализмы. В то же время известно, что буквализмы являются всегда результатом переводческих операций на формально-знаковом уровне, предполагающем функционирование навыка переключения.

Конечно, знаковый способ перевода не господствует беспредельно в синхронном переводе. В ряде случаев, иногда в одном и том же предложении, переводчику приходится прибегать и к смысловому способу перевода. Но обращение к смысловому способу перевода всякий раз тормозит его действия, заставляет чувствовать сложные условия, в которых он работает. Кстати, и эффективность всех других приспособительных механизмов переводчика (вероятностное прогнозирование, использование микропауз) зависит именно от того способа перевода, который преимущественно используется. Преимущественное использование знакового способа перевода позволяет синхронному переводчику оставаться хозяином положения при любом темпе речи оратора, извлекать наибольшую пользу из вероятностного прогнозирования, распределять свое внимание в зависимости от пауз и микропауз в речи и даже отвлекаться на посторонние занятия (писать записки, просматривать газеты и даже решать кроссворды!). И это происходит потому, что большинство переводческих операций при знаковом способе перевода осуществляется подсознательно, автоматизированно, благодаря сформированному навыку переключения.

Для того чтобы знаковый способ перевода занимал подобающее ему место в деятельности синхронного переводчика, необходимо, во-первых, соответствующая тематическая подготовка (формирование у переводчика ис-

комых семантических систем), а во-вторых, использование методов перевода, благоприятствующих функционированию навыка переключения. Одним из наиболее эффективных методов перевода, создающих условия для использования знакового способа перевода, является метод трансформации исходного текста.

Метод трансформации в синхронном переводе имеет своей целью подготовить исходный текст к операциям на формально-знаковом уровне. Для этого предусматриваются:

- лексические трансформации с поиском речевых единиц, включенных в семантические системы, сформированные у переводчика;

- грамматические трансформации, учитывающие наиболее распространенные и несложные синтаксические конструкции языка перевода;

- речевая компрессия, которая достигается путем использования всех возможных видов трансформации.

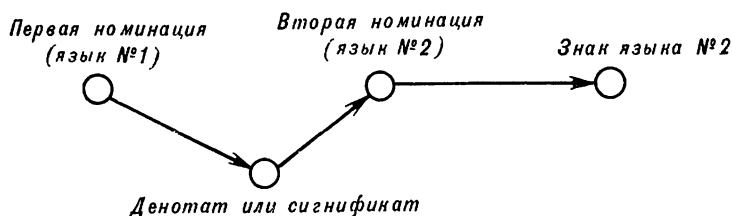
Рассмотрим перечисленные операции метода трансформации подробнее.

Лексические трансформации. До сих пор мы говорили о трансформации речевых единиц с целью поиска более лаконичных обозначений для выделенной ключевой информации. Лексические трансформации, подготовляющие исходный текст к знаковому способу перевода, имеют в виду не лаконичность обозначений, а поиск лексических единиц, для которых у переводчика имеются готовые эквиваленты. Предположим, к переводчику поступает слово «батраки», к которому у него нет иноязычного эквивалента. Начинается поиск синонимов или синонимических замен, который наталкивается на более длинное, но многообещающее обозначение «сельскохозяйственные рабочие». Как правило, такому обозначению всегда сопутствует в голове переводчика эквивалент на языке перевода, использование которого сокращает время на переводческие операции, несмотря на более громоздкое речевое образование.

В фрагменте исходного текста «...командовать другими странами и народами» переводчику может не хватать иноязычного эквивалента для слов «командовать». Он его преобразует в различные варианты («отдавать приказы», «навязывать свою волю»), пока не натолкнется на всплывающий в его голове эквивалент на языке перевода.

Лексические трансформации необязательно превращают слово в словосочетание, они могут приводить и к обратным результатам, а также оставлять количество единиц текста неизменным. Например: высказывание — слова; претенденты — кандидаты; импульс — стимул; подходить к делу — решать вопрос; американская сторона — США; готовность — желание; оживлять — делать более активными; боевые действия — бои; избранники народа — депутаты.

Список примеров можно и продолжить, но суть операции переводчика остается неизменной: он ищет не иноязычное обозначение к денотату, а новые номинации к тому же денотату на исходном языке, для того чтобы перейти к языку перевода на формально-знаковом уровне. Вот как это можно изобразить графически:

Особенно часто к лексическим трансформациям прибегают при переводе с родного языка на иностранный. В этом случае происходит экономия времени за счет перебора вариантов номинаций на родном языке, что всегда осуществляется быстрее, чем попытки идентифицировать денотат, и, уже отталкиваясь от него, выходить на иностранное обозначение.

Грамматические трансформации. Эти трансформации идут, как правило, по пути упрощения синтаксических конструкций. К наиболее типичным грамматическим трансформациям следует отнести:

1. Переход от обратного порядка слов к прямому. Эта синтаксическая трансформация особенно необходима при переходе от языков синтетических к аналитическим. Она и имеет место при переводе с русского языка на английский, французский, испанский, итальянский и др. языки. Например:

«Довольно широкий масштаб приняли культурные обмены» — «Культурные обмены осуществляются в довольно широких масштабах».

«Недавно там прошли очередные выборы» — «Очередные выборы прошли там недавно».

«В ходе предвыборной кампании заметно оживились реакционные силы» — «Реакционные силы стали более активными в ходе предвыборной кампании».

2. Замена пассивных конструкций активными. Такие синтаксические трансформации становятся особенно необходимыми, если пассивная конструкция встречается одновременно с обратным порядком слов. Например:

«Недавно был подписан договор о подземных ядерных взрывах» — «Недавно мы подписали договор о подземных ядерных взрывах».

«Было проведено несколько специальных заседаний» — «Мы провели несколько специальных заседаний».

3. Переход от односоставных предложений к полным. Эта трансформация представляется обязательной при переводе с русского языка на языки, для которых подобные конструкции не характерны. Например:

«Мне придется в недалеком будущем вновь посетить эту страну» — «Я должен в недалеком будущем вновь посетить эту страну».

«Когда им нужно добиться новых кредитов на вооружения...» — «Когда они испытывают необходимость добиться новых кредитов на вооружения...»

✓ «От них нередко приходится слышать заявления и другого рода» — «Они нередко выступают с заявлениями и другого рода».

4. Замена исходного подлежащего. В этом случае подлежащее, расположенное в глубине поступающего к переводчику предложения, переводится в ранг второстепенного члена предложения, с тем чтобы наделить функциями подлежащего одно из слов, находящихся в начале предложения. Тем самым облегчается и стандартизируется (что само по себе является облегчением) задача переводчика. Например:

«В ходе предвыборной борьбы заметно оживились реакционные силы» — «Предвыборная борьба активизировала реакционные силы».

«Чтобы сделать эту программу более реалистичной, в нее включены новые элементы» — «Программа стала более реалистичной благодаря новым элементам».

«Сегодня в трех из шести крупнейших капиталистических держав действуют массовые компартии» — «Се-

годня три из шести крупнейших капиталистических держав имеют массовые компартии».

5. Переход от одной части речи к другой. Такой переход всегда учитывает особенности языка перевода. Довольно часто оказывается удобным превращать существительное в глагол, широко использовать местоимения, особенно указательные. Например:

«Мы знаем, что за действительно хорошие отношения предстоит еще борьба» — «Мы знаем, что за действительно хорошие отношения мы должны еще бороться».

«Чтобы подчеркнуть готовность обеих сторон к развитию добрых отношений...» — «Чтобы подчеркнуть готовность обеих сторон развивать добрые отношения...».

«Мы достигли некоторых успехов в деле разрядки международной напряженности и проводим работу по распространению разрядки напряженности на все области межгосударственных отношений» — «Мы достигли некоторых успехов в деле разрядки международной напряженности и проводим работу по ее распространению на все области межгосударственных отношений».

6. Замена сложных синтаксических конструкций простыми. У каждого языка имеется свой набор сложных синтаксических конструкций. Кроме того, их сложность определяется и различием форм выражений синтаксических отношений в двух контактирующих языках. Как правило, сложные синтаксические отношения возникают в сложных предложениях с большим числом причастных и деепричастных оборотов. Поэтому упрощение сложных синтаксических конструкций идет по пути превращения сложных предложений в простые и избавления от причастных и деепричастных оборотов. По мере возможности следует избавляться и от сложных синтаксических связок. Например:

«Наша пропаганда должна чутко реагировать на происходящие в мире перемены» — «Наша пропаганда должна чутко реагировать на перемены, которые происходят в мире».

«В то же время у нас нет большего желания, чем переключить все средства на повышение жизненного уровня трудящихся» — «Самое большое наше желание — переключить все средства на повышение жизненного уровня трудящихся».

«Именно на это направлены предложения Советского

Союза» — «Это и есть цель предложений Советского Союза».

Речевая компрессия [83]. Речевая компрессия, которая также достигается лексическими и грамматическими трансформациями, имеет своей целью не только упростить текст, подлежащий переводу, но и уменьшить его слоговую величину. Поэтому речевая компрессия достигается не любыми трансформациями, а только теми, которые сокращают исходный текст. Кроме того, речевая компрессия достигается за счет освобождения текста от ряда слов, содержащих второстепенную информацию.

Предлагаем для сравнения исходный текст до и после речевой компрессии.

Исходный текст до компрессии

На форуме, который представлял собой логическое продолжение Всемирного конгресса миролюбивых сил, обсуждался весь комплекс вопросов, связанных с разрядкой.

Сейчас империалистическая пропаганда усиливает обработку населения своих стран, пытаясь внушить ему мысль, что никакой разрядки в международной жизни быть не может.

И чем явственнее, ощутимее успех миролюбивых сил, тем активнее действует реакция. Хотя преимущество и инициатива в этой борьбе находятся на стороне прогрессивной общественности, всех тех, кто выступает за дело мира.

В этом лишний раз убеждает только что закончившийся московский форум.

Исходный текст после компрессии

Форум, который является логическим продолжением Всемирного конгресса миролюбивых сил, обсуждал все вопросы разрядки.

Империалистическая пропаганда интенсифицирует свою работу, она утверждает, что никакой разрядки быть не может.

Чем больше успехи миролюбивых сил, тем активнее становится реакция, но превосходство остается на стороне прогрессивной общественности, всех тех, кто выступает за мир.

И форум подтверждает это.

Теперь уже никто не может сбросить со счетов (хотя кое-кто на Западе и очень хотел бы сделать это) миролюбивую общественность, которая стала влиятельной интернациональной силой, активно вторгающейся во все сферы политической жизни.

Об этом говорится в опубликованном коммюнике встречи. «Отмечая возросшую роль и ответственность мирового общественного мнения — реального компонента процесса разрядки,— участники форума подчеркнули важность совместных действий широких общественных сил как для защиты уже завоеванных рубежей мира, которые подвергаются все более активным открытым и замаскированным атакам со стороны военно-промышленного комплекса, реакционных и милитаристских сил, так и для стимулирования новых мирных инициатив».

Теперь никто не может не считаться с миролюбивой общественностью вопреки желаниям некоторых западных деятелей. Она стала влиятельной интернациональной силой во всех сферах политической жизни.

Это сказано в опубликованном коммюнике. «Участники форума подчеркнули роль и ответственность мирового общественного мнения — составной части разрядки,— важность совместных действий прогрессивных сил, для того чтобы защищать достигнутые рубежи, которые военно-промышленный комплекс, реакционные силы атакуют все более активно, а также для того, чтобы стимулировать новые мирные инициативы.

Если слоговая величина исходного текста выражалась цифрой 468, то после речевой компрессии слоговая величина текста снизилась до 355 слогов, т. е. произошло сокращение слоговой величины почти на 25 %. И это при условии, что переводчик не был вынужден сокращать еще более текст в связи с повышенным темпом речи оратора или в силу еще каких-либо причин. Другими словами, в приведенном примере мы имеем ординарную речевую компрессию, имеющую своей целью подготовку

исходного текста к операциям на формально-знаковом уровне. Рассмотрим, за счет каких приемов была достигнута речевая компрессия.

Речевая компрессия была достигнута прежде всего за счет избавления от второстепенной информации. Наиболее типичными приемами избавления от второстепенной информации оказались:

а) Выбрасывание из исходного текста слов, несущих нулевую или повторную информацию. Например, «сейчас», «уже».

б) Отказ от детализации понятий при наличии в «компрессированном» тексте родового понятия.

Так, в последнем предложении исходного текста слова «реакционных и милитаристских сил» в результате речевой компрессии сократились до «реакционных сил». Очевидно, что милитаристские силы также являются реакционными, и в исходном тексте мы имеем дело с детализацией родового понятия.

Иногда такое родовое понятие появлялось в результате лексической трансформации. Например, превращение видовых понятий «преимущество и инициатива» (третье предложение) в родовое понятие «превосходство» представляет собой уже и лексическую трансформацию.

В отдельных случаях отказ от детализации выражался в том, что в «компрессированный» текст не переносились прилагательные, как это имеет место в седьмом предложении, откуда выброшены слова «возросшую», «реального», «широких», «открытым и замаскированным».

в) Сокращение развернутых номинаций. Этот прием, заимствованный из повседневной практики, распространяется в основном на наиболее употребительные речевые единицы, как, например, Комитет солидарности народов стран Азии, Африки и Латинской Америки — Комитет солидарности, разрядка международной напряженности — разрядка, Берлинская конференция коммунистических и рабочих партий Европы — Берлинская конференция. При компрессии исходного текста этот прием осуществляется и с менее употребительными единицами исходного текста. Например, «разрядка в международной жизни — разрядка», «только что закончив-

шийся Московский форум — форум», «опубликованном коммюнике встречи — опубликованном коммюнике», «процесс разрядки — разрядки» и «рубежей мира — рубежи».

г) Ликвидация причастных и деепричастных оборотов. Всякие обороты, утяжеляющие синтаксис исходного текста, противопоказаны в синхронном переводе, поэтому от них следует избавляться и путем речевой компрессии. В анализируемом тексте этот прием наблюдается в первом предложении («вопросов, связанных с разрядкой — вопросов разрядки») и в пятом предложении («влиятельной интернациональной силой, активно вторгающейся во все сферы политической жизни — влиятельной интернациональной силой во всех сферах политической жизни»).

Мы рассмотрели примеры избавления от второстепенной информации, но речевая компрессия анализируемого текста осуществлялась и за счет лексических и грамматических трансформаций.

В анализируемом тексте лексическими трансформациями, сократившими его слоговую величину, были:

— в первой фразе «весь комплекс вопросов — все вопросы»;

— во второй фразе «усиливает обработку населения своих стран — интенсифицирует свою работу», «пытаясь внушить ему мысль — утверждает» (в последнем примере наблюдается и грамматическая трансформация);

— в третьей фразе «И чем явственнее, ощутимее успех — Чем больше успех»;

— в четвертой фразе «В этом лишний раз убеждает — подтверждает это»;

— в пятой фразе «сбросить со счетов — не считаться»;

— в шестой фразе «Об этом говорится — это сказано»;

— в седьмой фразе «уже завоеванные рубежи — достигнутые рубежи».

Здесь не приводятся лексические трансформации, которые уже фигурировали среди примеров отказа от детализации понятий.

Грамматические трансформации могут также сокра-

щать слоговую величину исходного текста. К таким трансформациям относятся:

— в пятом предложении «хотя кое-кто на Западе и очень хотел бы сделать это — вопреки желаниям некоторых западных деятелей» (здесь наблюдается и лексическая трансформация);

— превращение пятого сложного предложения в два простых;

— в седьмом предложении «которые подвергаются все более активным открытым и замаскированным атакам со стороны военно-промышленного комплекса — которые военно-промышленный комплекс атакует все более активно».

Рассмотрением речевой компрессии исчерпываются операции метода трансформации, задачей которого является не сокращение слоговой величины исходного текста, а его упрощение, подготовка к реализации знакового способа перевода. В приведенных выше для сравнения двух исходных текстах такая подготовка осуществлялась не только и не столько речевой компрессией, как лексическими и грамматическими трансформациями. Если взять, к примеру, первое предложение, то проведенные трансформации привели к прямому порядку слов, к ликвидации причастного оборота, к замене не всегда легкого для знакового способа перевода «представлял собой» простейшим глаголом «является» (или «есть»). Однако лексические и грамматические трансформации выполняли одновременно несколько задач: они упрощали грамматическую структуру текста, находили нужную для переводчика лексику и, кроме того, сокращали слоговую величину исходного текста. Тем самым они вместе с другими приемами речевой компрессии подготовили текст для операций на формально-знаковом уровне. Проведение же этих операций требует, помимо прочего, и хорошо сформированного навыка переключения у переводчика. Формирование же навыка переключения предполагает как изучение двуязычных эквивалентов по соответствующей тематике, так и отработку искомой вербальной реакции. Впрочем, подготовка синхронного переводчика не ограничивается изучением метода трансформации в синхронном переводе, который имеет своей целью вооружить переводчика серией дополнительных приемов и действий, могущих облегчить его сложную деятельность.

ВЫВОДЫ

Мы рассмотрели три метода перевода: метод сегментации текста, метод записей и метод трансформации исходного текста. Методы перевода всегда имеют практическую цель и в этом их неоспоримое достоинство. Но описание методов перевода явилось и развитием теоретических положений.

1. Развернутое описание методов перевода позволило более четко провести разграничительную черту между способами, приемами и методами перевода и тем самым подкрепить высказанную мысль о том, что среди перечисленных понятий только способ перевода выступает как одна из основных категорий науки о переводе.

2. Рассмотрение реально существующих методов перевода явилось дополнительным аргументом в пользу не только существования знакового способа перевода, но и его дееспособности на самом высоком уровне, на уровне синхронного перевода.

3. Описание трех, столь разительно отличающихся друг от друга методов перевода должно было подкрепить наш тезис о многогранности процесса перевода, не позволяющей подходить с единой меркой адекватности к определению перевода и его инварианта.

4. Изложение сути трех различных методов перевода было одновременно и изложением сути трех важнейших профессиональных видов перевода: письменного перевода, последовательного перевода и синхронного перевода, что позволило показать не только правомерность их теоретически уже обоснованного выделения, но и своеобразие их реализации.

Что же касается практики перевода, то даже знакомство с методами перевода дает основание говорить о подлинном профессионализме переводчика, показывает абсурдность бытующего еще мнения о том, что любой билингв способен переводить. Не считая нужным перечислять здесь все знания, навыки и умения, необходимые переводчику высокой квалификации, мы хотели бы выделить основные слагаемые профессионализма переводчика в самом лучшем смысле этого слова:

- искусство всевозможных трансформаций текста;
- владение методами смыслового анализа;
- знание двуязычных эквивалентов в рамках требуемой тематики.

ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОД

В предыдущей главе рассматривались некоторые методы письменного, последовательного и синхронного переводов, порожденных дифференциацией условий работы мозговых механизмов переводчика. Настоящая глава обращена к видам перевода, порожденным жанровым характером текстов, особенностью преобладающих в них языковых средств, а точнее к военному переводу как виду научно-технического перевода, концентрирующего в себе все положения теории специального перевода.

Военный перевод как вид перевода характеризуется только ему присущими текстами и некоторыми специфическими видами работ переводчика. Тексты можно характеризовать как с точки зрения их информативности, так и с точки зрения доминирующих в них языковых средств.

К военным текстам относятся:

- боевые документы;
- уставы и наставления;
- инструкции и технические описания;
- военно-научные статьи;
- военная публицистика.

Особенностью всех военных текстов является их насыщенность военными реалиями, т. е. понятиями, принятыми в военном деле (например, упреждающий удар, рубеж развертывания, ракетная установка, надолбы, погоны), а поэтому военными терминами и сокращениями. Отличает одни тексты от других их принадлежность к различным функциональным стилям. Боевые документы, уставы и наставления характеризуются канцелярско-деловым стилем, стереотипностью языковых средств, отсутствием образных средств. Боевые документы при этом особенно регламентированы по содержанию и форме даже отдельных параграфов. Инструкции и технические описания относятся к военно-техническим материалам и характеризуются обилием технических терминов и простотой синтаксиса. Военно-научные статьи также отличаются книжным стилем речи, но в них меньше императивности, больше доказательств, обоснований, выводов. В военной публицистике просматриваются и экспрес-

сивные средства выражения, показано отношение автора к своим высказываниям.

Если оставить в стороне военную публицистику, которая по своим характеристикам во многом (кроме военной терминологии) совпадает с газетно-информационными материалами, то остальные военные тексты имеют свои особенности, которые заключаются не только в специфике языковых средств, но и в их чрезвычайно высокой информативности.

Информативность военных материалов определялась нами сравнительно с текстами другого назначения. Для измерения информативности текстов была использована методика, описанная в главе 6, с выведением коэффициента информативности. Тогда же было показано, что информационные сообщения прессы на русском языке имеют коэффициент информативности 0,46. Коэффициент информативности ораторских выступлений еще ниже. По нашим предварительным наблюдениям для русского языка он не превышает 0,2. А. А. Мигачеву удалось исследовать выступление французских парламентариев. Коэффициент информативности этих выступлений по его расчетам 0,35 [46]. Что касается коэффициента информативности военных текстов, то он колеблется в зависимости от вида военных текстов от 0,7 до 0,8. Наименьший коэффициент информативности, по нашим данным, имеют военно-научные статьи, наибольший — инструкции и технические описания.

При таком высоком коэффициенте информативности наблюдается увеличение максимального количества следующих подряд сегментов с ключевой информацией. В военных текстах встречаются иногда ряды из 9 сегментов с ключевой информацией и значительно сокращается число следующих непосредственно друг за другом сегментов с второстепенной информацией.

Высокая информативная насыщенность военных текстов объясняется несколькими факторами, среди которых наиболее существенными являются:

— коммуникативное задание: военные тексты чаще всего содержат указания, предназначенные к неукоснительному выполнению, они приказывают, указывают, инструктируют, определяют дальнейшее поведение адресата;

— воинская дисциплина: в военных текстах (за исключением научных статей) нет необходимости уго-

варивать, убеждать, объяснять, излагать причины тех или иных приказаний и указаний;

— официально установленная форма изложения: вся документация штабов, а также уставы, наставления, инструкции и технические описания стандартизованы, форма большинства из них определяется приказами, а это дает возможность предъявлять информацию без подготовки и объяснений;

— используемые языковые средства: любой военный текст оказывается буквально насыщенным терминами и в несколько меньшей степени прецизионными словами, т. е. единицами текста, несущими ключевую информацию.

Информационная насыщенность значительно сокращает избыточность военных текстов и одновременно замедляет их восприятие, исключая в ряде случаев прием на слух этих текстов для последующего перевода.

Как уже говорилось, военные тексты объединяет и такая особенность, как специфика языковых средств, которые заслуживают отдельного рассмотрения. Среди языковых средств военных текстов главное место занимают термины, прецизионные слова и сокращения или аббревиатуры.

Термины. Мы уже писали (см. главу 7), что не видим основания считать термины отдельной группой слов, что термин более правомерно рассматривать как особое качество слова, приобретаемое или теряемое в речи. Рассмотрим в связи с этим положением следующие выражения:

- производить с предметом сложные операции;
- наступательная операция;
- превращение действия в операцию.

Первое выражение осознается при предъявлении как «манипулирование с предметом», «действия с предметом, включающие его обработку, сборку, разборку и т. д.». В этом выражении слово «операция» отличается широтой значения и может иметь несколько соотвествий в языке перевода.

Во втором выражении слово «операция» выступает в другом качестве. Оно означает не вообще боевые действия и не вообще наступление, а наступательные действия, предпринятые совместно несколькими соединениями. В этом примере слово «операция» выбрано для того, чтобы обозначить конкретное военное поня-

тие, включенное в систему строго определенных научных понятий: бой — операция — сражение. Очевидно, что здесь слово «операция» должно иметь не одно из соответствий, а единственный эквивалент в языке перевода.

В третьем выражении слово «операция» также обозначает систематизированное, строго определенное научное понятие из области теории деятельности: операция — действие — деятельность.

Обозначение словом «операция» во втором и третьем выражении понятий, включенных в систему понятий какой-либо области науки или техники, говорит о том, что в противоположность первому примеру мы имеем дело с терминами, причем не с одним, а с двумя совершенно различными терминами, которые объединяет общеупотребительное слово «операция», породившее эти термины.

Еще один пример:

- отделение церкви от государства;
- механик-водитель находился в своем отделении;
- после доклада — концертное отделение;
- командир отделения получил приказ.

Слово «отделение» по «Толковому словарю русского языка» под редакцией проф. Д. Н. Ушакова имеет еще три значения. Однако среди всех значений только одно может быть отнесено к значению термина, так как только в четвертом выражении приведенного примера слово «отделение» обозначает конкретное военное понятие, включенное в строго определенный ряд научных понятий системы «подразделения»: отделение — взвод — рота — батальон. Следовательно, и слово «отделение» может выступать как термин и как не термин.

Переход обычного слова в категорию «термина» — явление довольно распространенное. А. М. Соколовой удалось подсчитать, что 53 % внешнеэкономической терминологии во французском языке сформировалось за счет переосмысления общеупотребительных слов [71], но и термин без труда переходит в разряд обычных слов, для этого достаточно его неточного употребления. Например, во фразе «операцию по уничтожению двух огневых точек отделение провело успешно» лексическая единица «операция» перестает быть военным термином, хотя она и участвует в описании военной ситуации.

Итак, если рассматривать термин с позиции перевода, то он воспринимается не как представитель самостоятельной группы слов, а как особое качество слова, приобретаемое или теряемое в речи. Это значит, что теоретически любое знаменательное слово может в особых условиях стать термином, а термин обычным словом (например, «орбита» из астрономического термина стала орбитой влияния, «плюс» — знак сложения перешел в обыденную речь как преимущество).

С точки зрения процесса перевода обычное слово становится термином всякий раз, как только оно начинает обозначать разработанные в процессе познания понятия о предметах, явлениях, признаках, составляющие вместе с другими понятиями данной отрасли науки или техники одну семантическую систему. Термин, как правило, имеет жесткую «одноканальную» связь с денотатом. Об этом говорит завершающая фаза процесса перевода, когда переводчик вынужден преодолевать дополнительные трудности и искать один единственный эквивалент воспринятому в качестве инициального сигнала термину.

Приводимые примеры синонимии терминов, противоречащие «одноканальности» связи термин—денотат, свидетельствуют:

- либо о еще неустоявшейся терминологической номенклатуре (например, архисема, классема в семантике);

- либо о различных научных школах (например, рема и ядро высказывания);

- либо о различных исторических периодах (например, вертолет и геликоптер);

- либо о различных сферах употребления (например, языкознание — в учебной сфере, лингвистика — в научной).

«Одноканальная» связь термина с денотатом выражается и в его однозначности. Приводимые немногочисленные примеры многозначности терминов, как правило, весьма уязвимы, так как они чаще всего говорят о многозначности обычных слов, а не терминов. Известные варианты значения слова «операция» не являются вариантами военного или психологического термина «операция». Так как слово «операция», приобретая качество военного или психологического термина, приобретает одновременно и однозначность. Военный термин «операция» должен обозначать только «совокупность

согласованных и взаимосвязанных по цели, времени и месту боевых действий войск (флота) в масштабе армии, фронта или группы фронтов» [78]. Психологический термин «операция» обозначает только автоматизированное действие. Отдельные случаи многозначности термина (например, лексема в лингвистике) говорят лишь о становлении терминологической номенклатуры и могут рассматриваться как исключение.

Своеобразие термина как особого качества слова, его отнесенность к определенной сфере науки или техники обуславливают зависимость процесса перевода от термина как инициального сигнала. Специфика термина как языкового средства предъявляет высокие профессиональные требования к переводчику, который должен уметь не просто отличить термин от обычного слова, но и осознать обозначаемое, т. е. иметь определенный уровень знаний. Кроме того, переводчик должен знать иноязычный эквивалент термина, так как термин может быть замещен в переводном тексте только другим термином со всеми особенностями его «одноканальности». Именно в термине как особом качестве слова концентрируются основные трудности военного перевода.

Для того чтобы термины не мешали, а помогали работе переводчика, ему следует постоянно расширять свой информационный запас, ассоциируемый с каждым термином. Следует не просто знать, что «боевой разворот» — это одна из фигур высшего пилотажа, «батальон» — одно из подразделений, «капитан» — офицерское звание, но и в чем заключается эта фигура высшего пилотажа, чем отличается это подразделение или звание. Другими словами, со всеми или почти со всеми терминами важно ассоциировать информационный запас 3-й степени и продолжать накапливать сведения, с тем чтобы идти дальше к информационному запасу 4-й степени. На этом уровне знаний появляется возможность для военного переводчика выполнять свои функции в любых условиях независимо от коэффициента информативности и терминологической насыщенности текстов.

Одним из наиболее эффективных путей освоения военной терминологии является изучение существующих терминологических микросистем внутри военной науки. Иерархия научных понятий, систематизация терминов характеризуют любую науку, в том числе и военное дело. Почти любой термин может быть включен в замк-

путую микросистему. Вот как это выглядит практически с такими терминами, как «батальон», «капитан».

Батальон. В войсках следует различать: подразделения — части — соединения — объединения. К подразделениям относятся: отделение — взвод — рота — батальон.

Батальон является самым крупным подразделением.

Капитан. Военнослужащие по воинским званиям подразделяются на: солдат — сержантов, прапорщиков и мичманов — младший офицерский состав — старший офицерский состав — высший офицерский состав. К младшим офицерам относятся: младший лейтенант — лейтенант — старший лейтенант — капитан.

Капитан — самое высокое звание категории младшего офицерского состава.

Такие микросистемы терминов пронизывают всю терминологическую номенклатуру военного дела и, по-видимому, других областей знаний. Их выявление и систематизация являются задачей любого научно-технического перевода. Терминологические микрономенклатуры как составная часть терминологической макрономенклатуры представляют собой проблему теории специального перевода.

Прецизионные слова. Достаточно широко представлены в военных текстах и прецизионные слова. К прецизионным словам относятся:

— имена собственные (в военных текстах названия населенных пунктов, водных преград, частей и соединений, некоторых видов вооружения, имена командиров и т. п.);

— числительные (обозначение квадратов на карте, высот, нумерация частей и соединений, начало боевых действий, даты и сроки исполнения и т. п.);

— названия дней недели и месяцев (даты и сроки исполнения).

Прецизионные слова по своим характеристикам близки к терминам. «Одноканальность», о которой уже говорилось, у них выражена еще более эксплицитно и в плане их однозначности, и в плане полного отсутствия к ним синонимов. Прецизионные слова, как и термины, чрезвычайно точны в употреблении и входят в некоторые замкнутые семантические системы (например, система числительных, жесткая последовательность дней

недели, географические наименования одного района и т. д.).

Но прецизионные слова отличаются от терминов по другим, достаточно существенным признакам. Во-первых, прецизионные слова составляют особую группу слов, а не особое качество обычных слов, они не способны терять свои «прецизионные» качества и превращаться в обычные слова, а обычные слова не преобразуются в прецизионные. Так, прецизионное слово «Килиманджаро» не теряет, как правило, своих прецизионных качеств в любом контексте, слово «апрель» имеет только одно прямое значение. Употребление отдельных прецизионных слов в переносном значении существа дела не меняет, так как в этих случаях образуются либо новые имена собственные, т. е. новые прецизионные слова (например, Пятница в романе «Робинзон Крузо»), либо термины (например, «двадцать одно» — карточная игра, «тройка» — отметка по пятибалльной системе).

Во-вторых, прецизионные слова в отличие от терминов не являются привилегией той или иной отрасли науки или техники. Прецизионные слова общеупотребительны.

В-третьих, прецизионные слова в отличие от терминов не вызывают у коммуникантов ассоциаций. Прецизионные слова обычно не связываются с конкретным представлением, а потому плохо удерживаются в памяти. Исключение составляют хорошо известные даты, имена собственные. Очень просто запомнить имена А. С. Пушкина, П. И. Чайковского или Пабло Пикассо, так как с каждым из них у нас связано очень много сведений, воспоминаний, конкретных произведений. Навсегда остаются в памяти советского человека такие даты, как 1917 год — год Великой Октябрьской социалистической революции, 1941 год — год начала Великой Отечественной войны. Но не связанные с чем-нибудь 25 июня, 12 437 или город Абаша в памяти не остаются, если только эти прецизионные слова не совпадают с памятной датой, номером телефона, известным населенным пунктом.

В-четвертых, большинство прецизионных слов не имеют в отличие от терминов выраженных семасиологических связей. Исключения опять-таки составляют хорошо известные имена собственные, даты, реже месяцы. Только у них наблюдаются выраженные семасиологические связи, что позволяет их считать идентичными терминам

единицами перевода. Остальные прецизионные слова требуют тех же переводческих операций, что и штампы, так как невыраженность их семасиологических связей отодвигает на второй план их фиксированный характер.

При переводе прецизионные слова требуют особого внимания, так как почти любая ошибка с ними порождает квант прибавочной ключевой информации, т. е. недопустимо грубое искажение. Перевод прецизионных слов на слух требует специальной подготовки, их значительное количество в тексте тормозит процесс перевода.

Сокращения или аббревиатуры. Аббревиатуры, которые в военных текстах чаще называют сокращениями, представляют собой новый тип слов, утвердившийся за последнее время в языке [59]. К аббревиатурам относятся сокращенные образования из начальных букв или слогов нескольких слов, т. е. единицы речи, лишенные корневых морфем. Аббревиатуры представляют собой одно из проявлений закона экономии языковых средств. Они чаще всего встречаются там, где такая экономия стала насущной потребностью, где быстрота и лаконичность являются условиями успеха коммуникации оперативной направленности. Именно поэтому они часто встречаются в военных материалах.

Чаще всего аббревиатуры складываются из начальных букв слов: ООН — Организация Объединенных наций, ПВО — противовоздушная оборона, OTAN — Organisation du Traité de l'Atlantique Nord, DAT — défense aérienne du territoire.

Встречаются аббревиатуры, составленные из начальных слогов: райком — районный комитет, комдив — командир дивизии, COMAR — commandant de la marine, Cotac — Commandement tactique.

Немало аббревиатур, включающих самые различные компоненты слов: райвоенкомат — **районный военный комиссариат**, командарм — **командующий армии**, САТАС — commandement aérien tactique, COMECON — **Council for Mutual Economic**.

Как правило, аббревиатуры в военных текстах выступают в качестве термина, так как они сами образуются из составных терминов: ВВС — Военно-воздушные силы, ПХЗ — **противохимическая защита**. Функционируя как термины, аббревиатуры обретают и другие признаки тер-

мина, в том числе однозначность и принадлежность к ограниченной семантической системе.

Трудность при переводе аббревиатур заключается не только в том, что их не всегда просто расшифровать, но и в характерной для них омонимии. Омонимия аббревиатур является результатом не полисемии, которая у аббревиатур не наблюдается, а процесса их образования, т. е. использования начальных элементов слов, которые часто совпадают в разных словах. Например: ад — авиационная дивизия, артиллерийская дивизия, артиллерийский дивизион, авиационный двигатель, D.I. — *défense intérieure, dépôt intermédiaire, détachement d'intervention, division d'infanterie, division d'intervention, droit international*...

Чтобы облегчить чтение аббревиатур, варьируют их написание: некоторые сокращения пишут с точками, другие без точек, иногда используют заглавные, а иногда строчные буквы. Однако лучший способ расшифровки аббревиатур — знание контекста. Некоторые аббревиатуры входят в словарный состав языка и становятся общенародным достоянием наряду с обычными словами (например, вуз, главком, *radar, décéiste*). Переводчик, специализирующийся в какой-либо области знаний, обязан записывать появляющиеся аббревиатуры в личный словарь-справочник.

Нетермированная лексика. Так принято называть слова и словосочетания, которые выступают в военных текстах в своем обычном качестве (а не в качестве термина). Круг такой лексики относительно невелик и может быть быстро усвоен для того, чтобы не доставлять дополнительных трудностей при переводе. В то же время нетермированная лексика составляет в любом военном тексте преобладающий слой лексики и с учетом служебных слов намного превосходит число терминов. Анализ 1000 русских слов по текстам боевых документов дал следующие результаты:

- термины составили 25% всей лексики;
 - слова, способные выступать в качестве военного термина, но использованные в текстах как общеупотребительные, составили 9%;
 - вся остальная лексика (66%) оказалась словами, даже не способными выступать в качестве терминов [32].
- У нетермированной лексики военных текстов есть свои особенности, на которых следует остановиться.

Во-первых, военные тексты отдают предпочтение существительным. Это подтверждается цифровыми выкладками, которые приводит А. Н. Колгушкин на основе выборки 689 214 словоупотреблений. В его частотном словаре, содержащем 3000 слов, существительные составляют 34 %, а глаголы 20 % [32]. Причем особенно часто встречаются отглагольные существительные типа выдвижение, применение, принятие, построение, выполнение, ведение, продолжение, несение, отражение, нанесение, обеспечение, нарушение и т. п. Другими словами, для военных текстов характерна субстантивизация действия.

Во-вторых, среди глаголов военных текстов особенно часто встречаются возвратные глаголы, выступающие в функции сказуемого. Например:

«Командиры (начальники) в званиях офицеров, генералов и адмиралов в отношении подчиненных им лиц пользуются дисциплинарной властью в соответствии с воинским званием...» (возвратно-непереходное значение).

«Выдвижение колонн производится со скоростью 20 км/ч».

«Второй эшелон вводится в бой с рубежа...».

«Непрерывность взаимодействия в бою достигается единым пониманием общей цели действий командирами всех подразделений» (возвратно-пассивное значение).

«Сущность взаимодействия в бою заключается в согласовании по цели, месту и времени боевых усилий» (возвратно-страдательное значение).

В-третьих, для военных текстов характерно широкое использование кратких причастий в предикативной функции и особенно с модальным значением наряду с модальными глаголами. Например:

«Каждый командир обязан воспитывать своих подчиненных в духе неуклонного выполнения всех требований воинской дисциплины».

«Особое внимание командиров должно быть направлено на изучение индивидуальных качеств военнослужащих».

«Победа в бою может быть достигнута решительным поражением противника».

«Командиру полка быть готовым к отражению контратак противника».

В-четвертых, нетермированная лексика характеризуется также некоторым количеством готовых словосочета-

ний, которые повторяются во многих военных текстах. Речь идет о словосочетаниях типа иметь право, нести ответственность, приниматься во внимание, может быть достигнуто, состоять на вооружении, обладать способностью, являться средством, действовать в составе, составлять основу, быть залогом и т. п.

Даже беглый обзор особенностей нетермированной лексики показывает сравнительно узкий круг слов и словосочетаний, составляющих основу военных текстов. Это позволяет соответственным образом организовать лексические упражнения военных переводчиков и подготовить их в сравнительно короткий срок для работы с военными текстами. Это обстоятельство, кроме того, предполагает исследования в области нетермированной лексики военных текстов для составления словарей-минимумов.

Организация языковых средств. Мы уже говорили о некоторых грамматических особенностях лексики военных текстов. Но при этом рассматривался состав нетермированной лексики. Не менее важно остановиться и на наиболее характерных способах использования этой лексики, а также терминов и прецизионных слов, т. е. на организации языковых средств в военных текстах.

а) Императивность формулировок. В большинстве формулировок военных текстов подчеркивается неукоснительность, обязательность действий, крайняя степень ответственности, которую несут военнослужащие при выполнении своих функций. Отсюда большое количество речений с превосходной степенью прилагательных и наречий, дополнительное использование слов с экстремальными значениями типа постоянно, всегда, полный, окончательный, самый и т. п. Например:

«Командиры обязаны постоянно контролировать...»

«От подчиненных следует решительно требовать...»

«Подавить противника на возможно большую глубину...».

«Необходимо применять самые разнообразные приемы и способы действия...».

«К исходу дня добиться полного разгрома войск противника».

б) Стереотипность языковых форм. Речь идет о широком использовании в военных текстах таких языковых форм, как неопределенная форма (инфинитив) глаголов, творительный падеж со значением орудия, за-

крепленные за некоторыми словами предлоги. Например:

«Командирам всех степеней принять более строгие меры и добиться резкого улучшения воинской дисциплины и внутреннего порядка».

«Командиру 2 мсд завершить разгром подразделений и частей противника и к исходу 10.4 овладеть рубежом...».

(Как видно из примеров, во всех случаях прослеживается запретительный инфинитив).

«Применением пяти ракет, огнем десяти адн нанести поражение огневым средствам и живой силе противника, атакой с ходу завершить разгром и выполнить ближайшую задачу».

«Огнем артиллерии, ударом авиации и вводом в бой второго эшелона завершить разгром резервов...».

(Последние два примера на творительный орудийный падеж).

«При вклинении...», «при применении...», «в направлении...», «отражать с направления...», «в готовности к пуску...», «готовность к атаке...», «удар по...», «во взаимодействии с...» и т. п.

(Военные тексты не допускают вариантов типа «во время вклинения...» и т. п.).

При изучении особенностей организации языковых средств военных текстов важно устанавливать параллельные формы в языке перевода, как, например, для боевых документов «инфинитив запретительный» в русском языке — «будущее время, третье лицо» французских глаголов, что значительно упростит работу переводчика.

Как показывает анализ языковых средств военных текстов, их выраженная специфика ограничивает количество формальных средств и единиц речи, подлежащих изучению, что не может не способствовать эффективной подготовке переводчиков. В пользу этого положения говорят и некоторые статистические данные. Так, в цитированной уже книге А. Н. Колгушкина предлагается частотный словарь из 3000 слов, составленный на основе 689 214 словоупотреблений, в то время как 400 000 словоупотреблений в литературных текстах дают словарь в 24 000 разных слов¹. Само собой разумеется, что

¹ Сб. «Статистика речи». Л., 1968, с. 74.

менее сложно освоить для переводческой деятельности 3000 слов и их эквивалентов, чем 24 000 слов литературных текстов с их переводом на иностранный язык.

Таким образом, совершенно четко вырисовывается вывод о том, что основная трудность работы с военными текстами заключается не в специфике языковых средств, а в их чрезвычайной информативности, в перегруженности военных текстов ключевой информацией, в отсутствии (в большинстве случаев) привычной логики изложения (за исключением военных текстов научного характера).

Рассмотренные характеристики военных текстов говорят и о значительной трудности перевода военных материалов на слух. Представляется мало целесообразным синхронный перевод боевых документов, уставов, постановлений, инструкций и технических описаний, а также и военно-научных статей. В военном переводе синхронный перевод может найти место в различного рода переговорах, дискуссиях, т. е. во всех случаях, когда сохраняется не только устная форма, но и устный стиль изложения.

В военном переводе имеются и присущие именно ему виды работ, к которым, кроме письменного перевода, следует отнести перевод с листа, допрос военнопленного и радиопереговоры. На их краткой характеристике и следует остановиться.

Перевод с листа. Перевод с листа представляет собой зрительно-устный перевод без предварительного чтения. В отличие от других областей применения перевода в военном деле перевод с листа встречается не только как вспомогательное или учебное средство, но имеет и самостоятельное значение.

Переводу с листа чаще всего подлежат боевые документы, инструкции и технические описания, захваченные у противника, а также личные документы, бумаги и письма пленных. Обстановка, в которой приходится работать переводчику, часто не допускает затраты времени на письменный перевод или на предварительное знакомство с полученными документами: их необходимо докладывать немедленно. В этих случаях используется перевод с листа.

Основные трудности перевода с листа заключаются в ограниченном по времени функционировании механизмов восприятия, переключения и оформления перевода

и в одновременном осуществлении основных переводческих операций: восприятия исходного текста и оформления перевода.

В то же время перевод с листа допускает многократное зрительное восприятие исходного текста и определенные стилистические погрешности при оформлении перевода.

Перевод с листа складывается из ряда операций, включенных в речевую деятельность, которые можно условно представить в виде трех отдельных действий:

- зрительное восприятие и понимание исходного текста (чтение про себя);

- поиск решения для каждой вычлененной единицы перевода;

- оформление перевода.

Зрительное восприятие и понимание исходного текста представляет собой фактически осмысленное чтение. В переводе с листа этот вид деятельности превращается в компонент деятельности, поскольку он лишается своего завершения — произнесения вслух воспринимаемого зрительно текста. Главные особенности осмысленного чтения как операции перевода с листа заключаются в нейтрализации артикуляционного аппарата, который необходим для оформления перевода, и в синхронизации чтения с говорением. Главная предпосылка успеха чтения про себя в переводе с листа — умение определить оптимальную величину отрезка воспринимаемого текста, позволяющую идентифицировать его содержание и принять решение на перекодирование. Чаще всего такой отрезок текста совпадает с речевым сегментом и выступает в функции единицы перевода. Однако восприятие и общее знакомство на таком сегменте, как правило, не завершается. Понимание речевого сегмента будет более исчерпывающим, если он воспринимается в контексте. Вот почему в переводе с листа рекомендуют воспринимать зрительно одну-две строчки исходного текста, пересчитывая несколько раз «глазами» сложные места.

Поиск решения для каждой единицы перевода является вторым и наименее изученным действием в переводе с листа. Гипотетически можно считать, что поиск решения осуществляется по ступеням: поиск грамматического эквивалента воспринятой синтаксической конструкции и принятие решения; поиск лексических эквивалентов и принятие решения. Перебои в операциях на-

чинаются всякий раз при отсутствии в долговременной памяти переводчика необходимого эквивалента. В этом случае происходит нечто вроде перебора имеющихся в памяти синтаксических конструкций, способных служить вариантом ожидаемого решения по воспринятой конструкции. Нечто аналогичное происходит и в лексической области. И в том, и в другом случае широко используются трансформации.

Оформление перевода представляет собой фактически порождение речи, стимулируемое замыслом, подсказанным информацией исходного текста. Оформление перевода может быть и порождением речи, стимулируемым единицами перевода исходного текста. Оформление перевода обычно контролируется слуховыми анализаторами переводчика. Оно регулируется темпом речи переводчика (в отличие от синхронного перевода темп речи переводчика полностью зависит от него самого), а также нейтральными предложениями, повторами и другими речевыми средствами.

В переводе с листа широко представлены оба способа перевода, многочисленные приемы перевода и различные лексико-семантические и грамматические трансформации.

Допрос пленного. Допрос пленного может проводиться переводчиком или вышестоящим начальником (начальником разведки, начальником штаба, командиром части). В первом случае происходит одноязычная коммуникация и переводческая деятельность наблюдается лишь при составлении протокола допроса пленного, написанного на родном языке. Во втором случае мы имеем дело со специфической формой двустороннего абзацно-фразового перевода.

Напомним, что и двусторонний, и абзацно-фразовый виды перевода являются разновидностью последовательного перевода и могут характеризоваться такими трудностями, как: временные ограничения, накладываемые на механизмы аудирования, переключения и оформления перевода, большая нагрузка на память.

Другие факторы облегчают задачу переводчика в допросе пленного. К ним следует отнести: последовательность в осуществлении переводческих операций, относительно невысокую требовательность к стилистическому оформлению перевода.

В допросе пленного прослеживаются следующие группы операций, направленных на решение частных задач:

- аудирование исходного текста;
- смысловый анализ поступающей информации;
- устное оформление перевода на основе вычлененных смысловых опорных пунктов.

Аудирование текста, автором которого является вышестоящий начальник, обычно не вызывает сложностей и не только потому, что он произносится на родном языке, но и по той причине, что его содержание переводчик обычно предугадывает. Аудирование исходного текста представляет трудность главным образом в случаях, когда в качестве источника сообщения выступает пленный. Кроме того, трудности понимания речи пленного связаны и с тем, что он может представлять самые различные социальные круги и географические районы. Переводчик может столкнуться и с диалектизмами, и с ненормативным произношением, и с употреблением арго. Тексты ответов пленного далеко не всегда имеют те характеристики, которые были даны выше в отношении военных текстов. Но это не значит, что подготовка военного переводчика должна быть переключена на изучение местных говоров и словарей арго. Такая задача фактически нереальна. Нельзя предусмотреть речевые особенности всех районов и стран, говорящих на изучаемом языке, и многочисленных социальных групп. Достаточно, если переводчик знаком с особенностями разговорной речи. Что касается конкретных трудностей, могущих возникнуть в связи с говором и произношением пленного, то у военного переводчика всегда есть возможность заставить его повторить или разъяснить сказанное. Следует также ограничивать речь пленного и по количеству слов, не допуская периодов, включающих более 50—70 слов. Географические названия лучше идентифицировать по карте.

Смысловый анализ поступающей информации во время допроса пленного ничем не отличается от уже рассмотренных методов смыслового анализа при выделении ключевой информации. Здесь также речь идет о выделении ключевой информации для того, чтобы уменьшить количество единиц, подлежащих запоминанию, и создать смысловые опорные пункты, необходимые для последующего порождения текста перевода. Все преци-

зионные слова рекомендуется записывать, так же как и некоторые кванты информации, что не только может разгрузить память, но и помочь оформить протокол допроса пленного. Работу переводчика в допросе пленного значительно упростит знание системы записи.

Оформление перевода при допросе пленного осуществляется на основе вычлененных смысловых опорных пунктов. Это значит, что доминирующим способом перевода является смысловой способ перевода. То обстоятельство, что исходный текст прекращает свое существование к моменту оформления перевода, вынуждает переводчика переходить к элементарному порождению речи на языке перевода. Попеременное изменение направления перевода происходит после пауз, во время которых задаются вопросы пленному и выслушиваются его ответы, поэтому особой трудности в работе переводчика не вызывает.

Подготовка переводчика к допросу пленного должна, в частности, включать:

- изучение разговорного стиля речи в иностранном языке;

- развитие оперативной памяти;

- изучение системы записей;

- изучение основных правил ведения допроса.

Радиопереговоры. В настоящее время благодаря техническому прогрессу радиопереговоры часто осуществляются с предварительной записью исходного текста на магнитную ленту. Это значительно упрощает задачу переводчика, который, таким образом, имеет возможность многократно воспринимать на слух текст и даже записать его сначала на иностранном языке. Ответы переводчика корреспонденту в радиопереговорах ничем не отличаются от обычного продуцирования иностранной речи в микрофон.

В практической работе военного переводчика следует предусмотреть возможность и «прямых» радиопереговоров, т. е. непосредственное получение исходного текста из эфира без его записи на магнитофоне. Такие условия значительно усложняют задачу переводчика и требуют хотя бы беглого рассмотрения.

Анализ условий функционирования мозговых механизмов переводчика показывает, что в этом плане радиопереговоры мало чем отличаются от последовательного перевода с записями. И если есть некоторое отли-

чие, то оно заключается в том, что в радиопереговорах чаще всего переводчик предъявляет текст перевода в письменной форме.

Основные трудности радиопереговоров сводятся:

- к аудированию в сложных условиях (атмосферные помехи, темп речи радиодиктора);

- к запоминанию военного текста, перегруженного информацией, в том числе представленной и в виде прецизионных слов.

Реализация радиопереговоров облегчается:

- временным интервалом между приемом исходного текста и оформлением перевода;

- письменным, а потому многократным оформлением перевода.

Деятельность переводчика в радиопереговорах можно условно расчленить следующим образом:

- аудирование исходного радиотекста;

- запись вычленяемой в результате смыслового анализа информации;

- письменное оформление перевода.

Радиоаудирование военного текста без его записи на магнитную ленту представляет собой один из самых сложных случаев аудирования. Трудности возникают прежде всего в связи с тем, что любая технически оформленная передача текста приводит к некоторому искажению человеческого голоса, что особенно чувствительно, когда передача осуществляется не профессиональными дикторами, а необученным персоналом и через многочисленные военные радиоточки, не имеющие такого мощного и разнообразного оборудования, как стационарные радиостанции. Трудности радиоаудирования связаны также с неизбежными атмосферными помехами, периодическим изменением уровня приема, шумом работы соседних радиостанций и др. Не меньшие трудности в радиоаудировании могут представлять и особенности речи диктора, который обычно широко использует неуставные сокращения и обозначения, хорошо известные его абонентам. Несколько облегчает радиоаудирование значительно увеличенная избыточность речи радиодиктора, которая необходима для обеспечения надежности передачи. Напомним, что по некоторым подсчетам такая избыточность радиопереговоров в авиации достигала 96 % (см. главу 6).

Всю поступающую существенную для данной обстановки информацию необходимо записывать. В отличие от допроса пленного в радиопереговорах переводчик не может полагаться на свою память. Ему может помочь только знание системы записи. Никакой специальной системы записи для военного перевода изобретать не требуется. Существующая система записи в последовательном переводе способна удовлетворить любой аспект перевода. В военном переводе используются те же методы смыслового анализа, та же сокращенная буквенная запись, тот же принцип вертикализма. Необходимо только переосмыслить и добавить некоторые символы. Так, символ «сотрудничество» может означать «взаимодействие», символ «руководитель» — командир, начальник, символ «говорить» (‘’) — приказывать, отдавать распоряжения. К ним следует отнести и условные знаки и сокращения, используемые для нанесения на карту обстановки.

Письменное оформление радиопереговоров не представляет особого труда. Оно допускает исправления, поиск лучших вариантов. Сообщение (информация, предназначенная для передачи) оформляется, как правило, в стереотипных выражениях и в прецизионных словах. Поэтому если прецизионные слова были правильно записаны в процессе аудирования, то их включение в переводной текст с сопутствующими словами и выражениями не вызывает трудностей. Вся избыточная информация в текст перевода не включается.

Рассмотрение специфических видов работ в военном переводе говорит о задачах, которые военному переводчику приходится решать скорее в боевых условиях, чем в условиях мирного времени. Можно сказать, что особенность военного перевода и заключается в комплексе дополнительных функций переводчика, которые появляются в боевых условиях. В условиях мирного времени военный перевод, ограниченный в своем применении видами письменного перевода, не выходит за рамки обычного специального перевода. Но в боевых условиях, условиях решения оперативных задач, военный перевод получает дополнительную специфику, что делает правомочным его особое теоретическое осмысление, его особое место среди видов специального перевода.

ВЫВОДЫ

Военный перевод занимает особое место среди других видов перевода. С точки зрения типичных военных текстов (боевые документы, уставы, инструкции и т. п.) военный перевод может рассматриваться как один из видов специального или, что еще более узко, научно-технического перевода. Это положение вытекает из информативных характеристик военных текстов и специфики составляющих их языковых средств. Такими языковыми средствами являются термины и прецизионные слова, т. е. единицы перевода с фиксированными семасиологическими связями. Термины, не будучи особой группой слов, а будучи особым качеством ординарных слов, тормозят процесс перевода, если их предъявление не вызывает ассоциации на уровне информационного запаса 3-й степени. Особенностью любой терминологической номенклатуры является ее иерархическое построение в виде серии замкнутых микросистем. Осознание иерархии терминов способствует их лучшему пониманию, а следовательно, и реализации операций научно-технического перевода.

Однако военный перевод выходит за рамки специального или научно-технического перевода, если его рассматривать с точки зрения присущих только ему видов работ (перевод с листа, допрос пленного, радиопереговоры). Появление устных видов работ в военном переводе связано с решением оперативных задач в боевых условиях. По сравнению с устными видами работ в общественно-политическом переводе в устных видах работ в военном переводе появляются новые характеристики исходного текста (разговорный стиль речи в допросе пленного, увеличение избыточности речи в радиопереговорах) и условий работы переводчика (зрительное восприятие исходного текста в переводе с листа, зрительное оформление перевода в радиопереговорах).

Характеристики научно-технического перевода (высокий коэффициент информативности исходных текстов, термины как доминирующие в текстах языковые средства) и специфические виды работ позволяют рассматривать военный перевод в качестве научно-технического перевода оперативного назначения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей книге были исследованы различные проблемы теории перевода. Но все они, или почти все, имели и практический аспект. Так, например, типы высказываний не только обосновывались теоретически, но и рассматривались через призму действий переводчика. Сложные вопросы теории информативности текстов анализировались с целью выделения информации различной ценности и определения коэффициента информативности. Изучение семасиологических связей единиц перевода было одновременно и изучением потенциальных действий переводчика. Введение в науку о переводе категории «способ перевода» сопровождалось раскрытием механизма навыка переключения и описанием конкретных приемов и методов перевода. И это не случайно. Необходимость изучения той или иной проблемы теории перевода определялась практикой перевода и тем, что одним из основных вопросов книги было «Что такое перевод?». Вопрос, на который ищут ответ в большинстве других книг о переводе, сформулирован несколько иначе, а именно «Как переводить текст?». В этих книгах принято априори, что переводить нужно весь текст или хотя бы все, поддающееся переводу.

Итак, первое положение информационной теории перевода, излагаемой в этой книге, заключается в том, что перевод сохраняет лишь часть оригинала, что в коммуникации с использованием двух языков, как и в любой другой коммуникации, неизбежны потери.

Исходя из этого положения, оказалось необходимым отделить закономерные потери от потерь нежелательных или же, что, собственно говоря, то же самое, определить, что именно в коммуникации с переводом должно быть сохранено в любом случае. Для решения этого вопроса пришлось отказаться от известной посылки теории и практики перевода, которая заключается в том,

что переводу подлежит предъявленный переводчику текст. Это, впрочем, опровергается и типами высказывания (целевые высказывания), и речевой компрессией в синхронном переводе, и известным приемом компенсации.

Для решения этого вопроса пришлось отказаться от чисто лингвистического подхода к процессу перевода как межъязыковой трансформации. Место лингвистического подхода к переводу занял информационный подход к переводу. Исходный текст стал рассматриваться не как объект трансформации, а как носитель семантической информации и информации о структуре.

Итак, второе положение, сформулированное в этой книге, заключается в том, что в процессе перевода происходит не межъязыковая трансформация, а поиск и передача информации.

Второе положение ставит новый вопрос: «Какую информацию следует передавать в переводе?». Другими словами, вопрос об инварианте в переводе, так как передать необходимо то, что должно быть в любых условиях сохранено, для того чтобы перевод оставался переводом. Невероятно запутанная в теории проблема инварианта решается достаточно просто в практике перевода. В переводе должна сохраняться не вся информация, а та информация, которая предназначена для передачи, то, что хочет источник передать финальному адресату. Информацию, предназначенную для передачи, мы называли сообщением, или инвариантной информацией.

Итак, третье положение информационной теории перевода заключается в том, что целью перевода является передача сообщения, или инвариантной информации.

Это положение как будто усложняет задачу переводчика, которому нужно не просто преобразовывать исходный текст, а «искать» инвариантную информацию. Но, во-первых, интуитивно так поступают все опытные переводчики, а во-вторых, это неизбежно вытекает из коммуникативного задания и условий работы в каждом отдельном случае двуязычной коммуникации. Напомним, что при приеме сообщения любой коммуникант оказывается под воздействием различных видов информации. Условно эти виды информации могут быть представлены как фоновая информация, создающая шум, семантическая и ситуационная информация, в сочетании

которых заключен смысл высказывания, и информация о структуре речевого произведения, способная произвести на коммуниканта дополнительный эстетический эффект. При этом под семантической информацией понимается совокупность всех значений речевого произведения, в том числе и коннотативных и грамматических значений. Анализ поступающей семантической и ситуационной информации позволяет коммуниканту найти смысл состоявшейся коммуникации. Однако в некоторых случаях сообщение формируется и за счет соответствующей организации речевых средств в тексте. Следовательно, функции переводчика заключаются и в том, что он должен уметь оценить не только то, что ему сообщают, но и то, как сообщают, и сделать дополнительный вывод о коммуникативной ценности структуры речевого произведения.

Итак, четвертое положение информационной теории перевода заключается в том, что структура сообщения (информация, предназначенная для передачи) вариативна и строится из различных видов информации.

Вычленение инвариантной информации в переводе сопровождается ее декодификацией, т. е. освобождением от инициальных языковых форм. Декодификация бывает абсолютной, когда переводчику удастся полностью освободить вычлененную информацию от исходного языка, и относительной, когда сохраняются некоторые инициальные формы. Вся вычленяемая инвариантная информация и становится интенцией переводчика, служащей стимулом для порождения текста перевода, который выступает на этой стадии коммуникации как средство передачи сообщения финальному адресату.

Таким образом, переход от одного языка к другому в переводе осуществляется на информационном уровне. Это и есть пятое положение информационной теории перевода.

Сформулированные основные теоретические положения, подробно исследованные в соответствующих главах, составляют как бы информационную модель процесса перевода, согласно которой функции переводчика сводятся к тому, чтобы найти в речевой ситуации № 1 инвариантную информацию и сохранить ее для финального адресата в речевой ситуации № 2. (Речевой ситуацией № 1 в коммуникации с переводом называется ее первая фаза, во время которой сообщение принимается

переводчиком, в речевой ситуации № 2 сообщение принимает финальный адресат).

Поиск инвариантной информации осуществляется в ситуации (имеется в виду положительная ситуация) и в исходном тексте, а при предъявлении информативных высказываний только в исходном тексте. Это обстоятельство потребовало специальных исследований, которые изложены в главе 6 «Информативность текстов». Таким образом, исследование исходных текстов как продукта речевой деятельности инициального источника оказалось необходимой частью общей теории перевода.

Поиск инвариантной информации осуществляется методами смыслового анализа и ведется в пределах единиц текста, наименьшими из которых для этой цели являются речевые сегменты.

Для сохранения инвариантной информации переводчик порождает переводной текст на основе конкретных или абстрактных обозначений вычлененной инвариантной информации. Такими обозначениями могут быть единицы исходного языка, символы системы записи или субъективные представления переводчика.

Если обозначениями выступают символы или субъективные представления, то переход к единицам переводного языка (к порождению переводного текста) происходит только смысловым способом.

Если обозначениями являются единицы исходного текста, то переход к единицам переводного языка может происходить как смысловым, так и знаковым способом.

Владение различными приемами или методами перевода, основывающимися на двух известных способах перевода, есть прежде всего владение искусством лексических, грамматических и семантических трансформаций. Знаковый способ перевода в отличие от смыслового способа реализуется в виде автоматизированных операций, эффективность которых непосредственно зависит от сформированности навыка переключения.

Переводной текст как продукт деятельности переводчика оценивается с точки зрения категории соответствия, выражением которой являются буквальный перевод (соответствие на уровне формальных и/или семантических компонентов) и вольный перевод (соответствие на уров-

не ключевой информации). Соответствие определяется при сопоставлении исходного и переводного текстов. Если сопоставление исходного и переводного текстов основывается на положениях теории несоответствий, то появляется возможность оценивать количество и качество переданной информации.

Таким образом, теоретическими проблемами перевода, оказавшимися в центре внимания этой книги, были: информационная модель перевода, теория информативности текстов, теория несоответствий и две основополагающие категории перевода: способ перевода и соответствие. Рассмотрение теоретических проблем перевода и тесно связанных с ними практических вопросов, в том числе таких, как методы письменного, последовательного и синхронного перевода, различные приемы перевода и особенности военного перевода, позволяет сделать вывод о своеобразной переводческой антиномии, а именно о том, что хотя сам перевод не есть межъязыковая трансформация, тем не менее деятельность переводчика может быть представлена как всевозможные трансформации на различных уровнях. Такими трансформациями являются:

- трансформации на лексическом уровне (внутриязыковая и межъязыковая синонимия): имеются в виду операции знакового способа перевода и часть операций с исходным текстом в синхронном переводе;

- трансформации на семантическом уровне (представители деловых кругов — бизнесмены): имеются в виду операции в методах сегментации текста, записей, трансформации исходного текста, смысловом анализе, большинстве приемов перевода и др.;

- трансформации на информационном уровне: имеются в виду целевые высказывания, вычленение ключевой информации, использование символов в системе записи, отдельные операции метода сегментации текстов, речевой компрессии и др.

Если трансформации на лексическом уровне (поверхностные структуры) и на семантическом уровне (глубинные структуры) можно интерпретировать как лингвистические операции переводчика, то трансформации на информационном уровне представляют собой собственно переводческие операции, которые и определяют специфику и право на самостоятельность науки о пере-

воде. Более того, трансформации на лексическом и семантическом уровне играют подчиненную роль по отношению к трансформациям на информационном уровне, которые они, собственно говоря, и призваны обеспечивать. И это происходит потому, что в отличие от характера действий переводчика сам перевод есть не трансформация, а передача инвариантной информации (сообщения) в условиях, когда коды, которыми пользуются источник и адресат, не совпадают.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Абзацно-фразовый перевод. Упрощенный вид последовательного перевода, при котором текст переводится после прослушивания не целиком, а по частям, как правило, по фразам или абзацам.

Адекватная замена. Одно из закономерных соответствий, к которому прибегает переводчик, когда для точной передачи мысли приходится оторваться от буквы подлинника, от словарных соответствий и искать решение задачи исходя из целого.

Адекватный перевод. Воссоздание единства содержания и формы подлинника средствами другого языка. Адекватный перевод является целью художественного перевода. Некоторые авторы предлагают употреблять вместо термина «адекватный перевод» термин «полноценный перевод», имея в виду «исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему» [81].

Адресат. Лицо, которому предназначено сообщение. Коммуникант (см.), получающий информацию. В переводе различают финальный адресат (см.) и адресат-дублер, которым является переводчик.

Аналог. Результат перевода по аналогии посредством выбора одного из нескольких возможных синонимов.

Антонимический перевод. Прием перевода, заключающийся в замене понятия, выраженного в подлиннике, противоположным понятием.

Ассоциативный символ. См. Символ.

Аудитория. Коллективный адресат. В коммуникации с переводом часто выступает как финальный адресат, состоящий из двух и более человек. В переводе различается открытая, полужакрытая и закрытая аудитория (см.)

Безэквивалентная лексика. Слова исходного текста, обозначающие местные явления, понятия, реалии, не имеющие соответствий в языке перевода.

Билингв. Лицо, владеющее двумя языками.

Буквализм. Переводческая ошибка, являющаяся результатом соответствия формальных или семантических компонентов двух языков. Создание ложных знаковых связей между двумя языками на основе формальных или семантических связей.

Буквальный перевод. Воспроизведение в переводном тексте формальных и/или семантических компонентов исходного текста.

Буквенный символ. См. Символ.

Вариантное соответствие. Термин Я. И. Рецкера. В своей теории закономерных соответствий Я. И. Рецкер так называет один

из возможных вариантов перевода единицы исходного текста, обусловленных контекстом.

Вводящая конструкция. Часть предложения, содержащая информацию об источнике сообщения, например: «Газета „Правда“ сообщает, что...».

Имеет свое обозначение в системе записи.

Вероятностное прогнозирование. Умственные действия или операции в синхронном переводе, выражающиеся в предугадывании поступающих единиц исходного текста.

Военный перевод. Вид специального перевода оперативного назначения, объектом которого являются военные материалы.

Вольный перевод. Установление соответствия между текстами в переводе на уровне ключевой информации без учета формальных и семантических компонентов исходного текста.

Временные семасиологические связи. Семасиологические связи единиц речи, употребляемых в переносном значении. Временные семасиологические связи присущи таким единицам перевода, как образные выражения.

Выраженные семасиологические связи. Семасиологические связи, позволяющие уяснить денотат, референт или ситуацию, обозначаемые языковым знаком.

Высказывание. В зависимости от соотношения семантической и ситуационной информации в переводе различаются следующие типы высказываний: целевые высказывания; тематические высказывания; информативные высказывания (см.).

Выходной текст. См. Тексты в переводе.

Генерализация понятия. Прием перевода, заключающийся в переходе от видового понятия к родовому, например, «синица» переводится как «птица», «виноград» как «фрукты».

Грамматическая трансформация. Один из приемов перевода. Изменение структуры предложения, словосочетания или слов при сохранении семантической информации.

Двусторонний перевод. Последовательный перевод беседы, осуществляемый с языка № 1 на язык № 2 и с языка № 2 на язык № 1.

Дематериализация информации. Условное название «освобождения» информации от исходного языка в переводе.

Денотат. Предмет или явление, обозначаемое знаком в конкретном речевом произведении.

Доминирующая информация. Основная информация речевого сегмента (см. Сегментация текста). Как правило, ключевая информация в речевом сегменте, создающая представление обо всем содержании речевого сегмента.

Дополнительная информация. См. Информация.

Дополнительный эстетический эффект. Эстетический эффект в процессе коммуникации, достигаемый за счет особенностей структуры речевого произведения. Учитывается в некоторых видах перевода.

Дословный перевод. Механическая подстановка слов языка перевода вместо слов исходного языка.

Единица перевода. Единица речи, требующая самостоятельного решения на перевод. В качестве постоянных (готовых) единиц перевода выступают штампы, ситуационные клише, термины, пословицы и образные выражения.

Единица текста. Элемент текста как системы. Чаще всего слова, словосочетания, предложения.

Закономерные соответствия. Так Я. И. Рецкер называет слова, словосочетания или предложения исходного текста и их адекватную замену в переводном тексте. Я. И. Рецкер устанавливает в зависимости от степени устойчивости три вида закономерных соответствий между единицами текстов в переводе: эквиваленты, аналогии, адекватные замены (см.).

Закрытая аудитория. Закрытая или рассредоточенная аудитория редко встречается в коммуникации с переводом в качестве фактического адресата. Закрытая, рассредоточенная аудитория наблюдается у средств массовой коммуникации: прессы, радио, телевидения. Ее главная особенность — отсутствие немедленной обратной связи.

Записи в последовательном переводе. Вспомогательное средство памяти переводчика, заключающееся в фиксировании на бумаге наиболее важной с точки зрения переводчика информации.

Знаковый способ перевода. Одна из объективно существующих закономерностей перехода от одного языка к другому, которая выражается в переводческих операциях на формально-знаковом уровне. Знаковый способ перевода используется преимущественно в синхронном переводе.

Зрительно-письменный перевод. Письменный перевод текста, воспринимаемого зрительно (традиционное название — письменный перевод). Л. С. Бархударов предлагает называть этот вид перевода письменно-письменным.

Зрительно-устный перевод. Устный перевод текста, воспринимаемого зрительно. В основном имеется в виду перевод с листа. Л. С. Бархударов называет этот вид перевода письменно-устным.

Инвариант в переводе. Инвариантом называют то, что должно оставаться неизменным в результате процесса перевода, а именно сообщение, понимаемое как информация, предназначенная для передачи.

Инвариантная информация. Информация, предназначенная для передачи. То же, что и сообщение.

Инвариантная единица. Условное название единиц исходного текста, включающих компоненты сообщения. Например, слова, несущие ключевую информацию.

Интерпретация. И. И. Ревзин и В. Ю. Розенцвейг так называют смысловой способ перевода, т. е. перевод с обращением к действительности.

Информативные высказывания. Высказывания, смысл которых определяется семантической информацией, содержащейся в них.

Информационный запас. Объем информации, ассоциируемый коммуникантом с языковым знаком или обозначенным им объектом действительности. Различаются пять степеней информационного запаса.

Информационный запас 1-й степени есть минимальный объем информации, позволяющий соотнести предъявляемую лексическую единицу с той или иной областью жизни.

Информационный запас 2-й степени позволяет распределять обозначаемые уже не по классам предметов, явлений, а по родам.

Информационный запас 3-й степени позволяет на основе предъявленной лексической единицы выделить денотат из группы однородных предметов.

Информационный запас 4-й степени представляет собой некоторое количество систематизированных сведений о денотате.

Информационный запас 5-й степени — наиболее обширные сведения о денотате.

Информация. В переводе поступающие к коммуниканту сведения, способные преобразовывать речевое произведение и ситуацию в смысл, дополнительный эстетический эффект и шум. В переводе различаются следующие виды информации в зависимости от ее коммуникативной ценности:

- ключевая или уникальная информация, т. е. совершенно новые сведения, которые ни контекстом, ни ситуацией подсказаны быть не могут;

- дополнительная информация, т. е. сведения, которые известны компетентному (подготовленному в данной области на уровне информационного запаса 3-й степени) реципиенту, например, Москва — столица СССР;

- уточняющая информация, т. е. сведения, которые имплицитно содержатся в других словах текста;

- повторная информация, т. е. сведения, приведенные в данном тексте не в первый раз;

- нулевая информация или отсутствие каких-либо сведений.

Теория несоответствий различает также следующие виды информации, выделяемые при сравнительном изучении текстов в переводе:

- непереданная информация, т. е. сведения, которые имеются в исходном тексте и отсутствуют в тексте перевода;

- прибавочная (дополнительная) информация, т. е. сведения, которые имеются в тексте перевода и которых нет в исходном тексте.

Источник. Лицо, от которого исходит сообщение. Коммуникант, передающий информацию. В переводе различаются:

- инициальный источник, т. е. коммуникант, предъявляющий исходный текст;

- источник-дублер, другими словами, переводчик, порождающий для адресата переводной текст.

Исходный текст. См. Тексты в переводе.

Исходный язык. Язык, с которого осуществляется перевод.

Категория деятеля. Одно из исходных понятий теории перевода. Категория деятеля представлена в науке о переводе в виде оппозиции: машинный перевод — перевод, осуществляемый человеком.

Квант информации. Некоторое количество взаимосвязанной и представляющей с точки зрения анализируемого текста одно смысловое целое информации. Различают кванты непереданной и прибавочной информации, а также кванты ключевой, дополнительной, уточняющей, повторной и нулевой информации.

Ключевая информация. См. Информация.

Код. Система знаков и правила их использования для передачи или приема сообщений.

В переводе различаются: исходный код, т. е. язык исходного текста; субъективный код, или система условных обозначений, ко-

торым пользуется переводчик в записях; код переводного (выходного) текста, т. е. язык перевода.

Коммуникант. Один из участников коммуникации: источник или адресат. Лицо, принимающее участие в передаче или приеме информации. Переводчик, будучи коммуникантом, выступает как дублер источника и адресата.

Коммуникативный эффект. Воздействие, произведенное на получателя в результате передачи сообщения.

Коммуникация с использованием двух языков. Коммуникация при помощи перевода, представляет собой объект науки о переводе.

Конкретизация понятий. Прием перевода, который заключается в переходе от родового понятия к видовому (например, «учащийся» переводится в зависимости от контекста как «студент» или «слушатель»).

Константные семасиологические связи. Семасиологические связи единиц речи, употребляемые в прямом (непереносном) значении.

Контекст. Лингвистическое окружение слова, высказывания; содержание текста.

Лексическая трансформация. Перекодирование информации, осуществляемое лексическими средствами.

Логическое развитие понятий. Прием перевода, который заключается в замене одного понятия другим, связанным друг с другом как причина и следствие, часть и целое, орудие и деятель.

Метод записи. Метод последовательного перевода, предусматривающий использование записей в качестве вспомогательного средства памяти.

Метод перевода. В отличие от способа перевода метод перевода является не объективно существующей закономерностью, а вырабатываемой человеком целенаправленной системой взаимосвязанных приемов, учитывающей вид и способы перевода.

Метод сегментации текста. Один из методов письменного перевода, заключающийся в делении исходного текста на сегменты, извлечении из каждого сегмента доминирующей информации, ее условном кодировании, создающим опорные смысловые пункты для оформления перевода.

Метод смыслового анализа. Метод, при помощи которого осуществляется смысловой анализ в переводе. Известны следующие методы, используемые в системе записей при последовательном переводе:

— метод выбора слова с наибольшей информационной нагрузкой, при котором отбираются слова, содержащие ключевую информацию;

— метод трансформации, при котором несколько слов, содержащих ключевую информацию, трансформируются в более удобное обозначение, например, «представители деловых кругов — бизнесмены»;

— метод выбора рельефного слова, при котором отбираются для записи не слова с наибольшей информационной нагрузкой, а наиболее необычные, колоритные, обращающие на себя внимание слово.

Метод трансформации исходного текста. Один из методов синхронного перевода, предусматривающий подготовку исходного

текста к операциям на формально-знаковом уровне путем лексических, грамматических трансформаций и речевой компрессии.

Метод «черного ящика». Один из методов исследования процесса перевода, который заключается в измерении и сопоставлении данных исходного текста с данными переводного текста.

Механизм вероятного прогнозирования. Важное, особенно для синхронного перевода, умение предугадывать поступающие от источника единицы текста и даже обозначаемые элементы ситуации.

Навык переключения. Умение осуществлять автоматизированные операции по поиску и реализации решения на перекодирование предъявленной для передачи единицы текста. Как правило, навык переключения предусматривает операции на формально-знаковом уровне.

Навык синхронизации слуховой рецепции и речи. Умение одновременно совершать две важнейшие операции перевода: восприятие исходного текста и оформление перевода.

Непереданная информация. См. Информация.

Несоответствие. Несоответствием в переводе называется некоторое количество непереданной или добавленной информации, вычленяемой в виде либо непереведенного речевого отрезка в исходном тексте, либо добавленного речевого отрезка в переводном тексте.

Нулевая информация. См. Информация.

Образные выражения. Единицы речи, употребляемые в переносном значении. В переводе обычно требуют отдельного решения на перевод, т. е. выступают как единицы перевода.

Обратный перевод. Перевод текста перевода на язык оригинала.

Общая теория перевода. Научная концепция о сущности и особенностях любой двуязычной коммуникации.

Операции на формально-знаковом уровне. Операции перевода, осуществляемые без идентификации денотата на основе функционирования навыка переключения.

Описательный прием. Прием перевода, который заключается в описании средствами другого языка обозначенного понятия. К этому приему прибегают, если в языке перевода нет соответствующей номинации или она неизвестна переводчику.

Ораторская речь. Продуктивная речь, адресованная коллективному получателю, переводится синхронно или последовательно.

Оригинал. Исходный текст в переводе. Текст, с которого осуществляется перевод.

Открытая аудитория. Открытая или контактная аудитория — наиболее часто встречающийся финальный адресат в коммуникации с переводом. Открытая аудитория отличается наличием обратной связи (переводчик видит и слышит реакцию на свои действия) и определенной организацией.

Отрицательная речевая ситуация. Часть речевой ситуации, препятствующая коммуникации и являющаяся источником фоновой информации.

Оформление перевода. Порождение переводного текста. Оформление перевода может быть письменным и устным.

Перевод. Вид речевой деятельности, удваивающий компоненты коммуникации, целью которого является передача сообщения в тех случаях, когда коды, которыми пользуются источник и получатель, не совпадают.

Переводема. Термин, предложенный В. Н. Комиссаровым вместо единицы перевода.

Переводимость. Объективно существующая возможность передать сообщение в условиях коммуникации с использованием двух языков.

Переводной текст. См. Тексты в переводе.

Переводоведение [переводология, транслатология]. Одно из предложенных наименований науки о переводе.

Переводческие универсалии. Понятия и категории перевода, существующие независимо от условий перевода, жанрового характера текстов и контактирующих языков. К переводческим универсалиям можно отнести инвариант, сообщение, способы перевода, соответствия, единицу перевода и др.

Переводчик. Дополнительный преобразователь в коммуникации, необходимость в котором возникает в случаях, когда коды, которыми пользуются источник и адресат, не совпадают.

Письменно-письменный перевод. То же самое, что зрительно-письменный перевод, или просто письменный перевод.

Письменно-устный перевод. То же самое, что и зрительно-устный перевод.

Письменный перевод. Наиболее распространенный вид профессионального перевода, при котором восприятие текста осуществляется зрительным путем, а оформление перевода письменно. Этот же вид перевода в некоторых классификациях называют зрительно-письменным, или письменно-письменным переводом.

Письменный перевод на слух. Письменный перевод текста, воспринятого на слух. В настоящее время существует главным образом как учебный вид перевода (перевод-диктовка, письменный перевод звукозаписи). По терминологии Л. С. Бархударова этот же вид перевода называется устно-письменным переводом.

Повторная информация. См. Информация.

Подлинник. Исходный текст в переводе.

Положительная речевая ситуация. Та часть речевой ситуации, которая благоприятствует передаче сообщения и которая является источником ситуативной информации.

Полузакрытая аудитория. Финальный адресат, чаще всего наблюдаемый в синхронном переводе: переводчик слышит через наушники реакцию аудитории, но не видит ее.

Получатель. То же, что и адресат. Коммуникант, принимающий информацию.

Последовательный перевод. Устный перевод текста после его прослушивания. Различают последовательный перевод с записью и абзацно-фразовый перевод, а также односторонний перевод (перевод осуществляется только в одном направлении с языка № 1 на язык № 2) и двусторонний перевод.

Чаще всего последовательным переводом называют устный перевод на слух с записями как профессиональный вид переводческой деятельности.

Пословица. Законченное высказывание образного характера и с назидательным смыслом. Пословица, включенная в текст, предназначенный для перевода, обретает статус единицы перевода, так как требует отдельного решения на перевод.

Прагматическая адаптация. Преобразование исходного текста с учетом информационного запаса получателя.

Предметная ситуация. Отрезок действительности, описываемый в высказывании.

Прецизионные слова. Однозначные, но в отличие от терминов общеупотребительные слова, не вызывающие, как правило, конкретных ассоциаций. В устном переводе вызывают определенные трудности. К прецизионным словам относятся имена собственные, названия дней недели и месяцев, числительные.

Прибавочная информация. См. Информация.

Прием компенсации. Прием перевода, восполняющий неизбежные семантические или стилистические потери средствами языка перевода, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в подлиннике.

Прием перевода. Конкретное действие или конкретные операции, вызванные возникшими трудностями в процессе перевода.

Производные символы. См. Символ.

Процесс перевода. Деятельность переводчика от восприятия исходного текста до порождения текста перевода. Составляет специфику и основное звено коммуникации с использованием двух языков.

Реструктурирование. Термин Ю. Найды, обозначающий стадию порождения текста перевода, отвечающего не только синтаксическим, но стилистическим нормам языка перевода.

Референт. Класс однородных предметов, явлений, обозначаемый знаком.

Речевая деятельность. Система преимущественно речевых действий, направленных на достижение какой-либо цели. Перевод является одним из видов речевой деятельности наряду с письмом, чтением, говорением и слушанием.

Речевая компрессия. Уменьшение слоговой величины исходного текста за счет избавления от единиц речи, несущих второстепенную информацию, а также за счет лексических и грамматических трансформаций.

Речевая ситуация. Реальная действительность, в которой осуществляется коммуникация. В коммуникации с переводом различается речевая ситуация № 1, во время которой сообщение принимается переводчиком, и речевая ситуация № 2 при приеме сообщения финальным адресатом. Кроме того, в коммуникации с переводом речевая ситуация подразделяется на положительную и отрицательную (см.).

Речевой сегмент. Минимальный отрезок речи, характеризующийся относительно смысловой независимостью и полученный в результате сегментации текста по правилу сохранения непрерывности речевой цепочки при следовании управляемого компонента за управляющим словом.

Решение на перевод. Выбор синонимической замены (как правило, на другом языке) к единице перевода.

Сегментация текста. Деление текста на речевые сегменты, основывающееся на принципе сохранения непрерывности речевой цепочки при следовании управляемого компонента за управляющим словом и учитывающее некоторые исключения. Сегментация текста позволяет определять информативность текста, она же составляет основу одного из методов письменного перевода.

Семантическая информация. Информация, содержащаяся в высказывании и передаваемая через значения единиц языка.

Семасиологические связи. Связи языкового знака с денотатом. У единиц перевода различают следующие семасиологические связи: константные или временные; фиксированные или нефиксированные; выраженные или стертые.

Семиотический уровень. Уровень подготовки человека с точки зрения его личного тезауруса и умения оперировать им.

Символ. Условное обозначение информации, используемое в записях при последовательном переводе. По способу обозначения символы системы записи подразделяются:

- на буквенные символы (в качестве символа выступает начальная буква слова);

- на ассоциативные символы (в качестве символа выступает простейший идеографический знак, напоминающий какой-нибудь предмет, или условное обозначение);

- на производные символы (символы, полученные на основе особого использования буквенных или ассоциативных символов).

Синхронный перевод. Устный перевод, осуществляемый одновременно со слуховым восприятием исходного текста. Один из основных видов профессионального перевода.

Система записи. Вспомогательное средство памяти, включающее правила отбора и записи информации, поступающей к переводчику в последовательном переводе.

Ситуационная информация. Информация, поступающая от экстралингвистических факторов, способствующих акту речи.

Ситуационное клише. Стереотипное выражение, обязательное для данной ситуации. Например: «Говорит Москва!», «Добро пожаловать!».

Ситуационные клише требуют отдельного решения на перевод, т. е. могут рассматриваться как единицы перевода независимо от исходного текста, в состав которого они входят.

Ситуация. Совокупность компонентов реальной действительности, существующих в момент речевого действия или описываемых в высказывании. Различают речевую ситуацию (см.) и предметную ситуацию (см.).

Слоговая величина. Количество слогов в тексте.

Смысл. В теории перевода смысл определяется как содержание речевого произведения в данной конкретной ситуации, как результат взаимодействия семантической и ситуационной информации.

Смысловая группировка текста. Выделение из текста единиц, несущих информацию различной коммуникативной ценности.

Смысловая информация. Смысл речевого произведения, являющийся результатом сопоставления семантической и ситуационной информации.

Смысловой анализ. Одна из обязательных операций переводчика при восприятии исходного текста. Смысловой анализ имеет своей целью определение смысла и выделение инвариантной информации. При смысловом анализе исходного текста используются известные методы смыслового анализа: метод выбора слова с наибольшей информационной нагрузкой, метод трансформации, метод выбора рельефного слова.

Смысловой способ перевода. Одна из объективно существующих закономерностей перехода от одного языка к другому, которая имеет в виду идентификацию денотата, предваряющую поиск иноязычного соответствия.

Сокращенная буквенная запись. Одно из правил системы записи, которое формулируется следующим образом: запись русских слов, содержащих пять букв и более, производится с выбрасыванием гласных из середины слова; не записываются также окончания прилагательных или существительных, одна из двойных согласных и некоторые согласные в длинных словах.

Сообщение. Информация, предназначенная для передачи. Информация может совпадать и не совпадать с содержанием речевого произведения, она может включать и информацию о структуре речевого произведения (например, о стиле автора).

Соответствие. Одна из основополагающих категорий науки о переводе. Абсолютное соответствие в переводе выражается в совпадении формальных, семантических и информативных компонентов исходного и переводного текстов в переводе, что практически не может быть достигнуто. Категория соответствия проявляется в переводе в виде оппозиции «буквальный перевод — вольный перевод». Соответствием также называют один из вариантов перевода единицы исходного текста.

Специальный перевод. Перевод материалов, относящихся к какой-либо отрасли знаний со своей терминологической номенклатурой.

Способ перевода. Одна из основополагающих категорий науки о переводе. Способ перевода определяется как объективно существующая закономерность перехода от одного языка к другому в переводческой деятельности. Известны два способа перевода — знаковый и смысловой.

Стертые семасиологические связи. Связи языкового знака с денотатом, которые не воспринимаются коммуникантом.

Стилистическая модификация. Замена в переводе элементов текста одного функционального стиля элементами другого стиля.

Текст. Любая последовательность графических или звуковых языковых знаков, ограниченная единым назначением.

Тексты в переводе. В переводе различают исходный текст, предназначенный для перевода (его иногда называют оригиналом или подлинником); переводной текст, полученный в результате перевода (другое его наименование — выходной текст).

Тематические высказывания. Высказывания, содержание которых определяется заданной ситуацией (темой) и ситуационной информацией.

Теория несоответствий. Теория, основывающаяся на том положении, что переводной текст всегда содержит некоторое количество информации, отсутствующей в исходном тексте, и что часть информации исходного текста не представлена в переводном тексте. Сопоставительный анализ текстов в переводе на основе несоответствий дает возможность вскрыть особенности процесса перевода, выявить трудности работы переводчика, закономерности перехода с одного языка на другой.

Теория перевода. Логически обоснованная модель двуязычной коммуникации. Следует различать общую теорию перевода и частную теорию перевода.

Термин. Слово, надсленное качеством обозначать научное понятие, составляющее вместе с другими понятиями данной отрасли науки или техники одну семантическую систему.

В тексте, предназначенном для перевода, термин всегда требует отдельного решения на перевод, т. е. выступает как единица перевода.

Транслят. Термин О. Каде, который так называет результат перевода, стремясь разграничить два понятия: перевод как процесс передачи сообщения средствами другого языка и перевод как результат этого процесса.

Трансформация. Основа большинства приемов перевода. Заключается в изменении формальных (лексические и грамматические трансформации) или семантических (семантические трансформации) компонентов исходного текста при сохранении информации, предназначенной для передачи.

Уникальная информация. См. Информация.

Устно-письменный перевод. То же самое, что письменный перевод на слух.

Устно-устный перевод. То же самое, что устный перевод на слух.

Устный перевод. Понятие, объединяющее все виды перевода, предполагающее устное оформление, в том числе такие самостоятельные виды перевода, как последовательный перевод, синхронный перевод и перевод с листа.

Устный перевод на слух. Устный перевод текста, воспринятого на слух. Включает два важнейших профессиональных вида перевода: последовательный перевод и синхронный перевод. По терминологии Л. С. Бархударова устно-устный перевод.

Уточняющая информация. См. Информация.

Фиксированные семасиологические связи. Семасиологические связи, закрепляющие данный языковой знак за денотатом. Фиксированные семасиологические связи свидетельствуют об однозначности языкового знака, об отсутствии у него синонимов. Фиксированные семасиологические связи наблюдаются у терминов, ситуационных клише, прецизионных слов.

Финальный адресат (получатель). В переводе коммуникант, замыкающий двуязычную коммуникацию, в отличие от переводчика, являющегося промежуточным адресатом, или адресатом-дублером.

Фоновая информация. Информация, поступающая от экстралингвистических факторов, создающих помехи акту коммуникации.

Художественный перевод. Перевод художественной литературы.

Целевые высказывания. Высказывания, смысл которых совпадает с целью речевых действий и определяется через соотнесение ситуационной и семантической информации.

Частная теория перевода. Сопоставление двух конкретных языков с позиций задач и целей науки о переводе.

Штампы. Часто повторяющаяся речевая формула с относительной дисфункциональностью и, следовательно, со стертыми семасиологическими связями. Требует самостоятельного решения на перевод, а потому выступающая в любом тексте как единица перевода.

Эквиваленты. В переводе так называют межъязыковые синонимы. В теории закономерных соответствий Я. И. Рецкер эквивалентами называет постоянные разнозначные соответствия между единицами исходного и переводного текстов, не зависящие от контекста.

Язык перевода. Язык, на который осуществляется перевод.

Язык-посредник. Промежуточный язык между исходным и переводным языками. Используется в машинном переводе. Языком-посредником следует считать и записи в последовательном переводе.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анцыферова Л. И. Принципы связи психики и деятельности и методология психологии.— В кн.: Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969.
2. Артемов В. А. Психологические предпосылки активизации научения иностранным языкам. «Иностранные языки в школе», 1971, № 1.
3. Артемов В. А. Психология обучения иностранным языкам. М., 1966.
4. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
5. Ахманова О. С. и др. О точных методах исследования языка. М., 1961.
6. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
7. Бархударов Л. С. Общелингвистическое значение перевода.— В кн.: Теория и практика перевода. М., 1962.
8. Бархударов Л. С. Уровни языковой иерархии и перевод. «Тетради переводчика». М., 1969.
9. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М., 1975.
10. Берков В. П. Типы грамматической информации и избыточность.— В кн.: Материалы по математической лингвистике и машинному переводу. М., 1963.
11. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Философские проблемы исследования систем и структур. «Вопросы философии», 1970, № 2.
12. Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958.
13. Виноградов В. В. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения. «Вопросы языкознания», 1954, № 1.
14. Войшвилло Е. К. Понятие. М., 1967.
15. Волкова В. Д. О некоторых особенностях образования условных рефлексов на речевые раздражители. «Физиологический журнал СССР», т. XXXIX, 1953, вып. 3.
16. Выготский Л. С. Мышление и речь. Избранные психологические исследования. М., 1956.
17. Гаврилов Л. А. Двусторонний перевод — вид устного перевода? «Тетради переводчика». М., 1966.
18. Гак В. Г. Беседы о французском слове. М., 1966.
19. Гак В. Г. О моделях языкового синтеза «Иностранные языки в школе», 1969, № 4.
20. Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания.— В кн.: Семантическая структура слова. М., 1971.
21. Гак В. Г., Львин Ю. И. Курс перевода. Французский язык. М., 1970.

22. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода. Цит. по кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. I. М., 1964.

23. Дридзе Т. М. Ассоциативный эксперимент в конкретном социологическом исследовании.— В кн.: Семантическая структура слова. М., 1971.

24. Дридзе Т. М. Язык информации и язык реципиента как факторы информативности.— В кн.: Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики. М., 1972.

25. Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи. «Вопросы языкознания», 1964, № 6.

26. Жинкин Н. И. Развитие письменной речи учащихся. «Известия АПН РСФСР», вып. 78, 1956.

27. Жолковский А. К. К построению действующей модели «смысл — текст». — В кн.: Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. II. М., 1969.

28. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976.

29. Зимняя И. А., Чернов Г. В. Вероятностное прогнозирование в процессе синхронного перевода.— В кн.: Психолингвистика в СССР. М., 1974.

30. Иванов В. А. О лингвистическом аспекте стихотворного перевода.— В кн.: Машинный перевод. Вып. 2, 1966.

31. Ковач Д. Готовность сложных моторных реакций в зависимости от раздражителей доминантного и недоминантного языков. «Вопросы психологии», 1963, № 1.

32. Колгушкин А. Н. Лингвистика в военном деле. М., 1970.

33. Колшанский Г. В., Сухова И. П. Принципы составления семантических систем языков и проблемы перевода. «Лингвистика и методика в высшей школе». М., МГПИИЯ им. М. Тореза, 1970.

34. Комиссаров В. Н. Слово о переводе. М., 1973.

35. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.

36. Костомаров В. Г. Культура речи и стиль. М., 1960.

37. Кузьмин Ю. Г. К вопросу о предмете и методе теории перевода.— В кн.: Вопросы теории и практики научно-технического перевода. Л., 1968.

38. Леонтьев А. А. Общественные функции языка и его функциональные эквиваленты.— В кн.: Язык и общество. М., 1968.

39. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.

40. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и сознание. Материалы XVIII международного психологического конгресса. Симпозиум 13. Мотивы и сознание в поведении человека. М., 1969.

41. Леонтьев А. Н. и Панов Д. Ю. Психология человека и технический прогресс.— В кн.: Философские вопросы высшей нервной деятельности и техники. М., 1963.

42. Лурия А. Р. и Виноградова О. С. Объективное исследование динамик семантических систем.— В кн.: Семантическая структура слова. М., 1971.

43. Маркосьян А. А. О взаимодействии двух сигнальных систем при непроизвольных процессах. Материалы совещания по психологии. М., 1957.

44. Марушевский М. О взаимодействии двух сигнальных систем в ориентировочных реакциях. «Вопросы психологии», 1957, № 1.

45. Мельников Г. П. Азбука математической логики. М., 1967.

46. Мигачев А. А. Общая схема французского ораторского выступления. Автореферат канд. дисс. М., 1975.

47. Миллер Дж. А. Магическое число семь плюс или минус два. О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию.— В кн.: Информационная психология. М., 1964.

48. Миллер Дж. А., Галантер Е., Прибрам К. Планы и структура поведения. М., 1965.

49. Миньяр-Белоручев Р. К. Методика обучения переводу на слух. М., 1959.

50. Миньяр-Белоручев Р. К. Последовательный перевод. М., 1969.

51. Миньяр-Белоручев Р. К. Учебное пособие по устному переводу (Записи в последовательном переводе). М., 1969.

52. Нарский И. С. Диалектическое противоречие и логика познания. М., 1969.

53. Нарский И. С. Проблема значения «значение» в теории познания.— В кн.: Проблема знака и значения. М., 1969.

54. Пешковский А. М. Еще к вопросу о предмете синтаксиса. «Русский язык в советской школе», 1929, № 2.

55. Пиотровский Р. Г. Информационные измерения языка. М., 1968.

56. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. 1966.

57. Ревзин И. И., Розенцвейг В. Ю. К обоснованию лингвистической теории перевода. «Вопросы языкознания», 1962, № 1.

58. Ревзин И. И., Розенцвейг В. Ю. Основы общего и машинного перевода. М., 1964.

59. Редозубов К. Н. Аббревиация как новый способ словообразования в современном французском языке. Автореферат канд. дисс., М., 1973.

60. Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., 1955.

61. Рецкер Я. И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык.— В кн.: Вопросы теории и методики учебного перевода. М., 1950.

62. Рецкер Я. И. Пособие к курсу перевода с французского языка. М., 1949.

63. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М., 1974.

64. Словарь иностранных слов. М., 1949.

65. Слюсарева Н. А. О знаковой ситуации.— В кн.: Язык и мышление. М., 1967.

66. Смирницкий А. И. Значение слова. «Вопросы языкознания», 1955, № 2.

67. Смысловое восприятие речевого сообщения. Под ред. Т. М. Дридзе и А. А. Леонтьева. М., 1976.

68. Соболев Л. Н. О мере точности в переводе.— В кн.: Теория и методика учебного перевода. М., 1950.
69. Соколов А. Н. Психологический анализ понимания иностранного текста. «Известия Академии педагогических наук РСФСР». Вып. 7, 1947.
70. Соколов А. Н. Электромнографический анализ внутренней речи и проблемы нейродинамики мышления.— В кн.: Мышление и речь. М., 1963.
71. Соколова А. М. Особенности внешнеэкономической терминологии в современном французском языке. Канд. дисс., М., 1973.
72. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1978.
73. Статистика речи. Л., 1968.
74. Степанов Ю. С. Основы языкознания. М., 1966.
75. Степанов Ю. С. Французская стилистика. М., 1965.
76. Стрелковский Г. М. Пособие по переводу с немецкого языка на русский и с русского языка на немецкий. М., 1973.
77. Теория речевой деятельности. М., 1968.
78. Толковый словарь военных терминов. М., 1966.
79. Тростников В. Н. Человек и информация. М., 1970.
80. Тюхтин В. С. Системно-структурный подход и специфика философского знания. «Вопросы философии», 1968, № 11.
81. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М., 1968.
82. Цвиллинг М. Я. Синхронный перевод как объект экспериментального исследования. «Тетради переводчика». М., 1966.
83. Чернов Г. В. Синхронный перевод: речевая компрессия — лингвистическая проблема. «Тетради переводчика». М., 1969.
84. Чернов Г. В. Теория и практика синхронного перевода. М., 1978.
85. Чикобава А. С. К вопросу взаимоотношения мышления и речи в связи с ролью коммуникативной функции.— В кн.: Язык и мышление. М., 1967.
86. Чистович Л. А., Бондарко Л. В. Об управлении артикуляционными органами в процессе речи.— В кн.: Исследования по структурной типологии. М., 1963.
87. Швейцер А. Д. К проблеме лингвистического изучения процесса перевода. «Вопросы языкознания», 1970, № 4.
88. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М., 1973.
89. Шеннон К. Математическая теория сообщений.— В кн.: Теория передачи электрических сигналов при наличии помех. М., 1953.
90. Ширяев А. Ф. Синхронный перевод с французского языка. Автореферат канд. дисс. М., 1973.
91. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.
92. Щур Г. С. О типах лексических ассоциаций в языке.— В кн.: Семантическая структура слова. М., 1971.
93. Catford J. C. Linguistic Theory of Translation. Oxford, 1965.
94. Frick F. C., Sumbly W. H. Control Tower Language. Journ. Acoust. Soc. Am., № 24, 1952.

95. Grodziński E. Znaczenie słowa w języku naturalnym. Warszawa, 1964.
96. Herbert J. Manuel de l'interprète. Jenève, 1952.
97. Koessler M. et Derocquigny J. Les faux-amis ou les pièges du vocabulaire anglais. 5-e ed. Paris, 1961.
98. Lacey J. I. and Smith R. L. Conditioning and Generalization of Unconscious Anxiety. «Science», № 120, 1954.
99. Nida E. A. Analysis of Meaning and Dictionary Making. «International Journal of American Linguistics», 1958, vol. 24, № 4.
100. Rabin Ch. Cultural Aspects of Bible Translations. «Babel», vol. XVIII, № 3, 1972.
101. Razran G. Stimulus Generalization of Conditioned Responses. «Psychol. Bull.», vol. 46, 1949.
102. Riess B. F. Semantic Conditioning Involving the Galvanic Skin Reflex. «J. exper. Psych.», vol. 26, 1940.
103. Seleskovitch D. L'interprète dans les conférences internationales. Paris, 1968.
104. Tesnière Lucien. Eléments de Syntaxe structurale. Paris, 1959.
105. Vinay J. P., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode et traduction. Paris, 1958.
106. Wittgenstein L. Philosophical Investigations. Oxford, 1958.

*Рюрик Константинович
Миньяр-Белоручев*

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА
И УСТНЫЙ ПЕРЕВОД

Редакторы *И. И. Мяков и Н. В. Черемухина*
Художник обложки *Л. Н. Наумов*
Технический редактор *Н. Я. Богданова*
Корректор *Л. И. Брюквина*

ИБ № 899

Сдано в набор 30.03.79. Подписано в печать 25.03.80. Г-30385
Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Литерат. гарн.
Высокая печать. Печ. л. 7¹/₂. Усл. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 13,294.
Тираж 14 000 экз. Изд. № 11/3928. Зак. 141. Цена 95 к.

Воениздат
103160, Москва, К-160
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Сковорода-Степанова, дом 3.